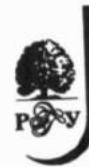

Dominique Charpin
LIRE ET ÉCRIRE À BABYLONE

Presses universitaires de France
2008

Доминик Шарпен
ЧТЕНИЕ И ПИСЬМО В ВАВИЛОНИИ

Москва
2009

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)31-7
Ш 25

Ответственный редактор *Леонид Коган*
Перевод *Ильи Архипова*

Художник *Михаил Гуров*

ISBN 978-5-7281-1108-5

© Presses Universitaires de France,
2008
© Архипов И.С., перевод, 2009
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2009

Оглавление

<i>Предисловие издателя и переводчика</i>	7
<i>Предисловие автора</i>	9
<i>Введение</i>	17
<i>Глава 1</i> Распространение грамотности	31
<i>Глава 2</i> Обучение грамоте: учителя, ученики и методы	61
<i>Глава 3</i> Архивные документы	95
<i>Глава 4</i> Действие, слово и письмо в правовой сфере	127
<i>Глава 5</i> Переписка	155
<i>Глава 6</i> «Литературные» произведения и библиотеки	187
<i>Глава 7</i> Послания богам и потомкам	223
<i>Заключение</i>	251
<i>Сокращения</i>	255
<i>Примечания</i>	263
<i>Библиография</i>	315
<i>Список иллюстраций</i>	321

Предисловие издателя и переводчика

В последние десятилетия в области истории древней Месопотамии и клинописной цивилизации достигнуты выдающиеся успехи. Это связано с открытием новых археологических памятников, расширением источников, а также с применением современных методов исследования. В то же время в нашей стране существует острый недостаток в литературе по этой теме. Мы надеемся, что настоящее издание положит начало возрождению традиции научного перевода работ по истории и филологии древней Передней Азии в нашей стране.

За последние пятнадцать лет в России не опубликовано ни одной переводной монографии по истории древней Месопотамии и клинописной цивилизации. Широкий читатель и прежде всего студенты сегодня почти не имеют доступа к современным достижениям зарубежной ассириологии, несмотря на то, что эта дисциплина очень быстро развивается. Мы надеемся, что настоящее издание положит начало возрождению традиции научного перевода работ по истории и филологии древней Передней Азии в нашей стране.

Профессор Сорбонны Доминик Шарпен, автор девяти монографий и множества статей, принадлежит к числу ведущих специалистов по истории Месопотамии в Старовавилонскую эпоху. Для перевода на русский язык мы выбрали его новейшую книгу, которая, на наш взгляд, обладает достоинствами как академического, так и научно-популярного труда.

С одной стороны, автор впервые в мировой историографии представляет синтетическое исследование клинописи как культурного и общественного феномена. Монография является не только фундаментальным обобщающим пособием, но и новаторским исследованием, ломающим многие ассириологические стереотипы. К ним относится, например, ошибочное представление о том, что владение клинописью в древности было уделом лишь небольшой группы ученых писцов. Д. Шарпен убедительно показывает, что по крайней мере во II тыс. до н. э. читать и писать в Месопотамии умели не только профессиональные писцы, но и большинство представителей высших слоев общества, не исключая женщин.

С другой стороны, книга написана ясным и доступным языком, содержит многочисленные выдержки из клинописных текстов, многие из которых никогда не издавались на русском языке. Русский перевод книги Д. Шарпена будет интересен как специалистам и студентам-ассириологам, так и всем интересующимся историей и культурой Древнего Востока.

Мы искренне благодарим автора книги, оказавшего большую помощь при ее переводе, а также профессора Коллеж де Франс Ж.-М. Дюрана, обеспечившего финансовую поддержку этому проекту. В работе над книгой нам очень помогли редактор С. В. Веснина и Е. Ю. Визирова, взявшая на себя вычитку цитат на шумерском языке.

И. С. Архипов, Л. Е. Коган
Москва, май 2009 г.

Предисловие автора

«История начинается в Шумере» – так, по предложению Жана Боттеро, была названа книга Сэмюэла Н. Крамера, переведенная на многие языки мира. Действительно, многие атрибуты современной цивилизации восходят к эпохе начала IV тыс. до н. э. Поиск корней и истоков увлекает многих исследователей; меня же больше интересует функционирование цивилизации, достигшей зрелости. Вероятно, это прежде всего вопрос вкуса; кроме того, меня привлекает возможность быстро находить подтверждения – или опровержения – для моих гипотез, что оказывается намного сложнее в случае с более древними периодами. Итак, эта книга посвящена в основном «классической» эпохе в истории месопотамской цивилизации – долгому тысячелетию, которое началось в правление Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.) и закончилось во времена Навуходоносора (604–562 гг. до н. э.). Эти правители были царями Вавилонии, что нашло отражение в названии книги; тем не менее ее сюжет не ограничивается этой областью, которая играла ключевую роль в развитии клинописной культуры.

Я постарался сделать текст книги легким для восприятия и одновременно предоставить нужные сведения заинтересованному читателю. Поэтому все библиографические ссылки и примечания были вынесены в конец издания.

Большой честью для меня стало предложение перевести мою работу на русский язык. Я искренне благодарю Илью Архипова за то, что он согласился выполнить перевод книги: эта идея стала удачным продолжением нашего плодотворного сотрудничества, начатого в Париже в рамках проекта по изданию архивов

Эволюция языка и письменности

Даты (до н. э.)

ок. 3200–3000
ок. 3000–2900
ок. 2900–2500
ок. 2500–2334
ок. 2334–2193
ок. 2200–2000

Урук IV
Урук III (Джемдет-Наср)
I и II Раннединастический
III Раннединастический
Староаккадский
Повошумерский

ок. 2000–1600
ок. 1600–1000
после 1000

Юг
Старовавилонский
Средневавилонский
Нововавилонский (до 539)
Поздневавилонский
(последний текст датируется 75 г. н. э.)

Север
Староассирийский
Среднеассирийский
Новоассирийский (до 610)

Цари и династии

Даты (до н. э.)

ок. 2334–2193

2212–2004

ок. 2000–1600

ок. 1600–1000

ок. 1000–612

Аккадская династия
Саргон (2334–2279)
Нарам-Син (2254–2218)
III династия Ура
Шульги (2094–2047)

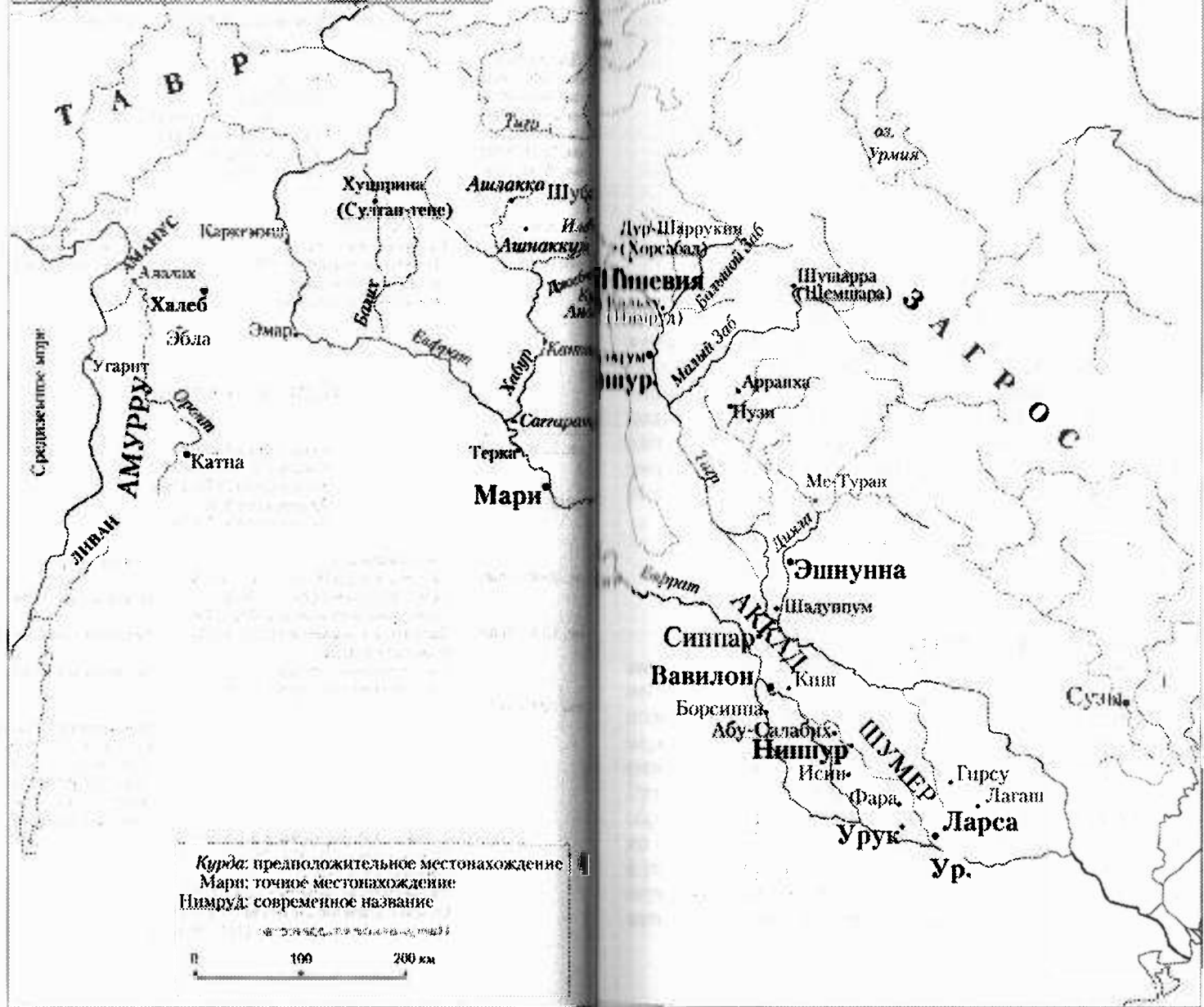
Юг (Вавилония)
Липит-Эштар в Исине (1934–1924)
Рим-Син в Ларсе (1822–1763)
Хаммурапи в Вавилоне (1792–1750)
Касситская династия (1595–1155)
II династия Исина
Навуходоносор I (1124–1103)
Алад-апла-иддина (1067–1046)

Север (Ассирия)
Шамши-Алад (1808–1775)
Тукульти-Нинурта I (1243–1207)
Тиглатпаласар I (1114–1076)

Новоассирийская империя
Саргон II (721–705)
Синаххериб (704–681)
Асархаддон (680–669)
Ашшурбанипал (668–627)
Падение Ниневии (612)

Нововавилонская империя
Навуходоносор II (604–562)
Набонид (555–539)
Ахеменидская династия (538–330)
Селевкидское владычество (330–141)
Парфянское владычество (141–76 н. э.)

МЕСОПОТАМИЯ И СИРИЯ В III—I тЫС. до н. э.
 Карта: Д. Шартен; фон: М. Соваж

Что думали о происхождении письменности сами жители древней Месопотамии? В начале III в. до н. э. в Вавилонии жил жрец бога Мардука по имени Берос, написавший для царя Антиоха I сочинение о традициях своей страны. В этом сочинении письменность предстает одним из главных даров, на заре времен полученных человечеством от Оаннеса, существа с телом рыбы и головой человека. В те дни, когда люди жили «беспорядочно, как звери», в начале правления Алора, считавшегося первым царем Месопотамии, Оаннес вышел из вод Персидского залива¹:

«Это существо... научило людей грамоте, и математике, и искусствам разного рода, научило жить в городах, закладывать храмы, устанавливать законы».

Поскольку нам хорошо известны связи между Адапой (вавилонское имя Оаннеса) и богом Энки, покровителем искусств, несложно заключить, что этот дар был ниспослан людям с небес, подобно царской власти. Другая точка зрения представлена в шумерском эпосе «Энмеркар и правитель Аратты», который приписывает изобретение письменности человеку, царю Урука по имени Энмеркар. Нуждаясь в материалах для строительства храма, он обратился с просьбой к правителю богатой горной страны Аратта, но тот потребовал сначала разгадать несколько загадок. Энмеркар с успехом справлялся с испытанием до тех пор, пока посланник, перемещавшийся между двумя царствами, не отказался передать сообщение из-за его длины²:

«Так как посланник, чьи уста отяжелели, не смог этого повторить, правитель Куллабы (Энмеркар) смял глину и поместил на нее слова, как на табличку. Прежде помещать слова на глину не умели. Но с тех пор, как поднялось солнце того дня, стало так: правитель Куллабы поместил слова на табличку – стало так!».

Легко представить себе замешательство правителя Аратты, увидевшего первое в мире письменное послание... Отметим, в каких выражениях описывается письменность: «слово» (пошумерски *inim*) «помещается» на глину. Письмо – это устная речь, перенесенная на материальный предмет³. Следует ли противопоставлять две разные традиции, первая из которых считала письменность даром богов (посредником между ними и людьми выступил Оаннес), а вторая – изобретением человека (Энмеркара)?⁴ Вовсе нет: та же легенда рассказывает, что царь Урука был обязан своей мудростью богине Нисабе, помогавшей ему разгадывать загадки правителя Аратты⁴; при этом именно Нисаба была в месопотамском пантеоне богиней письменности. Наконец, оба повествования, несмотря на различия, позволяют сделать один и тот же вывод, который подтверждают и новейшие исследования: рождение письменности не поддается удовлетворительному объяснению как эволюционный процесс. Она появилась благодаря внезапному и радикальному прорыву и с самого начала образовывала законченную систему (рис. 1)⁵.

ДЕШИФРОВКА КЛИНОПИСИ

Об истории дешифровки клинописи пишут часто; о том, как сегодня читают клинопись ассириологи, – намного реже. Чаще всего непрофессионал, сталкивающийся с фотографией клинописного текста и его переводом, не может объяснить, как из одного получилось другое. Как правило, чтение клинописи – долгая и тяжелая работа, о которой специалисты почти не распространяются, подобно тому как повара не любят разглашать свои рецепты.

Рис. 1 – Архаическая табличка из Урука, ок. 3200 г. до н. э. (выдачи пива различных сортов). В то время знаки еще не разделялись на клиновидные сегменты, вследствие чего для этой эпохи правильнее говорить о «протоклинописи».

Нарушение этой традиции я вначале хотел бы пригласить читателя на нашу «кухню».

Трехмерная письменность

Принципиальное отличие клинописи от привычных для нас систем письма состоит в том, что она не наносилась на поверхность материала, а оттискивалась на табличках из сырой глины при помощи треугольной в сечении тростниковой или костяной палочки – стила (*рис. 15*). Клинообразная форма отпечатков стила дала название этой письменности – клинопись, используемое с XVIII в. Сочетание нескольких отпечатков образует знак: простейшие из них состоят из единственного горизонтального или вертикального клина, самые сложные могут включать до дюжины клиньев. Клинописные знаки – не что иное, как игра света и тени; для их правильного прочтения нужно, чтобы свет падал с левой стороны.

Расположение текста и палеография

Расположение текста на табличках менялось со временем. В начале они имели округлую форму, а их поверхность с лицевой и оборотной сторон расчерчивалась на вертикальные столбцы, в свою очередь делившиеся на клетки. Около 2300 г. до н. э. возобладала строчная ориентация текста, а таблички приобрели прямоугольную форму: чаще всего (но не всегда) строки располагаются параллельно короткой стороне. Вне зависимости от языка текста знаки писались слева направо.

С течением времени изменялась и форма знаков. Первые клинописные тексты появились около 3200 г., последний датированный документ был создан в 75 г. до н. э. Вначале знаки представляли собой пиктограммы, т. е. изображали то, что обозначали. Однако, в отличие от египетских иероглифов, клинопись очень быстро потеряла пиктографический характер и приобрела черты курсива. Различные этапы развития, а также региональные варианты клинописи детально описаны в специальных пособиях.

Таким образом, один взгляд на форму таблички, расположение текста и форму знаков позволяет опытному эпиграфисту еще до начала дешифровки текста определить, является ли он, к

примеру, архаическим хозяйственным документом, старовавилонским письмом или сочинением новоассирийских ученых.

Репертуар знаков

Теперь можно приступать к чтению документа. Первый этап работы состоит в идентификации знаков. Это далеко не простая задача, и на то есть целый ряд причин. Если латинский алфавит состоит из 26 букв, то «стандартный» репертуар клинописных знаков включает более 600 знаков. Степень сложности задачи во многом зависит от эпохи и жанра текстов. Легче всего читаются знаки Староаккадского периода (ок. 2334 – ок. 2193 до н. э.), отличающиеся непревзойденными изяществом и единообразием форм, а наиболее сложными для дешифровки часто считаются наклонные знаки конца Старовавилонского периода (XVII в. до н. э.). Следует принимать в расчет и жанр текста: копия литературного произведения для царской библиотеки Ашшурбанипала, разумеется, писалась намного аккуратнее, чем записка, в спешке составленная купцом.

Языки

Идентификация знаков – только начало: после этого необходимо определить значение каждого из них и разбить текст на значащие элементы: в клинописи нет ни разделителей между словами (исключение составляют тексты Староассирийского периода), ни знаков пунктуации. Вероятно, это самый сложный этап дешифровки.

Прежде всего, следует понять, на каком языке написан текст – ведь клинопись служила письменностью для многих языков. Изначально она была предназначена для шумерского – языка, родственные связи которого по-прежнему неизвестны. К середине III тыс. до н. э. клинопись была адаптирована для аккадского языка, принадлежащего к той же семитской семье, что древнееврейский и арабский. Уже около 2000 г. до н. э. аккадский язык был представлен в виде двух диалектов – ассирийского и вавилонско-

го. Кроме того, клинопись служила для записи индоевропейского хеттского языка, а также таких по-прежнему малоизученных языков, как хурритский или эламский. Конечно, исследователи клинописной цивилизации сегодня вынуждены выбирать ту или иную специализацию, но каждый из них все же должен обладать хорошей общеассириологической подготовкой. Так, изучать шумерский невозможно, не владея аккадским: значение шумерских слов, не имеющих параллелей в других языках, чаще всего известно благодаря словарям, составленным аккадскими писцами. Специалисты по аккадскому необязательно знают хеттский, однако обратное неверно, и т. п.

Логограммы и слоговые чтения

От языка текста зависит содержание следующего этапа дешифровки. Например, в аккадском слова могут записываться фонетическими знаками, или силлабограммами, каждая из которых читается как отдельный слог (один гласный звук, сочетание гласный + согласный, согласный + гласный или согласный + гласный + согласный).

Трудность состоит в том, что один и тот же знак может иметь несколько фонетических чтений. Так, знак NI в последовательности BE-NI читается как [li] (в ассириологической транскрипции — *li*₂): в аккадском *bēli* означает «мой господин». Но в последовательности PA-NI знак NI будет читаться как [pi] (*pāni* переводится как «лицо» в косвенном падеже).

Ситуация еще больше усложняется тем, что у каждого знака, помимо фонетических чтений, может быть одно или несколько логографических значений. Писцы, адаптировавшие клинопись для аккадского языка, сохранили за некоторыми знаками логографические значения, которые они имели в шумерском. Напомним, что логограмма — это знак, передающий одновременно звучание и смысл. Например, знак **𒀭** произносится [ka] и означает в шумерском «рот». Аккадский писец мог использовать этот знак для передачи слова *riit*, означающего «рот» в его языке. Таким образом, если слоговое чтение знака KA не подходит по смыслу, следует задуматься о его идеографических значениях.

У идеограмм есть существенный недостаток: они увеличивают общее число знаков и трудны для запоминания. Однако они обладают и важным преимуществом, объясняющим, почему их так ценили древние писцы: идеограммы занимают меньше места на табличке и отнимают меньше времени при письме, так как один единственный знак заменяет собой три или четыре силлабограммы. В качестве примера можно привести следующий отрывок из подлинного коммандиума. Первая строка представляет собой транслитерацию старовавилонской версии текста (2000–1600 до н. э.) в слоговом написании. Ниже — тот же отрывок в новоассирийской версии (VIII–VII вв. до н. э.), записанный идеограммами: знак BE читается как *šumma*, SAL — как *sinništum*, и т. д. В последних двух строках даются транскрипция аккадского текста и перевод:

<i>šum-ma</i>	<i>sí-in-ni-iš-tum</i>	<i>ú-li-id-ma</i>	(11 знаков)
BE	SAL	Ú.TU-ma	(5 знаков)
<i>šumma</i>	<i>sinništum</i>	<i>ūlid-ma</i>	
«Если	женщина	родила»	

Таким образом, идеографическая запись могла служить своего рода скорописью, хотя ее принципы значительно отличались от стенографических систем, использующихся сегодня.

Со стороны эта система кажется очень сложной. Традиционно ассириологи считали, что ее использование было уделом узкого круга писцов, овладевавших клинописью после долгого обучения. Ниже мы покажем, что с таким видением месопотамской цивилизации трудно согласиться.

Восстановление текста

Если табличка хорошо сохранилась, а текст принадлежит к достаточно известному жанру, предварительная расшифровка не занимает много времени. Например, договор о продаже земли читается «на одном дыхании», если эпиграфист знаком с формулярами, применявшимися составителями документов в ту эпоху, и знает собственные имена, распространенные в данном регионе.

Если текст представляет собой письмо, работать с ним придется дольше, поскольку тексты этого жанра по определению менее однообразны.

Если табличка дошла до нас в разбитом состоянии, следует начать с поиска фрагментов, которые некогда составляли целый текст (на ассириологическом жаргоне они называются «джойнами»). Для этого используются два взаимодополняющих метода. Вначале поиск лучше вести, отталкиваясь от формы фрагментов и отбирая те их них, которые подходят друг к другу по типу раскола (например, диагональные половинки таблички, и т. п.). Затем «джойны» подбираются по содержанию: например, если на двух разных фрагментах встречается одно и то же редкое имя, вполне вероятно, что они принадлежат к одной табличке.

В тех случаях, когда поиск «джойнов» не приносит результата или повреждена сама поверхность таблички, возникает проблема восстановления лакун. Если содержание текста соответствует стандартному формуляру, эта проблема решается довольно просто. Намного сложнее работать с письмами, несмотря на широкое использование в них риторических клише. Во многих случаях научная мысль упирается в объективный предел: каким бы высоким ни был уровень исследователя, восстановленный текст никогда нельзя считать абсолютно достоверным.

Если текст принадлежит к категории «литературных» произведений, работа по его восстановлению имеет свои особенности, которые связаны с наличием большого числа списков (экземпляров) одного и того же текста. Лакуны на одной из табличек можно в этом случае заполнять с помощью параллельных мест в других экземплярах. В то же время наличие множественных дубликатов текста усложняет работу по его изданию. В таких случаях современные шумерологи обычно издадут сводный реконструированный текст, однако каждая его строка сопровождается транслитерацией строк отдельных рукописей, на основе которых она была восстановлена («партитура»).

Этот тип работы требует сличения всех дошедших до нас экземпляров того или иного текста. Иными словами, необходимо заново просмотреть все таблички, на которых записаны дубликаты издаваемого произведения: некоторые из них публиковались

очень давно, и их чтение часто можно скорректировать, в особенности, если впоследствии были обнаружены новые дубликаты. Следовательно, ассириологу придется объехать все музеи мира, где находятся интересующие его таблички. Например, готовя к публикации шумерский литературный текст, следует запланировать посещение Вавилонской секции Университетского музея Филадельфии (США), Стамбульского музея древнего Востока (Турция) и Университетского музея Йены (Германия) – между этими тремя коллекциями разделены документы из города Ниппур, где было найдено большинство табличек с шумерскими литературными произведениями. Не менее часто ассириологи обращаются в Британский музей (Лондон), Переднеазиатский музей (Берлин), Иракский музей (Багдад) или Лувр (Париж).

Перевод

После того, как завершена транслитерация текста, можно приступать к его переводу. Как мы увидим ниже, на самом деле эти два процесса тесно взаимосвязаны. Конечно, техника перевода будет различной в зависимости от языка текста. Лексика аккадского языка известна достаточно хорошо, с определенными проблемами мы сталкиваемся лишь при интерпретации некоторых технических терминов. Хорошее понимание аккадской лексики обусловлено принадлежностью аккадского к семье семитских языков, которые предоставляют обширный сравнительный материал для поиска значений неизвестных слов, то и дело встречающихся во вновь опубликованных аккадских текстах. Кроме того, работу облегчает наличие двух больших словарей – аккадско-немецкого (W. von Soden, *Akkadisches Handwörterbuch*) и аккадско-английского (*Chicago Assyrian Dictionary*).

С шумерским языком ситуация намного сложнее, прежде всего с практической точки зрения: полноценного шумерского словаря на сегодняшний день просто не существует. Остается использовать многочисленные глоссарии, составленные шумерологами для отдельных корпусов текстов, и ожидать завершения проекта по изданию Пенсильванского шумерского словаря. К тому же у специалистов по шумерской лексике нет возможности при-

бегать к сравнению с другими языками; их главный инструмент – шумеро-аккадские лексические списки, составленные древними для обучения начинающих писцов шумерскому языку.

Проблема воспроизведения

Воспроизведение оригиналов табличек в современных научных изданиях призвано решить две задачи. На протяжении многих десятилетий копия была основным видом доступа к источникам: клинописные тексты публиковались только в виде прорисовок, после чего каждый исследователь самостоятельно занимался их расшифровкой. Такие копии представляют собой двухмерное изображение трехмерной надписи, выполненное вручную (рис. 2). Какой бы точной ни была копия, она неизбежно является авторской интерпретацией. В поврежденных местах следы знаков часто трудноразличимы, вследствие чего выполненные издателями текстов прорисовки часто корректируются другими исследователями. Сегодня тексты обычно издаются в виде транслитерации и перевода, а копия выполняет только контрольные функции.

Все чаще вместо копии публикуются фотографии текста. Теоретически они более достоверны, но на практике фотограф сталкивается с той же проблемой – как без потерь перейти от трехмерного изображения к двухмерному? Как правило, необходимо сделать шесть снимков таблички, по одному для каждой из сторон, содержащих текст (интересные результаты недавно были получены при помощи трехмерного сканера). Кроме того, существует проблема качества фотографии: при фотосъемке клинописных табличек ключевое значение имеет освещение. Лучшие снимки получаются, если обработать табличку парами хлорида аммония: они оседают на ее поверхности в виде тонкой белой пленки, но не проникают вглубь клиньев, что решающим образом повышает контрастность изображения. Определенную роль играет выбор фотопленки, химических реактивов и бумаги; если снимок выполнен цифровой камерой, файл можно обработать при помощи специальной программы. Наконец, помимо качества самой фотографии важно качество ее репродукции, которое зависит прежде всего от финансовых возможностей издательства. Долгое время

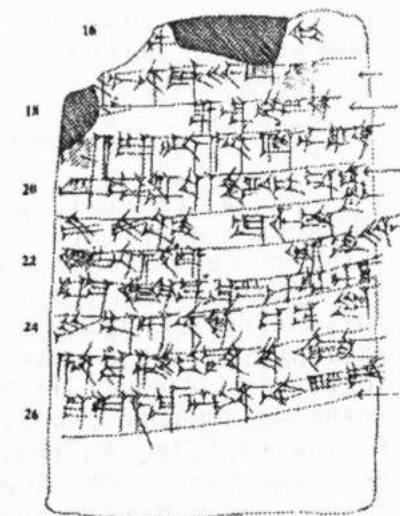

Рис. 2 – Копия и фотография одного и того же текста (письмо А.2692 из Мари).

для публикации фотографий приходилось использовать так называемые микрофиши; сегодня фотографии часто записываются на компакт-диски.

Удобство и долговечность носителей

Работа ассириолога заключается, таким образом, не только в подготовке транслитерации и перевода древнего текста, но и в его переносе на новые носители – лист бумаги; жесткий диск компьютера; фотопленку. Эти носители обладают многими преимуществами перед глиной, которая, например, не позволяет редактировать текст, как компьютер, или добавлять новые записи на тот же лист, как бумага. Но обожженная глина отличается одним важным достоинством – она не боится ни огня, ни воды, ни магнитных полей. Иными словами, через несколько тысяч лет наши фотографии, книги, жесткие диски, скорее всего, исчезнут, тогда как собрания клинописных табличек останутся целыми и невредимыми...

Историку трудно подобрать подходящий термин для обозначения жителей Месопотамии. Древние обитатели региона не считали и не называли себя «месопотамцами»; с географической точки зрения между югом и севером современного Ирака (эта территория соответствует древним Вавилонии и Ассирии) имеются огромные различия. Сама «Вавилония» не существовала как единое целое до начала II тыс. до н. э.: эта область состояла из Аккада на севере (район современного Багдада) и Шумера на юге. Наконец, рубежи «месопотамского» мира никогда не были фиксированными. Классическая иллюстрация их подвижности – город Мари на среднем Евфрате, в 15 км к западу от современной границы между Ираком и Сирией: в зависимости от эпохи и угла зрения, его можно считать частью Месопотамии или, напротив, Восточного Средиземноморья. Мари – далеко не единственный пример подобного перекрестка культур. Наше повествование бу-

дет лишь изредка выходить за пределы центрального для нас региона – на запад (Сирия, Анатолия) или на восток (Иран).

Месопотамская цивилизация существовала многие тысячелетия. Проблема периодизации ее развития далека от окончательного решения⁶, но на основе различных политических и лингвистических критериев была выработана широко распространенная хронологическая схема, которая, несмотря на ее несовершенство, будет использоваться и в этой книге (см. стр. 13). Следуя терминологии, принятой в рамках этой схемы, мы будем говорить о 400-летнем Старовавилонском периоде (начало II тыс. до н. э.), центральным эпизодом которого было царствование вавилонского царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.), о Новоассирийской империи и т. п.

Первый вопрос, на который мы попытаемся ответить, – действительно ли владение клинописью было уделом касты профессиональных писцов, как считалось в течение долгого времени (гл. 1). После этого мы расскажем о методах обучения грамоте, учителях и учениках (гл. 2), а затем перейдем собственно к письменным памятникам – архивным документам в целом (гл. 3) и, более конкретно, правовым документам (гл. 4) и письмам (гл. 5). В гл. 6 речь пойдет о месопотамских библиотеках – если современные библиотеки представляют собой прежде всего место для чтения, в древней Месопотамии дело обстояло иначе. Наконец, в гл. 7 мы рассмотрим вопрос о том, для кого писались древнемесопотамские тексты. Произведения, написанные «для вечности», в те времена были редкостью; тем не менее некоторые из дошедших до нас памятников предназначались для богов и потомков. Расшифровывая мемориальную надпись правителя, ученый исполняет его заветное желание – спасти свое имя от забвения. В этом случае ассириолога едва ли можно упрекнуть в нескромности, чего не скажешь об исследователе, который читает частную переписку древних вавилонян...

Глава 1
Распространение грамотности

Исследователи грамотности в древних обществах, как правило, не интересуются эпохами, предшествующими древнегреческой цивилизации⁷. Тем не менее вопрос о том, кто умел читать и создавать клинописные тексты, не раз обсуждался специалистами. Ход дискуссии отражен, например, на страницах превосходного коллективного труда о месопотамской цивилизации под редакцией Дж. Сассона⁸. Некоторые ассириологи (например, Л. Пирс и П. Михаловский), считают, что грамотность была делом узкого круга лиц: «Писцы выполняли свою работу в обществе, где огромное большинство было неграмотным» (стр. 2265); «Грамотность на древнем Ближнем Востоке всегда была очень ограниченной, и только представители элиты – писцы, а также царские и храмовые чиновники – умели читать и писать» (стр. 2279). Более умеренной точки зрения придерживается Х. Ван-стипхаут: «Можно сказать, что один из важнейших аспектов грамотности состоит в общественной функции, выполняемой грамотными людьми (*literati*). Огромное количество дошедших до нас документов свидетельствует о том, что практически все стороны жизни подлежали тщательному администрированию, которое в значительной степени осуществлялось в письменной форме и, следовательно, грамотными людьми. (...) Распространение и уровень грамотности (...) оценить очень трудно. Но огромное значение письменных документов для всех аспектов существования общества заставляет считать, что грамотность была распространена шире, чем показывают источники» (стр. 2188). Нако-

нец, Н. Постгейт в своей книге «Древняя Месопотамия» (1992 г.) подчеркивает, что в начале II тыс. до н. э. читать и писать могли представители самых разных слоев общества, на что указывает переписка, касающаяся частной жизни и самых повседневных ее проблем. Ниже мы увидим, что именно такая точка зрения ближе всего к действительности.

КТО УМЕЛ ЧИТАТЬ И ПИСАТЬ?

Долгое время было принято считать, что из общего правила, согласно которому грамотой владели только профессиональные писцы, имелись лишь отдельные исключения. К таким особым случаям относили представителей власти, жречество и купцов. С этих социальных страт мы и начнем. Затем мы представим аргументы, доказывающие, что на рубеже III и II тыс. до н. э. письменность была распространена намного шире, чем считается. Подтвердить нашу точку зрения помогут, в частности, архивы из старовавилонского города Мари.

«Исключения из правила»

В исследованиях по истории Месопотамии традиционно упоминаются три правителя, утверждавшие, что они владеют письмом: царь Ура Шульги (первая половина XXI в.), царь Исина Липит-Эштар (вторая половина XX в.) и, намного позже, ассирийский царь Ашшурбанипал (середина VII в.).

В гимне Šulgi A правитель требует покровительства богини письма, восклицая⁹:

«Я – мудрый писец богини Нисабы!».

В гимне Šulgi B царь вспоминает о полученном им образовании¹⁰:

«Когда я был маленьким, то изучал в школе искусство писца по табличкам Шумера и Аккада. Никто из знатных не мог писать так, как я. Там, куда приходят за наукой письма, я овладел вычитанием, сложением, счетом и учетом. Прекрасные богини Нанибгалл и Нисаба щедро наделили меня знанием и пониманием. Я внимательный писец, который ничего не упускает!».

Далее Шульги похваляется своими познаниями в науке гадания и в музыке.

Искусство писать и читать, присущее царю Исина, воспевается в гимне Lipit-Eštar B, где к правителю обращаются с такими словами¹¹:

«Богиня Нисаба, Жена, излучающая радость, истинная жена-писец, госпожа всякого знания, водила твои пальцы по глине; она сделала прекрасными твои письма на табличках и вложила в твою руку сверкающий золотой стиль».

Самый известный пример грамотного правителя – новоассирийский царь Ашшурбанипал¹², который в своей знаменитой надписи утверждал, что блестяще владеет всеми видами учености¹³:

«Бог Мардук, мудрец среди богов, вручил в дар мне обширные знания и глубокий ум. Бог Набу, писец вселенной, дал мне в подарок наставления своей мудрости. Боги Нинурта и Нергал наделили мое тело богатырской мощью и несравненной силой. Я изучил искусство мудреца Адапы, всю совокупность тайного знания письма. Мне ведомы знамения неба и земли, я могу обсуждать их в собрании ученых. Я способен спорить с опытными гадателями о таблицах “Если печень – отражение неба”. Я могу решать сложные задачи на деление и умножение, на которые нелегко дать ответ. Я прочел трудные записи, шумерский которых темен, а аккадский – сложен для понимания. Я изучил допотопные надписи на камне, чье значение запечатано, глухо и запутано».

Ашшурбанипал говорит о себе как о знатоке гадательного искусства, математики, языков и даже эпиграфики (рис. 3)¹⁴.

К тому же царь предстает мудрецом и атлетом – каждое божество наделило его выдающимися качествами в соответствии со своими функциями. Согласно другому тексту, бог Ашшур даже подарил Ашшурбанипалу знание всех языков мира! Иными словами, перед нами описание идеального героического правителя, которое не может не порождать сомнений в присущих ему в действительности навыках чтения и письма. Кстати, было отмечено, что автобиография Ашшурбанипала была составлена под влиянием первых строк эпоса о Гильгамеше¹⁵:

«Сокровенное видел он (Гильгамеш), тайное ведал (...) принес нам весть о днях до потопа».

Впрочем, у нас есть и другие, более надежные свидетельства о грамотности Ашшурбанипала. Так, в 671 г., через год после того, как Асархаддон определился с наследником, которым стал Ашшурбанипал, ученый по имени Баласи писал правителю¹⁶:

«Воистину, кому царь оказал такую же честь, как мне, которого ты назначил на службу к царевичу, дабы я был его наставником и читал с ним упражнения?».

Найдено даже одно из писем самого Ашшурбанипала царю Асархаддону, явно написанное на начальной стадии обучения¹⁷. Царевич следовал тому же обычаю, что и прочие ученики: выполненные письменные упражнения посвящались богу Набу. На это указывают колофоны некоторых табличек (колофонами называются пометки копииста в конце текста, содержащие его имя, название произведения, обстоятельства создания копии и др. – см. гл. 6). Ашшурбанипал в точности соблюдает эту традицию¹⁸:

«Ашшурбанипал, царь великий, царь сильный, царь вселенной, царь Ассирии, сын Асархаддона, царя Ассирии, сына Синаххериба, царя Ассирии. В согласии с глиняными табличками и деревянными складнями, списками из Ассирии и страны Шумера и Аккада я написал, проверил и сличил эту табличку в собрании ученых и для моего царского чтения поместил ее в мой дворец. Кто сотрет

Рис. 3 – «Палеографическое упражнение» Новоассирийского периода (силлабрий А). Каждый столбец разделен на клетки, в которых слева указывается архаическая форма знака, а справа – его эквивалент в письменности того времени.

мое имя и напишет свое – пусть бог Набу, писец вселенной, сотрет его имя!».

Также было замечено, что письмо, полученное царем от астролога Набу-аххе-эриба, содержит многочисленные глоссы, которые должны были облегчить правителю чтение текста. Несколько лет назад этот сюжет заново исследовал Пьер Виллар, давший познаниям Ашшурбанипала умеренную оценку¹⁹:

«Нет никаких причин сомневаться в его интересе к письменным наукам, но при этом не следует преувеличивать значение образа грамотного царя в имперской пропаганде. Например, этот мотив

совершенно отсутствует в рельефах, содержание которых определялось в соответствии с указаниями правителя».

Это наблюдение очень важно, но нуждается в уточнении: недавно предмет, изображенный заложенным за пояс Ашшурбанипала на нескольких рельефах, удалось определить как стиль (рис. 4)²⁰. Отметим, что на них изображена сцена охоты: это показывает широту способностей правителя – умелого писца и выдающегося охотника одновременно. В очередной раз бросается в глаза взаимосвязь между текстом и изображением.

Итак, мы располагаем свидетельствами о грамотности только нескольких правителей. Означает ли это, что все остальные цари в Месопотамии были неграмотными? Так считал, например, знаменитый ассириолог Б. Ландсбергер²¹:

«За всю долгую историю Месопотамии только эти три царя заявляли, что умеют читать и писать. Я считаю, что это подчеркивает одновременно закрытость корпорации писцов и зависимость дворца от предоставляемых ими услуг».

Ниже мы увидим, что существуют серьезные причины сомневаться в этом выводе. Прежде всего, примеры грамотных царей не исчерпываются этими тремя: о своем владении грамотой говорили и другие цари Исина, помимо Липит-Эштара²²; отец Ашшурбанипала Асархаддон в одной из своих надписей также утверждал, что умел писать²³. Именно он начал собирать таблички для Ниневийской библиотеки; Ашшурбанипал, с чьим именем обычно связывается эта коллекция, лишь продолжил дело отца (см. гл. 6). Наконец, еще один пример грамотного правителя – нововавилонский царь Набонид (555–539 гг. до н. э.). В одной из его надписей говорится²⁴:

«Бог Набу, управитель вселенной, подарил ему искусство письма».

В то же время в памфлете на Набонида, сочиненном, вероятно, вавилонскими жрецами Мардука, от имени царя утверждается обратное²⁵:

Рис. 4 – Рельеф, изображающий Ашшурбанипала на охоте (северный дворец Ниневии); за пояс царя заложен стиль.

«Я не владею клинописью, (но) видел скрытое».

Очевидно, что такое «признание» должно было дискредитировать царя и его религиозные реформы²⁶; также понятно, что этот предвзятый текст не следует понимать буквально. Выбирая между клише царственной риторики, унаследованной от Ашшур-банипала, с одной стороны, и полемическим документом, с другой, трудно решить, действительно ли Набонид умел читать и писать клинописные тексты²⁷. По меньшей мере можно предположить, что царь владел арамейской алфавитной письменностью.

Вторую категорию потенциально грамотных людей, помимо профессиональных писцов, составляли представители жречества. Их умение писать долгое время ставилось под сомнение, о чем свидетельствуют категоричные высказывания того же Б. Ландсбергера²⁸:

«Идею о так называемой “жреческой мудрости” (Priesterweisheit), все еще встречающуюся во второсортных учебниках, следует подвергнуть суровой критике как романтическое заблуждение. Писцы, несмотря на глубокую религиозность большинства из них, представляли собой абсолютно светское сообщество. И наоборот, жрецы, а также цари (за редкими исключениями), наместники и судьи были неграмотны».

Как мне кажется, в своей книге о жречестве города Ура я смог доказать ошибочность этого суждения: эпиграфические находки в домах некоторых жрецов главного храма указывают на то, что они не только умели писать, но и давали уроки грамоты²⁹. К этому можно прибавить свидетельства, происходящие из города Сиппар-Амнанум, где в одном из домов было обнаружено около сотни школьных табличек³⁰. Этот дом принадлежал верховному плакальщику (gala mah) богини Аннунитум, а писец, работавший у него учителем, давал уроки его сыну и наследнику по имени Ур-Уту. Анализ учебной программы, выполненный по найденным табличкам, показал, что уровень полученных им знаний был не самым высоким. Жрецу достаточно было владеть азами грамоты – умением читать и писать³¹.

Лучше известен пример староассирийских купцов – уроженцев города Ашшур, которые в первой четверти II тыс. до н. э. вели караванную торговлю с Анатолией и основали там торговые фактории. Б. Ландсбергер полагал, что купцы пользовались услугами профессиональных писцов³²:

«Для частных нужд к услугам писцов прибегали нечасто. Единственное исключение составляют ассирийские колонии, где писцы служили у каждого купца».

Однако к началу 1970-х годов исследователи пришли к единому мнению, что большинство староассирийских купцов умели читать и писать самостоятельно. Насколько мне известно, первым такое предположение высказал Й. Ренгер³³. Изучая аккадский шиллабарий, этот исследователь обратил внимание на крайнюю ограниченность староассирийского репертуара знаков, что, по всей видимости, значительно облегчало купцам задачу освоения письменности. Дальнейшее развитие эта гипотеза получила в работах М. Т. Ларсена³⁴:

«Существуют указания на то, что читать и писать умели очень многие ассирийцы, так что в услугах писцов у частных лиц не было такой уж большой нужды. Система письменности была в высшей степени упрощенной, с ограниченным числом слоговых знаков и логограмм. Многие безобразно написанные частные документы служат доказательством того, что их авторы не были профессиональными писцами. Мы точно знаем, что сыновья некоторых влиятельных купцов обучались грамоте в Ашшуре».

М. Т. Ларсен также показал, что староассирийские купцы вовсе не были исключением среди других торговцев. В пример можно привести купцов из города Ларса на юге Ирака, которые около 1700 г. оказались в царстве Эшнунна, к востоку от современного Июдада. Как отмечал В. Ф. Леманс, все отправленные ими письма обладали эпиграфическими особенностями, характерными для Ларсы, но не для Эшнунны: из этого следует, что купцы не пользовались услугами местных писцов. В. Ф. Леманс заключил, что

торговцы привезли писца с собой, однако, согласно намного более убедительному мнению М. Т. Ларсена, они писали письма самостоятельно³⁵.

Новый подход

Итак, большинство ассириологов считают, что грамотность в Месопотамии была делом незначительного меньшинства, хотя и допускают некоторые исключения из этого правила. Это общепринятое мнение поставил под сомнение К. Вильке³⁶. Его работа, опубликованная в 2000 г., относится прежде всего к периоду конца III – начала II тыс. до н. э. Автор рассматривает проблему с трех углов зрения.

В первую очередь анализируются археологические данные: если жители древней Месопотамии умели читать и писать, следы этого должны были остаться в местах их проживания. К сожалению, подавляющая часть наших источников происходит из раскопок, которые велись нелегально или же в те времена, когда археологический контекст не считался важным и не фиксировался. К. Вильке попытался рассмотреть всю совокупность случаев, когда таблички были обнаружены в жилых домах. Ему удалось показать, что доля домов, где хранились клинописные тексты, была очень значительной во все эпохи: от четверти до трети в Ашшуре, более половины в Уре и т. д. На мой взгляд, этот вывод нуждается в следующих уточнениях: во-первых, в кварталах, где велись раскопки, располагались дома представителей элиты; во-вторых, факт архивации документов о собственности, займах и др. не обязательно предполагает умение читать, а тем более составлять такие документы.

Второй метод, предложенный К. Вильке, заключается в том, чтобы найти в самих текстах указания на их авторство. Так, по мнению этого исследователя, использование в тексте первого лица свидетельствует о том, что документ составлен самим пользователем. Также систематически исследуются часто встречающиеся в письмах выражения «*видя эту мою табличку*» или «*слушая эту мою табличку*», различие между которыми К. Вильке считает

важным: в первом случае можно предполагать, что получатель письма был способен прочесть его самостоятельно, не прибегая к услугам писца.

Наконец, третий метод заключается в изучении отклонений от орфографической нормы, которые считаются признаками того, что текст написан непрофессионалом³⁷.

В итоге К. Вильке приходит к двум выводам: с одной стороны, круг грамотных людей не сводился к корпорации профессиональных писцов, но включал и многих представителей элиты, как мужчин, так и женщин³⁸; с другой стороны, пассивная грамотность (умение читать) была, без сомнения, распространена намного шире, чем активная (умение писать).

Данные архивов Мари

До настоящего времени в работах, касающихся вопроса грамотности в Месопотамии, почти не использовались данные царских архивов Мари – государства, существовавшего на среднем Евфрате в XVIII в. до н. э. Однако в них содержится важная информация по этой теме³⁹.

Долгое время преобладала точка зрения, согласно которой высшие слои общества Мари не владели грамотой. Например, такой прекрасный знаток этого корпуса текстов, как Дж. Сассон, писал⁴⁰:

«Письменные сообщения вслух зачитывались писцами неграмотным чиновникам».

Конечно, мы никогда не сможем составить полный список чиновников Мари, умевших читать. Но точка зрения, согласно которой правящая верхушка этого царства целиком зависела от профессиональных писцов даже в таком деле, как чтение переписки, по меньшей мере неточна. На самом деле целый ряд текстов показывает, что мариотские вельможи читали и писали письма самостоятельно. Рассмотрим по порядку следующие категории представителей власти – чиновники, военачальники, гадалки, цари.

Вновь опубликованные источники все яснее указывают на то, что административные чиновники дворца Мари владели грамотой. Так, Хаматиль, главный управляющий дворца в правление Яхдун-Лима (конец XIX в.), в надписи на своей печати называет себя «писцом»⁴¹. Несколькими десятилетиями позже, в царствование Зимри-Лима, чиновник по имени Ясим-Суму, носивший, согласно одной из его печатей, титул «верховного счетовода» (*šandabakkum*), прежде пользовался печатью, квалифицирующей его как писца (*tuṣṣarrum*)⁴². Дворцовый управляющий Муканнишум, в ведении которого находилось ремесло, назван «писцом» в одном тексте и «управляющим» в другом⁴³; эту серию примеров можно продолжить⁴⁴. Тем не менее возникает вопрос, в какой степени эти чиновники владели искусством письма. Нельзя забывать и о существовании различных жанров текстов: например, вполне вероятно, что люди, способные составлять административные тексты, не умели писать письма. Архивы из Телль-Шемшары, городища на Малом Забе в Иракском Курдистане, четко показывают, что между писцами, работавшими с перепиской, и теми, кто имел дело с намного более простыми учетными документами, существовала заметная разница в уровне образования⁴⁵. Это явление объясняется тем, что содержание большинства административных текстов сводится к цифрам, логограммам и собственным именам. Мы, как представители «алфавитной» культуры, склонны забывать, что пользоваться логограммами – в особенности когда их число, как в данном случае, невелико – намного проще, чем фонетическими знаками. В пример можно привести письмо, где наместник Мари по имени Бахди-Лим сообщает Зимри-Лиму о встрече вождей разных племен в ходе переписи населения⁴⁶:

«Вот табличка, которую я написал по поводу их людей, город за городом, и только что отправил моему господину».

Если бы Бахди-Лим воспользовался чьими-либо услугами для составления этой таблички, он употребил бы, как в ряде других случаев, каузативную (заставительную) породу глагола «писать» (*šaṭārum*): «я велел написать». Скорее всего, наместник Мари самостоятельно составил этот текст, представлявший собой

простой список собственных имен. Но отсюда вовсе не следует, что Бахди-Лим умел писать письма, хотя это и кажется мне весьма вероятным.

Существует целый ряд примеров того, как чиновники писали письма без посторонней помощи. Например, Итур-Асду, занимавший должность наместника в разных городах царства Мари, писал⁴⁷:

«До сего времени я не отправлял посланий моему господину. [Теперь] я запишу известия на табличку».

Глагол «писать» (*šaṭārum*) в основной породе обычно употребляется в тех случаях, когда писал сам автор текста; прибегающий к услугам писца использует интенсивную или каузативную породу. Следовательно, скорее всего Итур-Асду сам составлял свои письма, по крайней мере некоторые из них. Писать умел и высокопоставленный чиновник дворца Мари по имени Дариш-либур, о чем свидетельствует письмо, полученное им от Иддин-Дагана⁴⁸:

«Итак, если ты действительно мой брат и любишь меня, запиши для меня все новости, какие услышишь из уст царя, и пришли их мне».

Такой же, как кажется, была ситуация и на более низких уровнях управления. Иллюстрацией может служить письмо управляющего Энлиль-ипуша к царю⁴⁹:

«Табличка моего господина, которую мне принесли Ка'алалум и Хаммурапи, оказалась стертой, и я не смог ее прочитать».

Возможно, поверхность таблички была повреждена при зачитывании в глиняный «конверт» или во время его вскрытия; так или иначе, очевидно, что Энлиль-ипуш читал свою переписку самостоятельно.

Особый интерес представляет письмо Ясси-Дагана, в котором говорится о различии между прежними наместниками Катгушша, не отличавшимися образованностью, и Илушу-нациром,

адресатом письма и писцом по образованию, занимавшим этот пост в то время⁵⁰:

«Вначале наместником Каттунана был назначен Акин-урубам, кочевник, затем им стал Иддин-Анну, невежда без всякого опыта».

Затем Ясси-Даган перечисляет беды, обрушившиеся на него во времена двух прежних наместников, и выражает надежду на изменения к лучшему благодаря достоинствам нового правителя:

«Ныне же это ты, писец с зоркими очами, с малолетства воспитанный внутри ворот дворца».

Итак, многочисленные свидетельства, находящиеся в нашем распоряжении⁵¹, приводят нас к неизбежному заключению: большинство чиновников царства Мари – как столичных, так и провинциальных – умели самостоятельно читать и писать как документы хозяйственной отчетности, так и письма.

Кто-то может подумать, что все эти примеры не имеют большого значения: в конце концов, в том, что представители администрации умели читать, нет ничего неожиданного! Куда большее удивление вызывает распространение грамотности среди *военных*. Например, нам известно, что читать умел военачальник по имени Ясим-Эль, которому Зимри-Лим отправлял тайные послания, снабженные следующими указаниями⁵²:

«Прочти эти таблички сам и зачитай их Химдии».

То, что Зимри-Лим счел нужным дать подобные указания, означает: обычно Ясим-Эль пользовался для чтения писем услугами писца. Поскольку в этот раз информация была секретной, военачальнику пришлось самому прочитать таблички и дословно «дать услышать» их Химдии, т. е. зачитать их вслух.

Случай Ясим-Эля вовсе не исключение, о чем свидетельствует послание некоего Менихума, которое касается табличек, полученных из царства Эшнунна⁵³:

«В тот же день, когда я ознакомился с ними, я отправил их моему господину; Ясси-Даган прочел их одновременно со мной».

Необходимость в таких объяснениях связана с подозрением, всегда падающим на чиновника, который получает письма из-за границы: данная им присяга заставляет его немедленно переслать таблички царю⁵⁴, что он и делает со всей возможной поспешностью. При этом Ясим-Эль сообщает, что Ясси-Даган (известный по другим текстам как военачальник) прочел письма вместе с ним: это позволяет избежать обвинений в сговоре с врагом.

Третьим, помимо Ясим-Эля и Ясси-Дагана, грамотным военачальником был Ясим-Даган, который, выражая недовольство поведением секретаря царя, грозился самостоятельно прочитать царю свое послание⁵⁵:

«Клянусь покровителем моего господина, я сам прочитаю ему эту табличку!».

Очевидно, что Ясим-Даган собирается взять на себя функции царского секретаря. Если бы мы располагали только этим свидетельством, в обоснованности угрозы можно было бы усомниться, но выше речь уже шла о двух других военачальниках, умевших читать. Кроме того, часть писем, найденных в Шемшаре, написана полководцем по имени Этеллум – их отличает плохой почерк и стиль, что не оставляет сомнений в авторстве этих текстов⁵⁶.

Было ли случайностью то, что среди наиболее грамотных представителей власти в Мари оказались военные? Конечно, случайности такого рода исключить нельзя, однако вероятно, что из очевидных соображений безопасности военачальник должен был уметь лично читать свою переписку без помощи писца. Точно так же полководец нуждался в определенных навыках гадания, без которых он не смог бы дать оценку рекомендациям сопровождавших его профессиональных гадателей⁵⁷.

Читать, вероятно, умели и мариотские военные более низкого ранга – например, Ушташни-Эль. Ожидая письменного приказа Зимри-Лима о назначении нового командующего, он сообщает⁵⁸:

«Пока я не увижу табличку моего господина, я не покину город Илан-цуру!».

Одно из писем военного по имени Ямцум, чьи послания исполнены драматизма, также, вероятно, свидетельствует о его владении грамотой⁵⁹:

«Прежде чем были наброшены ремни на ворота (т. е. до наступления ночи), ко мне прибыла табличка от моего господина. Я тут же прочел (досл.: увидел) ее, и в моем сердце настала тьма».

Употребление глагола «видеть» (*amārum*) в этом контексте создает впечатление, что Ямцум действительно лично просмотрел только что прибывшее послание. В связи с этим вновь возникает вопрос об авторстве так называемых «варварских табличек» из Илан-цуры⁶⁰; вполне возможно, что некоторые из них лично составил Ямцум, командовавший гарнизоном Мари в этом городе. Возможно, он же написал часть писем царской дочери Кирум, с которой его связывали близкие отношения.

Последний пример происходит не из Мари, а из архивов Шемшары, относящихся к той же эпохе. М. Т. Ларсен отметил, что на значительной части табличек с письмами, найденных во дворце этого города, видны следы вторичного использования, и сделал следующий вывод⁶¹:

«Некоторые письма из Шемшары представляют собой настоящие палимпсесты – это означает, что политические деятели, путешествовавшие по долинам Загроса, сами писали послания и иногда использовали для этого присланные им таблички, более или менее тщательно стирая прежний текст».

Искусства гадателя и писца считались различными, но взаимодополняющими, о чем свидетельствует письмо Самметара, где говорится об обучении ребенка⁶²:

«Пусть его обучат ремеслу писца (*tupšarrūtum*) и гадателя (*bārūtum*)!».

Рис. 5 – Глиняные модели печени (дворец Мари, начало II тыс. до н. э.), вероятно, использовавшиеся при обучении гадателей.

Этот пример показывает, что два ремесла существовали по отдельности, но не позволяет сказать, требовалось ли от гадателя владение письменностью. Я не согласен с точкой зрения Дж. Сассона, согласно которой большинство гадателей были неграмотными⁶³:

«Большинство гадателей, упоминающихся в архивах Мари, не умели писать. Дюран (ARM 26/1, стр. 61–62) полагает, что Аскудум и, возможно, Эриб-Син владели грамотой. Маловероятно, однако, чтобы ребенок мог одновременно обучаться искусствам писца и гадателя. Дюран (там же, стр. 63) приводит текст, в котором говорится о ребенке, обучающемся *tupšarrūtum* и (или) *bārūtum* – это может свидетельствовать о редкости такого сочетания. Как бы то ни было, сама численность гадателей при любом старовавилонском дворе в эпоху, когда грамотность была очень ограниченной, делает это заключение весьма правдоподобным. Гадатели, подобно всем остальным чиновникам царства, пользовались услугами писцов для передачи сведений царю. Не умея читать клинопись, гадатели, конечно же, умели “читать” пометки на глиняных моделях печени» (рис. 5).

На самом деле мне известен всего один случай такого обращения к услугам писца, описывающийся в текстах из Мари, да и то речь идет не о гадателе, а о прорицателе – знаменитом *āpilum* бога Шамаша⁶⁴. По мнению Дж. Сассона, многие гадатели, перестав заниматься своим искусством, продолжали карьеру в государственной администрации⁶⁵:

«Цель самых честолюбивых гадателей состояла в том, чтобы войти в круг доверенных лиц царя, стать членами правящей верхушки и после этого оставить свое ремесло. Эта гипотеза объясняет то странное обстоятельство, что некоторые из наместников, военачальников и дипломатов, наиболее приближенных к Зимри-Лиму, например, Ибаль-пи-Эль, Илушу-нацир, Ишхи-Адду, Итур-асду, Нур-Адду и другие, носили те же имена, что и профессиональные гадатели. Вероятно, речь идет об одних и тех же лицах на разных этапах их карьеры».

Я не знаю, следует ли считать гадателя Илушу-нацира и наместника Каттуна, носившего то же имя, одним и тем же человеком, как полагает Дж. Сассон; но если это так, то перед нами еще один пример двойного образования – писца и гадателя⁶⁶. Другой пример содержится в текстах из Шемшары: целый ряд писем, присланных из города Куншум разными отправителями, включая царя Пишендена, написал гадатель по имени Син-ишмеанни⁶⁷. Наконец, содержание рукописей Среднеавилонского периода, найденных при раскопках Эмара в здании М1, где хранились архивы гадателей, показывает, что последние умели читать и писать⁶⁸.

Остается решить, владели ли грамотой цари, упоминающиеся в архивах Мари. Здесь имеет смысл провести параллель с искусством гадания. Жан-Мари Дюран показал, что представители элиты умели самостоятельно комментировать предсказания⁶⁹; человек, способный распознать божественные знаки на печени, вероятно, мог прочитать и клинописные знаки на табличке. Кстати, ребенок, которого предполагалось учить искусствам писца и гадателя⁷⁰, был наследником престола.

Интересный случай связан с именем Ишме-Дагана, царя Экаллатума (начало XVIII в. до н. э.): в одном из писем он извиня-

ется перед своим братом Ясмах-Адду за то, что долго не присылал новостей, ссылаясь на отсутствие своего секретаря Лими-Адду⁷¹:

«Ты давно прислал мне письмо, но тогда я только вернулся из похода и отправил Лими-Адду привести в порядок его надел. Некому было написать подробное сообщение, поэтому я и не ответил на твоё послание».

Маловероятно, чтобы в окружении Ишме-Дагана не нашлось других писцов: скорее, в его распоряжении не оказалось человека, который мог бы написать *tēmum gamrum* – выражение, в этом контексте означающее, без сомнения, «подробное сообщение». В то же время этот текст не может служить доказательством неспособности Ишме-Дагана написать письмо самостоятельно. Напротив, Н. Циглер, занимающаяся изучением его переписки с братом, царем Мари Ясмах-Адду, смогла выделить ряд табличек, написанных очень характерным почерком и касающихся в основном частной жизни: скорее всего, эти тексты написаны самим Ишме-Даганом. Иными словами, он умел писать, но для составления длинного и сложного письма все же нуждался в помощи профессионального и высококвалифицированного писца.

Одно из писем Зимри-Лима Муканнишуму позволяет предполагать, что последний царь Мари тоже умел читать, хотя толкование текста вызывает определенные сомнения. Сюжет письма – выбор надписи, которую следовало вырезать на статуе, предназначенной для храма бога Адду в Халебе. Зимри-Лим писал чиновнику⁷²:

«И что касается надписи (*narûm*), которую следует вырезать [на статуе], то немедленно доставь мне надписи, которые сделали [...] и Наб-Эштар, чтобы я увидел их и отправил [тебе] ту надпись, которую выберу».

Отметим, что Зимри-Лим употребляет глагол «видеть» (*amārum*): если бы царь не собирался лично прочитать оба варианта надписи, он бы выразился по-другому («чтобы мне их прочитали» и т. п.).

В заключение добавим, что в представлении древних читать и писать умели боги и богини⁷³.

Грамота и женщины

Выше было сказано, что в шумерском пантеоне писцам покровительствовала богиня Нисаба. Конечно, это не мешает считать, что ремесло писца было прежде всего мужской профессией. Тем не менее, в текстах изредка упоминаются и писцы-женщины, главным образом в Старовавилонский период и в определенном социальном контексте. Чаще всего такие примеры относятся к храмовой жизни: так, грамоте были обучены некоторые из посвященных-*naditum* в городе Сиппар, а одна из женщин, принадлежащих к этой среде, даже называла себя «писцом»⁷⁴. Кроме того, женщины выполняли функции писцов в царских гаремах⁷⁵ – две таких чиновницы, например, вели учет продовольствия, потребляемого во дворце Мари. Известно, что в описях приданого царевен в число служанок, поступающих в их распоряжение, иногда входят женщины-писцы⁷⁶. В новоассирийских архивах города Кальху упоминается женщина, занимавшая должность «писца дома царицы»⁷⁷. Это общественное явление нашло свое отражение и в мире божественного: в сцене эпоса о Гильгамеше, где описывается преисподняя, богиня Эрешкигаль слушает чтение богини Белет-цери⁷⁸:

«Белет-цери, жена-писец земли, перед ней на корточках сидит, табличку держит, ей читает».

Этот отрывок интересен также указанием на позу, в которой находится богиня-писец. Есть основания полагать, что месопотамские писцы работали скрестив ноги, хотя в отличие от Египта такого рода изображений из Месопотамии до нас не дошло (ср. изображение стоящих писцов на *рис. 6*)⁷⁹.

КЛИНОПИСЬ – ПРОСТАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Клинопись – чрезвычайно сложная письменность: именно поэтому ею в древности владели лишь немногие избранные. Эта точка зрения, долгое время господствовавшая среди ассириологов, на деле оказывается лишь подсознательным средством профессионального самообольщения. Постепенно выясняется, что грамотность в Месопотамии была достаточно распространенным явлением, и следует понять, благодаря чему это оказалось возможным. Было предложено два различных объяснения: одни исследователи пытались показать, что овладеть клинописью проще, чем обычно считается; другие подчеркивали, что между сложностью письменности и числом грамотных людей в обществе нет прямой зависимости. Впрочем, очевидно, что эти две точки зрения не противоречат друг другу.

Почему освоить клинопись легче, чем кажется

Назовем причины, по которым клинопись считается сложной письменностью:

- число знаков: эпиграфические справочники содержат около 600 клинописных графем⁸⁰;
- число значений: каждый знак имел несколько логографических и фонетических чтений. Так, в Старовавилонский период знак UR мог читаться как логограмма UR = «собака» (имевшая также иные значения в сочетании с другими знаками, например: UR.MAH = «лев»), а также как силлабограммы *ur* и, реже, *lik* или *taš*. Таким образом, выбор чтений очень широк.

На деле эти два обстоятельства нуждаются в существенных уточнениях:

- в каждую конкретную эпоху использовались далеко не все значения – не следует путать знания современного эпиграфиста и жителя древней Месопотамии, владевшего только теми знаками и чтениями, которые применялись в его время;
- свой репертуар значений существует и для каждого из жанров.

Наборы графем и их значений, необходимых для чтения текстов той или иной эпохи или жанра, рассматриваются в специальных исследованиях. Раньше других с этой точки зрения была изучена староассирийская письменность, известная главным образом по архивам купцов, обосновавшихся в Каппадокии в XIX в. до н. э. Староассирийский силлабарий был очень простым: достаточно было запомнить 68 знаков⁸¹. Уникальной чертой этого варианта письменности было наличие словоразделителей, которых не существовало ни в одной другой разновидности клинописи. Содержание некоторых текстов убедило многих ассириологов в том, что среди каппадокийских купцов была широко распространена грамотность. Добавлю, что в староассирийском письме – в отличие от старовавилонского – как правило, не делается различий между обычным силлабарием и знаками для записи имен собственных: в Вавилонии, где эта консервативная практика имела место, она создавала дополнительные трудности при чтении, от которых каппадокийские писцы предпочли избавиться.

В то же время нельзя сказать, что старовавилонское письмо было намного сложнее староассирийского. Вавилонский писец этой эпохи мог составить любой текст, используя всего 82 знака, при условии отказа от силлабограмм, обозначающих закрытые слоги (иными словами, если писать *ku-um* вместо *kum* и т. д.). Даже без этого условия старовавилонский силлабарий остается достаточно простым: А. Гётце, опубликовавший гадательные тексты этой эпохи, подсчитал число знаков в изданном им корпусе: 112 силлабограмм и 57 логограмм – цифры, которые можно считать показательными для всего периода⁸².

Изменилась ли ситуация в следующем тысячелетии? С. Парпола опубликовал переиздание письма, датирующегося временем расцвета Новоассирийской империи. Несколько эмендаций и поправок, а также анализ специфического силлабария этого текста позволили исследователю значительно уточнить его перевод⁸³:

«Царю, моему господину – твой слуга Син-на'ди. Здравия царю, моему господину! Там, куда меня послал мой господин, у меня нет писца. Пусть царь прикажет заместнику Аррахи или Ашшур-белу-таккину прислать мне писца».

Рис. 6 – Новоассирийский барельеф, изображающий двух стоящих писцов (юго-западный дворец Ниневии). Первый писец (на переднем плане) пишет на свитке из папируса или кожи, второй – на восковой табличке, вероятно, помещенной в деревянный диптих (хорошо различим створ).

Письмо относится к правлению Саргона II (721–705 гг. до н. э.), Ашшур-белу-таккин был заместником города Ме-Туран. Вероятно, автор письма выполнял поручение царя в области верхней Диялы, и в его распоряжении не было писца. Поэтому Син-на'ди пришлось писать это послание самостоятельно, чем и объясняют-

ся его эпиграфические особенности, точнее сказать, допущенные в тексте оплошности. Согласно анализу С. Парполь⁸⁴, автор письма владел 112 знаками (79 силлабограммами и 33 логограммами)⁸⁵. Исследователь приходит к заключению⁸⁶:

«Я полагаю, что никакого “резкого скачка” грамотности в Месопотамии II тыс. до н. э. не было и что в I тыс. умение читать и писать было так же, если не более распространено, как и в предшествующие времена».

Недавно удалось показать, что грамотой владели члены царской семьи Ассирии во времена Асархаддона⁸⁷. Так, дочь царя писала своей невестке, супруге Ашшурбанипала⁸⁸:

«Слово дочери царя к Либби-али-шаррат. Почему ты не пишешь своих табличек и не повторяешь свои упражнения? Если этого не делать, люди скажут: “Разве это сестра Шеруа-этират, старшей дочери Дома Наследования Ашшур-этель-илани-мукинни [тронное имя Асархаддона], царя великого, царя сильного, царя Вселенной, царя Ассирии?” Ведь ты же (царская) невестка, первая супруга, царица Ашшурбанипала, наследника Асархаддона, царя Ассирии».

Эти упреки связаны с соображениями престижа правящей семьи, которому наносило ущерб присутствие неграмотных людей в окружении дочери царя.

Итак, владение клинописью никогда, по крайней мере с конца III тыс. до н. э., не было привилегией только писцов⁸⁹: письменностью владели и многие представители правящей верхушки общества⁹⁰. Широкое распространение клинописи оказалось возможным благодаря тому, что на деле ее освоение было менее трудным, чем принято считать. К тому же нельзя забывать, что уровень грамотности в обществе не обязательно связан со сложностью письменности⁹¹: в современной Японии доля неграмотных ниже, чем во Франции...

Вслух или про себя?

Умели ли грамотные люди в Месопотамии читать клинопись про себя или любой текст всегда произносился вслух? Ассириологи, в отличие от специалистов по классической древности⁹², пока не исследовали этот вопрос систематически⁹³.

Чтение клинописной таблички для другого лица описывается по-аккадски глаголом *šušmûm* «дать прослушать», а знакомство с текстом – глаголом *šemûm* («слушать»). Таким образом, в обоих случаях подразумевается чтение вслух. На то же указывает следующее письмо⁹⁴:

«Скажи Шу-нухра-Халу: это (говорит) Хабду-Малик. Поскольку именно ты читаешь таблички царя и никто другой их не читает, я не стал посылать тебе копию таблички для царя. Я во второй раз отправил табличку царю и тебе. Посылаю срочные известия: прослушай эту табличку и дай царю ее прослушать».

Хабду-Малик не делает различия между чтением таблички для самого Шу-нухра-Халу и для царя: в обоих случаях употребляется один и тот же глагол в основной (*šemûm* «слушать») или представительной (*šušmûm* «дать прослушать») породе. Это заключение подтверждается тем, что слово *šitassûm* («читать») представляет собой форму глагола, изначально означавшего «кричать, шатать»⁹⁵, – очевидно, что речь идет о чтении вслух.

С другой стороны, существует текст, который, возможно, указывает на то, что некоторые писцы умели читать клинопись про себя. Личный секретарь царя Шамши-Адада по имени Хула-лум писал в письме к Ясмах-Адду⁹⁶:

«Скажи моему господину: это (говорит) Хула-лум, твой слуга. С табличками, доставленными для царя (Шамши-Адада) из Катны, катнийские посланники по ошибке принесли царю одну, предназначенную для моего господина (Ясмах-Адду). Открыв ее, я увидел, что она написана моему господину, и не дал ее прослушать царю. Сейчас я отправляю эту табличку моему господину».

Очевидно, что секретарь Шамши-Адада готовился к чтению табличек, разбивая глиняные конверты и бегло просматривая содержание писем. Интересно, что Хулалум четко различает чтение «для себя» (стк. 15, *āmur*, «я увидел») и для царя (стк. 16, *ušešme*, «я не дал прослушать»). Конечно, не исключено, что секретарь выразился так для краткости; тем не менее он мог бы написать: «Открыв табличку, я прослушал ее (*ešmēšu*) и понял (*āmur*) и т. д.», — однако Хулалум этого не сделал⁹⁷. Следовательно, текст может служить доказательством того, что месопотамские писцы все-таки умели читать про себя. В аккадском языке существовало два слова, означавших «чтение»: *šitassûm*, для чтения вслух, и *iāmartum* (от глагола *amārum*, «видеть»), для чтения про себя⁹⁸. Этим объясняется использование сочетания этих двух слов в некоторых колофонах, в частности, в надписи Ашшурбанипала⁹⁹:

«Я поместил (эту табличку) внутрь моего дворца для чтения про себя (*iāmartum*) и вслух (*šitassûm*)».

Надписи, доступные всеобщему обозрению

В эпилоге знаменитых «Законов Хаммурапи» говорится¹⁰⁰:

«Обиженный человек, у которого жалоба возникнет, к моему, царю справедливости, изображению пусть придет, пусть прочтает надпись на моей стеле, пусть услышит мои драгоценные слова, а мой памятник пусть разъяснит его дело, пусть он увидит свое решение, пусть успокоит свое сердце».

Традиционно в этом месте переводят «пусть даст прочитать», но в действительности в тексте может значить и «пусть прочтает». Как видно из продолжения фразы, царь предполагал, что законы будут читаться вслух («пусть услышит»). Вероятно, пожелание было неосуществимым: мог ли рядовой подданный Хаммурапи найти решение среди 275 статей кодекса, которые, к тому же, никак не размечены на стеле (рис. 7)? С другой стороны, это вовсе не означает, что жители царства не могли читать законы

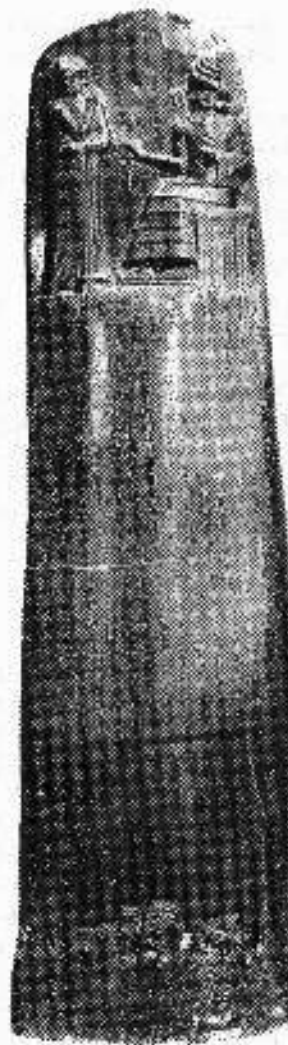

Рис. 7 – Стела с законами Хаммурапи: текст не содержит никаких элементов, которые могли бы помочь найти нужную информацию. Впрочем, как и везде, законы в Месопотамии предназначались не для чтения, а для исполнения...

из-за поголовной безграмотности. Письмо «главного счетовода» Ясим-Суму к Зимри-Лиму свидетельствует об обратном¹⁰¹:

«Вот я отправляю моему господину надпись для повозки Нергала и надпись для паланкина Итур-Мера. Будет ли надпись Нергала написана на передней или на задней стороне повозки? Пусть мой господин подумает о том, чтобы написать эту надпись сзади повозки, там где оружие, чтобы те, кто может [видеть] и читать, прочитали ее. А надпись на паланкине (...) следует написать спереди или сзади? Пусть мой господин напишет мне, как подготовить эти надписи до отъезда моего господина».

Преимущество этого письма из Мари перед приведенными выше строками из законов Хаммурапи состоит в меньшей идеологической нагрузке и большем реализме. Очевидно, что часть зрителей, которые должны были наблюдать за процессией, могли прочитать надписи, о которых говорит Ясим-Суму.

В подземном мире, о котором Энкиду рассказывает Гильгамешу, благополучие умерших напрямую зависит от числа их потомков. Имеющий пятерых детей счастлив, как писец на дворцовой службе, шестерых – как земледелец, семерых – как восседающий рядом с Судьей Преисподней. Эта последовательность не имеет ничего общего с социальной иерархией: между числом и родом занятий существует символическая связь. Пятеро детей соответствуют пяти пальцам на руке писца, шестеро – числу плужных животных в упряжи¹⁰². Таким образом, это не означает, что статус писца не был высоким; с другой стороны, нельзя не отметить, что в Месопотамии нет текстов, которые превозносили бы эту профессию над всеми остальными, как в древнем Египте¹⁰³.

Примечательно, что в клинописных текстах никогда не используется выражение «учиться писать». Вместо этого говорили «изучать искусство писца» (*tuṣṣarrūtam aḫāzum* или *lamādum*), как, например, в этом новоассирийском письме¹⁰⁴:

«Воистину, мы учимся искусству писца».

Автор письма просто хочет сказать, что вместе с другими обучается грамоте. Бога Набу называли «создателем письменности – искусства писца», т. е. эти два термина фактически были синонимами¹⁰⁵. Наверное, именно поэтому долгое время считалось, что грамотой владели только профессиональные писцы; на деле же это всего лишь языковой пережиток ситуации, существовавшей в архаические времена. Выражение «искусство писца» (шум. *nam.dub.sar*) восходит к середине III тыс. до н. э., когда письмом действительно владели только специалисты. Но начиная с конца III тыс. до н. э. грамотность стала распространяться за пределами круга профессионалов. Вероятно, для большинства владение грамотой было пассивным: научившись читать, к письму больше не возвращались. Неслучайно у нас намного больше свидетельств о непрофессионалах, умеющих *читать*, нежели *писать*. Тем не менее нам следует отказаться от предрассудков, связанных с так называемым превосходством алфавитных систем письма: вопреки распространенному мнению, «греческое чудо» никак не связано с появлением алфавита, изобретенного несколькими столетиями ранее¹⁰⁶. Наконец, нужно учитывать различия между жанрами письменных памятников. В «споре» между учителем Энлиль-Мансумом и учеником Гирни-исагом последний слышит¹⁰⁷:

«Ты написал письмо, но это – твой предел!».

Следовательно, умение писать письма воспринималось как первая ступень; мы уже видели, что во II и I тыс. до н. э. этим умением владели не только профессионалы. В заключение можно указать на принципиальное различие между клинописной и алфавитной цивилизациями: в Месопотамии не существовало «праздного» чтения – нам неизвестно, чтобы кто-нибудь из ее жителей читал просто ради собственного удовольствия.

Глава 2

Обучение грамоте: учителя, ученики и методы

В традиционных обществах, в том числе в Месопотамии, большинство ремесел и искусств передавались по наследству в рамках особой системы ученичества. На это убедительно указывают исследования по социальной истории, а также свидетельства самих древних¹⁰⁸:

«Удел, который определил бог Энлиль человечеству, велит сыну наследовать дело отца».

Подготовка писцов в основном следовала этому правилу, но по самой своей природе отличалась одной важной особенностью: в процессе обучения возникали тексты. Именно благодаря упражнениям, выполненным учениками писцовых школ, до нас дошла значительная часть месопотамских текстов всех периодов – корпус, который Лео Оппенхейм называл «потокот традиции» в противоположность документам практического характера (письма, договоры, административные тексты и т. д.). Кроме того, до нас дошло определенное число памятников XVIII в. до н. э., рассказывающих о функционировании школ.

Начнем с обзора доступных свидетельств, относящихся к III тыс. до н. э., а затем попытаемся представить факты в обобщенном виде, опираясь в основном на данные Старовавилонского периода. В завершение мы увидим, как выживала и трансформировалась эта традиция вплоть до конца I тыс. до н. э.

ТРЕТЬЕ ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ

С момента возникновения письменности на юге Ирака ок. 3200 г. до н. э. и до конца III тыс. до н. э. наши знания о школе и образовании остаются фрагментарными – впрочем, то же можно сказать и о совокупности данных по истории Месопотамии¹⁰⁹.

Находки в Уруке

Древнейшие клинописные таблички обнаружены в Уруке и датированы ок. 3200 г. до н. э. Нанесенные на них знаки принято называть протоклинописью – она заметно отличается от более поздней системы письма (рис. 8). Начиная со следующего этапа (ок. 3000–2900 г. до н. э.) резко увеличивается число городищ, где обнаруживаются клинописные таблички: помимо Урука и, возможно, Ларсы на юге, тексты были найдены также в северной Вавилонии (городища Телль-Укайр и Джемдет-Наср). Все таблички этого периода отличаются столь поразительным единообразием формы и правил письма, что была высказана идея о существовании в этот период централизованной системы обучения писцов.

Конечно, мы не владем исчерпывающей информацией о тогдашних педагогических методиках, но в нашем распоряжении имеются свидетельства о различных этапах обучения грамоте¹¹⁰. Так, найдены таблички, на которых начинающие писцы учились выдавливать простые клинья. Школьными упражнениями могут быть и некоторые административные тексты, не содержащие ни имен собственных, ни итоговых сумм. Наконец, обнаружены лексические списки, в которых слова сгруппированы по семантическому принципу и образуют полные описи терминов, связанных с отдельными областями знания: металлы, животные, рыбы, деревья, географические названия, птицы и т. д. До нас дошли 13 таких списков, каждый в нескольких экземплярах. Этот лексикографический корпус содержит целый ряд знаков, не встречающихся в административных документах того же времени: видимо, учителя считали, что для владения грамотой необходимо освоить и «лиш-

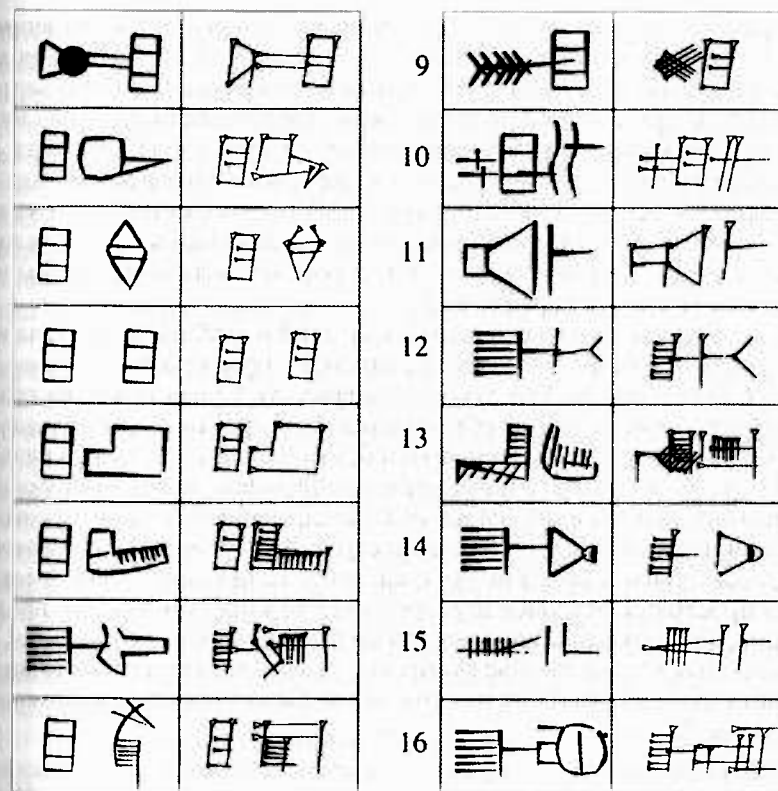

Рис. 8 – Таблица должностей и профессий (так называемый список Lu A), отражающая переход от протоклинописи к собственно клинописи: слева знаки Урукской эпохи (ок. 3000 г. до н. э.), справа – периода Фара (2500 г. до н. э.).

лишние» знаки тоже. Лексические списки иногда воспринимаются как средство познания вселенной, но их «мистическим» значением увлекаться не стоит: сомнительно, чтобы в основе этих списков лежали теологические или космогонические соображения. Так, один из них не перечисляет имен божеств, названий звезд, рек, гор или диких животных. В самом деле, клинопись изначально создавалась именно для административных целей. В то же время

странно, что в архаическом словарном корпусе так мало внимания уделено написанию чисел, несмотря на их значение для хозяйственных текстов и сложность использовавшейся тогда метрологии. В архаической Месопотамии существовало не менее пяти различных систем измерения, применявшихся в зависимости от предмета счета: например, объем зерновых записывался иначе, нежели объем молочных продуктов. Вероятно, метрология выходила за пределы компетенции писцов, и пользоваться ей учились на практике. Все же среди учебных текстов были обнаружены несколько счетных упражнений.

Одним из самых важных открытий в этой области стала находка лексического списка должностей и профессий Lu A, известного более чем по 185 рукописям (рис. 8). Существование столь большого числа копий объясняется тем, что список передавался из поколения в поколение почти без изменений вплоть до начала II тыс. до н. э. Перед нами один из примеров, иллюстрирующих любопытное явление: начиная с самых ранних этапов развития клинописи писцы обучались по строгой системе, которая вскоре превратилась в застывшую традицию. Клинопись очень быстро распространялась как в шумероязычном мире, так и за его пределами, как показала находка архивов Эблы в западной Сирии. В подобных условиях возникновение резких различий между местными разновидностями письма, могло бы закончиться настоящим хаосом¹¹¹.

III Раннединастический период

После 2900 г. до н. э. клинописные источники на несколько столетий замолкают: самые ранние из обнаруженных к настоящему времени постархаических текстов относятся уже к третьему и последнему этапу Раннединастического периода (ок. 2500–2334 гг. до н. э.). Большинство из них происходят из городищ Фара и Абу-Салабих. Таблички из Фары, найденные перед Первой мировой войной немецкими археологами во главе с Антоном Даймелем, были изданы им как «школьные» тексты. Позже было установлено, что некоторые из них представляют собой так называемые

«литературные» произведения (однако, как мы увидим ниже, противопоставление «школьных» и «литературных» текстов не имеет большого смысла). В 1960-е гг. американские археологи обнаружили таблички того же периода при раскопках городища Абу-Салабих. Многие из этих табличек оказались неожиданно близки по содержанию «литературным» текстам из Фары. Сходство между этими двумя корпусами очень велико: идентичный набор жанров (храмовые гимны, заклинания, сборники назидательных предписаний), одни и те же произведения, в которых иногда совпадает даже распределение знаков по клеткам в столбцах.

«Литературные» тексты из Фары были обнаружены на восьми различных участках, при этом на четырех из них – вперемешку с административными документами. Крайне маловероятно, что каждое из мест находок соответствует независимому центру копирования и распространения текстов этого жанра; разумнее считать, что тексты хранились в разных местах, но создавались в едином центре (либо, по крайней мере, силами одной писцовой школы)¹¹². Более половины писцов, упоминающихся в колофонах лексических и литературных текстов из Абу-Салабиха, носят семитские имена: вероятно, мы имеем дело с учениками, прибывшими на юг из города Киш для получения образования¹¹³. Именно благодаря им грамотность распространилась до Мари и далее на запад, до самой Эблы.

При раскопках городища Лагаш (Аль-Хиба) была найдена уникальная в своем роде табличка Раннединастического периода (IIIb), дающая представление о комментариях, которыми учителя сопровождали свои уроки¹¹⁴.

Староаккадский период

Большинство «школьных» текстов времен Аккадской империи (XXIV–XXIII вв. до н. э.) происходят из города Гирсу (городище Телло). Здание, в котором они были найдены, вероятнее всего, было «школой», однако раскопки городища велись давно и без фиксации археологического контекста, поэтому нельзя исключить, что обучение грамоте происходило в помещении какой-

нибудь административной службы. Самые простые письменные упражнения выполнялись на табличках круглой или линзообразной формы и представляют собой списки личных имен, теонимов, названий предметов и др. Находки планов земельных участков свидетельствуют об обучении землемерному делу. Один из «административных» текстов, содержащий фантастические цифры – 30 талантов серебра, 10 талантов золота, 3600 коров и быков, 3600 ослов, 3600 рабов и 3600 [gur] зерна – скорее всего, также относится к разряду упражнений. Другие тексты, найденные в основном в долине р. Дияла (приток Тигра), дают представление о процессе обучения писцов для имперской администрации. Эти писцы должны были, в частности, обладать базовыми знаниями шумерского языка, хотя в северной Вавилонии административные тексты составлялись по-аккадски.

Шульги и основание эдуббы

Более подробные сведения о профессии писца и его роли в обществе появляются в нашем распоряжении лишь начиная с периода III династии Ура (XXI в. до н. э.). Звание писца (dub.sar) могло подразумевать самые разные функции – от личного секретаря царя до скромного писаря, ведущего отчетность крохотного склада, – но в целом писцы относились к категории ремесленников и получали соответствующее вознаграждение¹¹⁵. Нам также известно, что многие высокопоставленные чиновники, не носившие титул «писец», были обучены грамоте. Парадоксально, но эта эпоха относится к периодам истории Месопотамии, оставившим после себя наименьшее число учебных табличек¹¹⁶. Впрочем, этому имеется простое объяснение: к настоящему времени раскопано лишь очень немного частных домов, относящихся к периоду III династии Ура: все школьные тексты, относящиеся к следующему, Старовавилонскому, периоду, были обнаружены именно в частных жилищах учителей (см.: ниже)¹¹⁷.

Политика Шульги (2094–2047 гг. до н. э.), похоже, имела ключевое значение для развития образования¹¹⁸. В середине своего правления царь провел ряд важнейших реформ, приведших к

увеличению количества административных документов и, соответственно, численности писцов. Ее оценка остается неблагоприятным занятием, но было подсчитано, что в Гирсу в конце Раннединастического периода одновременно работали не более 30 писцов, а во всей Аккадской империи их было около сотни. Напротив, в период III династии Ура численность писцов выросла до нескольких сотен: всего нам известно около 1600 имен, принадлежащих к четырем поколениям¹¹⁹. Шульги считал подготовку писцов первоочередной задачей, если судить по количеству упоминаний этого вопроса в царской переписке. Те не менее не следует приписывать Шульги основание школьных учреждений Месопотамии, которые принято обозначать термином «эдубба» (досл.: «дом табличек¹²⁰»): в гимне Šulgi В царь вспоминает об образовании, которое он получил в детстве в уже существующей школе¹²¹. Впрочем, с точки зрения Шульги, главной задачей эдуббы была не подготовка чиновников, а прежде всего копирование гимнов, обращенных к божествам–покровителям царей или к самим царям. Такие гимны были одним из средств увековечения памяти о правителе (см.: гл. 7). Шульги рассказывает о своем заботливом отношении к предкам¹²²:

«Я пел гимны прошедших дней, древних времен, tigi и zamzam моих предков, никогда не искажая их и не препятствуя их повторению: напротив, я заботился о древностях предков и никогда не предавал их забвению».

Царь хотел, чтобы его потомки так же хорошо «заботились» о нем самом. Это пожелание высказывается в гимне Šulgi E, который часто считается своего рода завещанием Шульги и содержит впечатляющий перечень разнообразных гимнов, составленных для царя¹²³:

«Пусть в святилищах не пренебрегают моими гимнами, будь то a.da.ab, tigi или ma.al.ga.tum, šir.gid.da, или восхваления царственности, будь то šumun.ša₄, kun.gar или bal.bal.e, будь то gi.gid или za.am.za.am, так чтобы их никогда не забыли и они всегда оставались на устах людей! Пусть их вечно поют в Эку-

...ре (главный храм бога Энлиля)! Пусть их исполняют для Энлиля в его святилище Молодой Луны!».

Тем не менее устная передача гимнов считалась недостаточной надежной – ведь род тех, кто знал их наизусть, мог прерваться. Прежде главной формой письменной фиксации гимнов были надписи на посвященных статуях для храмов (множество таких статуй оставил, например, правитель Лагаша по имени Гудеа) – но их могли однажды похитить или разрушить. Понимая, что исполнение хвалебных песней царю может быстро прерваться, Шульги основал школу писцов (эдуббу) под покровительством богини Нисабы. Одной из функций этой школы было постоянное копирование табличек с текстами гимнов. Об этом решении рассказывается в конце все того же гимна Šulgi E¹²⁴:

«Да будут мои гимны на всех устах – мои песни да будут слышны вечно! Дабы слава моего имени, слова, сочиненные обо мне богом Энки, которые богиня Гештин-анна радостно произносит в своем сердце и провозглашает повсюду, не были забыты, я записал их строка за строкой в Доме мудрости богини Нисабы, священными божественными письменами, как великие произведения учености: пусть никто и никогда их не забудет!».

Надо признать, что замысел Шульги оказался блестящим: копирование гимнов занимало важное место в «школьной программе» вплоть до середины XVIII в. до н. э. При этом дело не ограничивалось письменными упражнениями: ученик должен был уметь петь гимны, на что указывает текст, высмеивающий нерадивого школьника:

«Сидя перед помощником наставника, он неспособен произнести гимн tigi или a.da.ab».

При раскопках домов учителей были найдены сотни копий таких гимнов (рис. 9).

Рис. 9 – Копия гимна Шульги, царю Ура: все рукописи таких гимнов датируются Староавилонским периодом и созданы учениками писцовых школ.

СТАРОВАВИЛОНСКИЙ ПЕРИОД

Больше всего мы знаем о школах и образовании в Старовавилонский период (XX–XVII вв. до н. э.). От этого времени осталось не только множество учебных текстов, но и описания учебных заведений и самого образовательного процесса. Остановимся на них подробнее, прежде чем попытаться реконструировать методики обучения, применявшиеся в тот период.

Ученики, учителя и школы

Традиционно считается, что в Старовавилонский период существовал институт общественных школ (по-шумерски «эдубба»), позднее уступивший место семейному обучению. Такая эволюция образования кажется весьма странной, поскольку в других культурах все происходило наоборот. Следовательно, на эту проблему имеет смысл взглянуть внимательнее¹²⁵. Прежде всего рассмотрим образ школы, который рисует месопотамская литература, иногда называемая «академической». Затем обратимся к данным, которые предоставляют нам археологические раскопки.

Образ школы в литературных текстах

Наши знания об эдуббе в значительной мере почерпнуты из литературных текстов, рассказывающих о школьной жизни¹²⁶. Вкратце представив эти памятники, мы рассмотрим выводы, которые обычно делаются на их основе, и подвергнем критике несколько распространенных суждений на эту тему.

Самый знаменитый из таких текстов был опубликован С. Крамером под названием «Школьные дни» («*Schooldays*»): отец ученика, постоянно получающего нагоняи, приглашает учителя в гости – обласканный и получивший щедрые подарки, тот наконец произносит в адрес юноши хвалебную речь! Другое известное произведение – диалог учеников Энки-мансума и Гирни-исага: последний, являясь помощником учителя («старшим братом»), обвиняет

первого в нерадивости; Энки-мансум, в свою очередь, защищается. Текст содержит весьма интересный перечень преподававшихся в школе предметов. Произведение под названием «Отец и непутевый сын»¹²⁷ рассказывает о писце, мечтающем, чтобы сын получил такое же образование, как отец, вместо того чтобы проводить время на улице. Существуют и другие подобные тексты: например, беседа между школьным смотрителем (*ugula*) и учеником; указания наставника (*um.mi.a*) и др. К этому можно прибавить произведения, которые Б. Ландсбергер назвал «экзаменационными текстами»: они известны только по рукописям I тыс. до н. э., но, без сомнения, восходят к более ранним эпохам.

Обычно считается, что эти тексты доказывают существование школ как самостоятельных учреждений, работавших в специально отведенных для этого зданиях: именно в этом ключе воспринимаются, например, советы ученикам посещать уроки вместо того чтобы играть на улице. Предполагается, что в школах были дворы для прогулок, поскольку вспомогательный персонал включал смотрителя *lu.kisal.la* (досл.: «человек двора»). Эдуббой руководил *um.mi.a* («знаток»), которого называли также «отцом школы» (*ad.da.e.dub.ba*). Ему ассистировал помощник – *šeš.gal* (досл.: «старший брат»). Наконец, сами ученики назывались «детьми школы» (*dumu.e.dub.ba*). Эта терминология выдает семейные корни школы – такие же, как у частных предприятий, глава которых назывался «отцом» (впрочем, многие коммерческие фирмы были и в самом деле основаны на семейных отношениях). Большинство исследователей предполагают, что работа преподавателей оплачивалась напрямую родителями, хотя сколько-нибудь надежных свидетельств в пользу этой гипотезы не существует.

Об организации учебного процесса в школах известно немного. У нас есть некоторые сведения о периодичности занятий¹²⁸:

«Мои выходные – три дня в месяц; разные праздники – три дня в месяц; остается двадцать четыре дня в месяц, которые я провожу в школе, это не так много».

Три выходных в месяц предоставлялись не только в школах – такая же система применялась, например, в договорах о

наиме не работу. Школьникам иногда давалось задание на дом – *im. šu* (досл.: «табличка на руки»)¹²⁹:

«Они назначили мне задание, вечером дали мне “табличку на руки”; (вернувшись домой) я прочитал свою “табличку на руки” отцу; я произнес ему мою табличку, и он возрадовался».

Было принято желать ученикам помощи богини Нисабы, покровительницы писцов¹³⁰:

«Да украсит Нисаба твой писчий тростник, да укажет тебе на ошибки в домашнем задании!».

Наконец, обычной практикой в школах были телесные наказания.

К сожалению, на многие вопросы эти тексты не дают ответов: например, с какого возраста начиналось образование или сколько времени занимало обучение писца.

Археологические свидетельства

Обнаружение школы или библиотеки при раскопках обычно считается сенсацией – неудивительно, что некоторые археологи из самых чистых побуждений находили школы там, где их никогда не было. Самый яркий пример относится к дворцу Мари: А. Парро определил как школу помещение № 64 главным образом по той причине, что оно было заполнено параллельными рядами скамеек, на которых, по мнению археолога, сидели ученики (рис. 10). Эта гипотеза противоречит нескольким фактам. Во-первых, такое представление о школе – очевидный анахронизм: классы со скамьями в ряд появляются в истории очень поздно. Кроме того, в данном случае ученикам пришлось бы принять невероятные позы, чтобы втиснуть ноги в узкие щели между «скамьями»; напомним также, что в Месопотамии писцы сидели скрестив ноги¹³¹. Наконец, таблички, обнаруженные в этом помещении, представляют собой вовсе не школьные тексты, а административные документы, большинство из которых упоминают вино¹³² – на самом

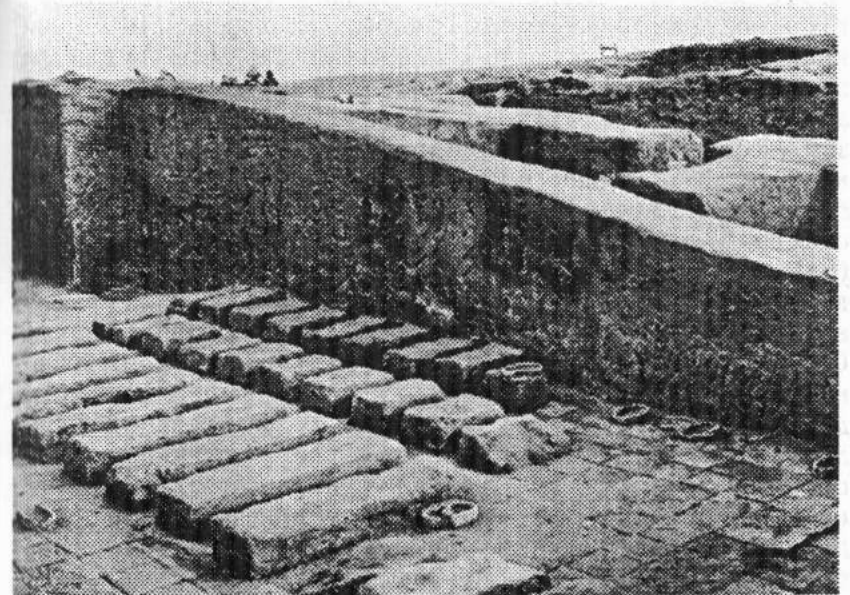

Рис. 10 – «Школа» во дворце Мари: в действительности это помещение служило для хранения сосудов с вином, расставленных между «скамьями».

деле комната служила складом для больших кувшинов с вином, заостренные днища которых вклинивались между «скамьями». Еще один подобный пример – здание в Уре, обозначенное при раскопках как Broad Street 1. Это строение чаще всего описывается как школа, несмотря на то что учебные тексты в нем были обнаружены только в подвале среди выброшенных табличек и вперемешку с административными документами. Наставник этой «школы» по имени Игмил-Син оказался плодом воображения археолога Л. Вулли¹³³.

Тем не менее в Месопотамии было найдено и немало настоящих школ – если, конечно, вкладывать в этот термин правильный смысл. Для начала выясним, при каких условиях школьные таблички могли сохраниться до наших дней. Как справедливо указывает М. Сивиль, их неотъемлемым свойством является мно-

гократное использование: подобно тому, как современные школьники стирают с доски, ученики в древней Месопотамии в целях экономии глины постоянно сглаживали поверхность таблички и заново придавали ей необходимую для письма форму. Таким образом, учебные тексты могли остаться в здании только в тех случаях, когда оно использовалось для обучения грамоте непосредственно перед разрушением. В число бесспорных примеров месопотамских школьных зданий входит дом Ур-Уту, главного плакальщика (gala.maḥ) богини Аннунитум в городе Сиппар-Амнанум (городище Телль-эд-Дер)¹³⁴. В здании, разрушенном в 18-й год правления Амми-цадуки (1629 г. до н. э.), найдено около 2000 табличек. Среди них выделяется группа текстов (71 табличка), обнаруженных внутри и вокруг каменного сосуда, который стоял в центре двора. Большинство из них деформированы, так как явно находились в процессе переработки для повторного использования. Тексты представляют собой простейшие упражнения, отражающие начальную стадию обучения письму. Другой надежный пример — дом Quiet Street 7 в Уре¹³⁵, в котором на протяжении почти целого столетия, с начала правления Рим-Сина до 11-го года Самсуилуны (1739 г. до н. э.), проживала семья священнослужителей. В здании были обнаружены как семейные архивы, так и тексты, свидетельствующие о том, что в его стенах велось обучение писцов. В этом случае речь идет не об упражнениях для начинающих, а о «второй» или даже «третьей» стадии образования. Также можно упомянуть так называемый «квартал ТА» в Ниппуре, где школьные таблички были найдены в трех соседних домах F, G и H. Руководитель раскопок считал, что школы не могли располагаться таким образом; по его мнению, обнаруженные в них таблички представляли собой «домашнее задание» будущих писцов, которые те приносили к себе домой. Зная, что в одном из этих зданий найдено 1400 текстов, с таким объяснением невозможно согласиться: намного более вероятно, что дома принадлежали преподавателям (uṣ.ṣi.a), дававшим частные уроки¹³⁶. Тысячи табличек с упражнениями, происходящих из Ниппура, были разделены на четыре категории по внешней форме¹³⁷.

— Тип I: большие таблички с несколькими столбцами, а также цилиндры и призмы.

Рис. 11 — Учебная табличка типа II: в левом столбце — образец, написанный учителем (в данном случае — список названий деревьев). Правый столбец служил для различных упражнений, и текст в нем неоднократно стирался: видны следы пальцев, которые сглаживали поверхность таблички.

– Тип II: таблички, разделенные на две части (рис. 11). В левом столбце – образец текста, написанный учителем, в правом – упражнение ученика. Из-за того что справа текст много растерялся, эта часть таблички истончалась и в некоторых случаях отрезалась. На лицевой стороне обычно писались выдержки из лексических списков, пословицы или шаблоны договоров, на оборотной – другие словарные списки или математические таблицы.

– Тип III: таблички с единственным столбцом, продолжающимся на обороте, который содержит краткую выдержку из какой-либо канонической серии.

– Тип IV: линзообразные таблички с несколькими строками текста (рис. 14). Как правило, они находятся на плоской стороне, тогда как выпуклая сторона остается чистой.

До настоящего времени не обнаружено ни одной школы, которая располагалась бы во дворце (случай Мари был рассмотрен выше). Некоторое количество учебных материалов было найдено во дворце Син-кашида в Уруке¹³⁸; несколько школьных, лексических и литературных текстов происходят из дворца Энлил-бани в Исине¹³⁹.

Термин «школа» может ввести в заблуждение: он предполагает существование специального учреждения, занимавшегося обучением грамоте, а также получение образования в определенном здании или помещении. Археологические свидетельства рисуют другую картину: «школами» мы условно называем жилые дома преподавателей, где проводились занятия с учениками. По сути, обучение искусству писца с социологической точки зрения ничем не отличалось от других видов передачи знаний и умений, которая происходила прежде всего в рамках семьи. Очевидно, что мнение Б. Ландсбергера, противопоставлявшего «светских писцов» «неграмотным жрецам», ошибочно: значительная часть персонала храмов умела читать и писать (см. гл. 1).

Остается решить вопрос о статусе «академических» текстов. По своему содержанию они явно не соответствуют реалиям XVIII–XVII вв. до н. э., которые нам открывают археологические раскопки. Какова в этих текстах доля идеализации и вымысла? Интересную гипотезу предложил недавно Э. Джордж¹⁴⁰: образ школы-эдуббы, о котором говорилось выше, отражает ситуацию,

Рис. 12 – Пример *probatio calami*: ребенок учился удерживать стиль в руке, многократно повторяя один и тот же простейший знак (вертикальный клин).

существовавшую в XXI в. до н. э., в период III династии Ура, и в XX–XIX вв., во времена царей Исина. Позже обучение писцов велось преподавателями на дому: в области образования произошла та же «приватизация», что и в экономике в целом. Кроме того, написание эдубб, которые Шульги открыл в Уре и Ниппуре, скорее подошли бы для храмов: «Дом Мудрости небесной Нисабы» или «Место Знания». Не исключено, что в ту эпоху школы располагались в храмах богини Нисабы, покровительницы письма, так же как храмы Гулы, богини врачевания, служили госпиталями, а храмы Киттум, богини правосудия, «палатами мер и весов» и т. п.¹⁴¹

Методики обучения грамоте

Педагогические приемы учителей реконструируются на основе описаний эдуббы в древних текстах и анализа письменных упражнений, найденных при раскопках. Методики различались в зависимости от стадии обучения – начальной или углубленной.

«Начальная школа»

Первая стадия обучения отражена в табличках с упражнениями для начинающих. В первую очередь детей учили держать в руке стил, о чем свидетельствуют таблички, которые иногда называют латинским термином *probatio calami* («проба пера») (рис. 12). Ученики осваивали элементарные знаки клинописи: вертикальный (DIŠ), горизонтальный (AŠ) и угловой (U) клинья, затем такие простые знаки, как A и BAD. После этого ученик переходил к копированию силлабариев, начиная со списков знаков. Клинописным «алфавитом» считается серия под названием *a-a te-me* (на современном ассириологическом жаргоне – Silbenalphabet B). Она начиналась со знаков самой простой формы (A, KU, ME), повторявшихся в разных сочетаниях, и продолжалась более сложными начертаниями. Таблички, содержащие эту серию, найдены только в Ниппуре, в других местах использовалась аналогичная система с небольшими отличиями (Silbenalphabet A). Дальнейшее обучение происходило по так называемой серии *tu-ta-ti*, в которой знаки группировались уже не по графическому, а по фонетическому принципу: каждый согласный давался в сочетании с тремя основными гласными, отражавшимися на письме, в порядке *u-a-i* (рис. 13). Первые строки упражнения содержали последовательности *tu/ta/ti*, *nu/na/ni*, *bu/ba/bi* и т. д.; в целом оно включало около 80 слогов. Затем ученик переходил к написанию имен собственных, изучение которых составляло одно из первых занятий юного писца (серия под названием *Inanna-téš*, названная так по имени, открывающему так называемый список A). Ученикам помогало знакомство с личными именами, с которыми они встречались в повседневной жизни. Кроме того, значения шумерских и аккадских имен (в отличие от современных европейских), как правило, были понятны носителям этих языков.

Рис. 13 – Пример упражнения серии *tu-ta-ti*. Ученик сначала писал каждый знак на отдельной строке, затем – три знака подряд на одной строке: *[tu] / ta / ti*, затем *tu ta ti; nu / na / ni*, затем *nu na ni; bu / ba / bi*, затем *bu ba bi*, и т. д.

После этого начиналась работа с так называемыми «лексическими списками». Вначале учитель использовал серию Угга, которую иногда считают чем-то наподобие энциклопедии: в ней перечислялись по темам все известные названия животных, растений, предметов и т. д. Такие списки – пример «конкретного знания», в котором видят одну из отличительных особенностей традиционных обществ. Вероятно, произношение каждой шумерской идеограммы и ее аккадское значение указывались преподавателем устно и заучивались наизусть. Следует учитывать, что лексические списки нельзя считать «словарями»: они служили не для поиска значений знака или слова, а для расширения словарного запаса учащихся. В Старовавилонский период серия включала шесть разделов и около 3300 строк, а в более поздней традиции была разделена на 24 таблички¹⁴²:

Раздел	Содержание	Таблички
1	Дерева и деревянные предметы	3–7
2	Тростник и изделия из него; глиняная посуда; шкура и кожаные изделия; металлы и металлические предметы	8–12
3	Домашние животные; дикие животные; части туши	13–15
4	Камни и растения; рыбы и птицы; одежда	16–19
5	Географические названия и термины	20–22
6	Продукты питания	23–24

Научившись писать знаки, ученик приступал к освоению их значений. Для этого служила серия Proto Ea, в которой знаки были упорядочены по форме и повторялись столько раз, сколько вариантов чтения у них насчитывалось. Серия начиналась со знака А, считавшегося одним из самых простых: он повторялся пять раз с указанием шумерского произношения, но без перевода на аккадский язык. Запись «а А» означает, что знак А мог произноситься как а (в значении «вода»), «du-гу А» указывает на чтение du gu («влажный») и т. д.

После этого учащийся переходил к серии под названием Proto Lu, посвященной названиям должностей и профессий, тер-

минам родства и характеристикам человека. Было показано, что эта серия восходит ко времени появления самой клинописи и из-за своей древности в определенной степени отставала от социальных реалий Старовавилонского периода: некоторые из содержащихся в ней терминов к тому времени уже вышли из употребления. Вслед за Proto Lu ученики копировали другие словарные списки: вероятно, на этой стадии начиналось изучение математики с использованием таблицы умножения и обратных чисел¹⁴³.

Будущие писцы также осваивали юридическую фразеологию, необходимую для составления договоров: для этого использовалась серия ki.ulutin.bi.še = *ana ittišu*, составленная в Ниппуре в Старовавилонский период, но дошедшая в основном в более поздних копиях. Учениками, видимо, были созданы и некоторые рукописи законов Липит-Эшгара. Найдены также многочисленные шаблоны договоров, в которых пропущены дата и список свидетелей¹⁴⁴. Молодой писец хвастался перед товарищем своим умением составлять тексты следующих видов¹⁴⁵:

«...Брачные договоры, договоры о деловом товариществе (...) купчие на дома, поля, рабов, денежные ручательства, договоры об аренде полей и уходе за пальмовыми рощами (...) и даже договоры об усыновлении».

После всего этого молодые писцы могли начинать копирование «литературных» текстов, главным образом на шумерском языке, который выполнял в Месопотамии приблизительно те же функции, что латынь в западной цивилизации. Создание корпуса шумерской литературы в Старовавилонский период было обусловлено не желанием спасти ее от забвения, но более прозаичной потребностью учителей иметь под рукой своего рода хрестоматию для преподавания. Это во многом напоминает ситуацию с древнегреческой литературой, из которой сохранились в основном произведения, отобранные наставниками византийских школ. Первые упражнения заключались в копировании пословиц, преимуществами которых были краткость и легкость запоминания. Как и многие другие упражнения для начинающих, они выполнялись на линзообразных табличках: учитель писал на них послови-

цу из двух-трех строк, которую ученик копировал ниже (рис. 14). Затем задача усложнялась: наставник записывал текст на лицевой стороне, а ученик должен был воспроизвести его на обороте таблички. Были найдены сотни линзообразных табличек этого типа, на которых нетрудно отличить руку учителя от руки ученика, нетвердой и не всегда точной.

Углубленное обучение

Этот этап обучения заключался в копировании кратких выдержек из литературных сочинений, а затем и целых произведений. Программа занятий углубленного уровня реконструируется на основе как школьных табличек, так и особых «каталогов», среди которых есть списки рукописей, хранившихся в доме преподавателя (см.: гл. 6): они помогают представить себе корпус шумерской литературы, который не исчерпывался произведениями, найденными при раскопках. Другие «каталоги» представляют собой почти идентичные копии списков, которые справедливо предлагается считать своего рода «программами» обучения¹⁴⁶.

Важнейшую роль в переходе от одной стадии обучения к другой играла группа из четырех произведений – гимнов, отличающихся очень простой грамматикой. В их число входил гимн *Lipit-Eštar B*: этот текст из 60 строк ученики копировали первым¹⁴⁷. Затем следовали гимны *Iddin-Dagan B*, *Enlil-bani A* и *Nisaba A* – совокупность этих произведений принято называть «тетрадой». После этого ученики переходили к группе из десяти текстов («декада») ¹⁴⁸.

Учитель, по крайней мере иногда, диктовал текст, который ученик должен был сначала повторить устно, а затем записать, о чем говорит обращенный к нему упрек¹⁴⁹:

«(Твоя) рука не поспевает за (твоими) устами».

В здании *Quiet Street 7* в Уре были найдены две идентичных копии одного и то же произведения, различающиеся только некоторыми написаниями (например, *MU-ŠI-NA* на первой табличке и *MU-ŠE-NA* на второй): создается впечатление, что текст писался под диктовку двумя учениками одновременно. Это подтверж-

Рис. 14 – Линзообразная табличка: две первые строки написаны учителем и скопированы ниже нетвердой рукой ученика.

дается и тем, что у хозяина дома по имени Ку-Нингаль было два сына. Найден текст с ошибками, которые могут объясняться тем, что он был записан со слуха учеником, страдавшим дислексией¹⁵⁰. В других случаях ученики получали рукопись, которую следовало переписать, а затем тщательно сличить копию с оригиналом. Большинство упражнений записано на табличках в один столбец: часто это краткие выдержки в 10–15 строк, но иногда и тексты, насчитывающие до 120 строк. Самые длинные упражнения копировались в два или три столбца на каждой стороне, а крупнейшие произведения занимали несколько табличек.

Копируемые произведения принадлежали к самым разным жанрам¹⁵¹. Значительная место занимает здесь так называемая «литература» – мифы, эпические повествования о деяниях легендарных царей (например, Гильгамеша), плачи о разрушенных городах, гимны божествам и храмам, споры между антагонистическими сущностями («Пальма и тамариск», «Зима и лето») и др. Можно предположить, что такие споры разыгрывались по ролям двумя учени-

ками. Статус шумерской «литературы» до сих пор не определен, но очевидно, что многие из этих произведений не имели других функций, помимо педагогических. Это объясняет трудности, с которыми сталкиваются шумерологи при реконструкции текстов: им приходится работать с ученическими копиями самого разного качества, и некоторые из них, без сомнения, выполнены «двоечниками»...

Учебная программа включала также копирование писем на шумерском языке, прежде всего «исторической корреспонденции», – именно благодаря этому до нас дошла переписка ряда правителей, в основном принадлежащих к III династии Ура, а также отдельных аморейских царей Ларсы¹⁵². Кроме того, будущие писцы переписывали некоторые царские надписи¹⁵³: лучше всего эта практика засвидетельствована в Ниппуре, где найдены многочисленные старовавилонские копии надписей времен III династии Ура и Староаккадского периода, выполненные со статуй и стел, которые были выставлены во дворе главного городского храма Экур. Чаще всего ученики старались сохранить изначальную форму знаков, но иногда задание состояло в переписывании текста по новым правилам. Иногда в копии указано, с какого оригинала (ныне утраченного) она была выполнена, включая точное расположение надписи (например, на плече статуи и т. п.)¹⁵⁴.

Конечно, образование писца не ограничивалось «изящной словесностью»: ученики также получали знания по предметам, с которыми была связана их будущая профессиональная деятельность. Для того чтобы записать договор о наследстве, недостаточно было заучить соответствующий формуляр: такой писец должен был, среди прочего, уметь вычислять площади земельных участков, разделяемых между наследниками. Следовательно, в программу обучения входили арифметика, метрология и землемерное дело. Это касалось и более отвлеченных по своей природе областей знания, таких, как музыка и пение: ученики должны были знать различные музыкальные жанры (*šig*) и даже уметь петь¹⁵⁵.

Таким образом, образование месопотамских писцов было, согласно современной терминологии, «полидисциплинарным», но педагогические методы опирались на «традиционные» с нашей точки зрения принципы: зубрежка, соревновательность и, конечно, телесные наказания¹⁵⁶.

Проблема «двуязычия»¹⁵⁷

Вопрос о том, когда именно шумерский перестал использоваться как живой язык, по-прежнему составляет предмет ожесточенных споров¹⁵⁸. Некоторые считают, что это произошло уже в конце Раннединастической эпохи, другие – что на шумерском продолжали говорить и в Старовавилонский период. Проблема очень сложна, но нельзя не отметить, что сам по себе факт использования шумерского в устной речи не доказывает, что он оставался живым языком: в европейских школах на уроках риторики говорили по-латыни еще менее века назад¹⁵⁹. Огромный интерес представляет пример царя Ура Шульги¹⁶⁰: в гимне *Šulgi C* правитель сообщает, что аморейским посланникам он отвечал по-аморейски, а эламским – по-эламски; утверждает, что этими языками Шульги владеет так же хорошо, как шумерским. В гимне *Šulgi B* говорится, что царя не сможет ввести в заблуждение ни один переводчик, поскольку Шульги знает пять языков: шумерский, эламский, аморейский, субарейский (хурритский) и мелуххийский. Отметим, что в этом списке нет аккадского языка. Причина в том, что людям не свойственно похвастаться знанием своего собственного языка. Таким образом, эти два текста доказывают: родным языком Шульги был аккадский, а шумерский к тому времени был уже мертвым наречием.

В старовавилонские времена шумерский использовался как язык высокого стиля – для культовых произведений, мемориальных надписей и т. п. Его роль в юридических текстах зависела от региона: на юге он применялся очень широко, на севере – только в виде стандартных формул, тогда как любые нестандартные записи делались на аккадском. В Верхней Месопотамии знание шумерского было весьма ограниченным, и находка копии шумерского царского списка в Шубат-Энлиле не должна вводить в заблуждение. Когда Ясмах-Адду попросил своего отца Шамши-Адада прислать писца, умеющего читать по-шумерски, тот ответил, что в его распоряжении такого не имеется¹⁶¹. Чтобы добиться милости царя Мари Зимри-Лима, некий писец направил ему двуязычное письмо¹⁶²: увы, его уровень владения шумерским языком оказался плачевным с точки зрения современного специалиста.

Место аккадского языка в учебной программе на первый взгляд кажется ограниченным. Напомним, что европейцы долгое время учились читать только по текстам, написанным на мертвом латинском языке, а обучение французской грамоте, введенное конгрегацией Братьев христианских школ, стало настоящей революцией в образовании и принесло им прозвище «невежествующих монахов»¹⁶³. Более чем вероятно, что в Месопотамии мы наблюдаем культурный феномен того же порядка, что отразилось, например, в знаменитой пословице¹⁶⁴:

«Писец, не знающий шумерского, – какой же это писец?».

Если верить тексту, который С. Крамер издал под названием «Школьные дни», в школах запрещалось говорить по-аккадски¹⁶⁵:

«Шумерский смотритель (сказал): «Ты заговорил по-аккадски!» – и ударил меня».

Не стоит забывать и о недостаточной представительности наших источников: большинство из них происходит из Ниппура и Ура и отражает традиции шумерского Юга. К сожалению, в нашем распоряжении нет полного инвентаря находок в Телль-Хармале (Шадуппуме), расположенном в нижнем течении Диялы, т. е. на территории древнего Аккада: похоже, в этом городе было широко распространено учебное копирование литературных произведений на аккадском языке. Аккадские литературные тексты, в отличие от шумерских, в большинстве случаев дошли до нас в единственной рукописи. Существует гипотеза, согласно которой они представляют собой «выпускные работы» учащихся. Известны и более прозаичные упражнения на аккадском – вымышленные письма, почти идентичные копии которых, отличающиеся только именами собственными, были обнаружены при раскопках различных древних городов¹⁶⁶. В этих сочинениях упоминаются банальные ситуации из повседневной жизни, например:

«Скажи такому-то (А): это (говорит) тот-то (В). Пусть Шамаш продлит твои дни! По поводу поля того-то (С), которое ты забрал

для такого-то (D), тот (С) обратился к царю, и царь сильно разгневался. Скорее отдай поле хозяину, пока не явился царский страж! Дело не терпит отлагательства!».

Недавно опубликованный текст показывает, что преподавание иногда велось в форме диалогов следующего рода: учитель задавал вопросы по-аккадски, а ученик должен был отвечать по-шумерски, и наоборот¹⁶⁷. Месопотамский школьник с гордостью рассказывает о своих успехах¹⁶⁸:

«Я разбираюсь в шумерском языке, письме, делопроизводстве, учете и счете, я даже могу вести беседу по-шумерски!».

Специализация образования

Все ли будущие писцы получали одинаковое образование? Вероятно, между кладовщиком, которому хватало минимального набора знаков для приходно-расходных документов, и сочинителем шумерских гимнов для царя все же существовала определенная разница. Могли ли они вместе закончить «начальную школу», после чего будущий сочинитель гимнов прошел углубленный курс обучения? Или программа занятий различалась для них с самого начала? Сегодня ответить на этот вопрос не представляется возможным. Даже постепенно начиная понимать, как было организовано обучение жречества, мы по-прежнему не знаем, где и как получали образование бесчисленные чиновники, в которых нуждался дворец для повседневной хозяйственной деятельности. Возможно, наши нынешние представления о программе обучения писцов, в которой шумерская литература заметно преобладала над практическими знаниями, связаны с недостаточной представительностью источников. Кроме того, образовательные системы могли различаться в зависимости от региона: замечено, что в урукских школьных текстах больше аккадских глосс, нежели в ниппурских¹⁶⁹. Добавим, что неслучайно копирование эпических произведений, легенд, царских гимнов и надписей и т. п. занимало в обучении такое важное место: верность определенной концепции царственности закладывалась с юного возраста. Образование не исчерпы-

валось техническими задачами: его функция заключалась также в воспитании корпоративного духа в учениках, которым предстояло провести жизнь на царской службе – в администрации или храмах, заботившихся о благосклонности богов к правителю.

СЕМЕЙНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЗДНИЕ ЭПОХИ

Организации обучения в поздние эпохи (начиная с середины II тыс. до н. э.) долгое время уделялось намного меньше внимания, чем Старовавилонскому периоду. Недавние исследования продемонстрировали как жизнестойкость многих образовательных методик, так и значительные перемены, произошедшие в этой области.

Среднеавилонский период

Старовавилонский период заканчивается около 1600 г. до н. э. по средней хронологии. За ним последовало «темное время»: неизвестна даже его точная продолжительность (от 50 до 150 лет в зависимости от хронологической системы). По-видимому, вторая половина II тыс. до н. э. стала ключевым периодом для сохранения аккадской литературы, но об этом мы можем судить только по косвенным свидетельствам. Недавно вышло исследование, посвященное немногочисленным школьным текстам этой эпохи¹⁷⁰: они подтверждают жизнестойкость старовавилонских образовательных традиций, но указывают на важное нововведение – появление аккадских текстов в учебной программе. Одна из главных особенностей Среднеавилонского периода – быстрая экспансия клинописи за пределы ее традиционного географического ареала вплоть до хеттской Анатолии¹⁷¹, Сирии–Палестины¹⁷² и Египта (Эль-Амарна). У нас есть немало сведений об образовательных методиках, использовавшихся в этих регионах. Гипотезы о взаим-

ном влиянии различных центров экспансии клинописной цивилизации в ряде случаев получили археологические доказательства: так, раскопки в Эмаре подтвердили значение северной Сирии для распространения письменности в Анатолии. Но как было организовано обучение в самом Эмаре? Удалось показать, что важную роль в этом процессе играл уроженец северной Вавилонии по имени Иддин-Кула¹⁷³: в колофонах многих табличек указывается, что они были скопированы его учениками. Реконструирована также программа занятий, по которой учились эмарцы¹⁷⁴.

Первое тысячелетие до н. э.

У нас нет ни одного описания школы, которое относилось бы к поздним эпохам: именно поэтому исследования по вопросам образования касаются прежде всего Старовавилонского периода. Единственный источник по этой теме для I тыс. до н. э. – таблички с упражнениями, трудные для расшифровки и почти не привлекающие внимания исследователей. Долгое время эти тексты воспринимались как «кладовая» лексического или литературного материала, и лишь недавно были предприняты попытки изучить их как самостоятельный жанр¹⁷⁵.

Некоторые из таких табличек были найдены во время официальных раскопок, что придает им дополнительную ценность. Так интересные и прекрасно сохранившиеся упражнения были обнаружены в городе Киш в 20-е и 30-е годы XX столетия¹⁷⁶. Но самое важное открытие было сделано в 1979 г. в Вавилоне, к западу от «процессионной дороги», в здании, идентифицированном как храм Набу благодаря закладной надписи Асархаддона (рис. 43). Под полом нескольких храмовых помещений и в забутовке фундамента находилось более 2000 учебных табличек¹⁷⁷. Во время реставрации здания в правление Навуходоносора они были использованы как материал для надстройки полов, а некоторые из них – даже для укрепления лестничных ступеней! Несмотря на то, что эти таблички были выброшены древними, их содержание оказалось связано с храмом: колофоны отдельных текстов содержат молитвы богу Набу. Вот одна из таких молитв¹⁷⁸:

«Для Набу, первого наследника, высокого наставника, средоточия мудрости, господина сметливости, восседающего в Э-гидрикалама-сума, прославленном жилище, дающем скипетр и трон для царственности, Набу-зер-иддина составил табличку и посвятил ее ради своего спасения и укрепления своего ума. О Набу, высокий наставник, укрепи его ум!».

Очевидно, что текст представлял собой посвящение бо-жеству; есть свидетельства о том, что такие таблички передавались привратнику храма, который складывал их в сосуд под названием *gunnu*. Такие вотивные приношения делались во время церемоний по случаю праздника Набу. Таким образом, нет никаких оснований считать, что в храме располагалась школа. Места и условия, в кото-рых велось обучение грамоте в эту эпоху, остаются неизвестными.

При раскопках в Уруке в 1969–1971 гг. было найдено мно-жество «литературных» и «школьных» табличек эллинистиче-ской эпохи¹⁷⁹: содержащиеся в них данные об обучении грамоте почти ничем не отличаются от сведений, происходящих из Ура и Ниппура II тыс. до н. э. Единственная особенность заключается в многочисленных комментариях, свидетельствующих о роли уст-ного преподавания, которое вел наставник-*umtānu*.

Двухуровневое образование

Анализ учебных табличек I тыс. до н. э. — вне зависимости от их происхождения¹⁸⁰ — позволил выделить два основных типа, со-ответствующие двум стадиям начального образования. Таблички типа I — квадратной формы и больших размеров, их поверхность разделена на несколько узких столбцов. Такие таблички исполь-зовались для простых упражнений — проб стила, силлабариев, вы-держек из серии *u₅.ga = hubullu*. Писцы, прошедшие такой курс обучения, были готовы к административной службе. Таблички типа II — более узкие, а число столбцов не превышает двух. Они обычно содержат выдержки из литературных произведений, раз-деленные горизонтальными чертами. Эти произведения состав-ляют довольно ограниченный корпус — двуязычные заклинания,

гимны и молитвы на аккадском, эпос *Enūma eliš*, серию TIN.TIRKI = *Bābīlu* и несколько лексических списков. Обращает на себя вни-мание место, которое занимают в этих текстах город Вавилон и его бог Мардук: создается впечатление, что второй этап обучения служил прежде всего религиозным целям.

Конечно, больше всего поражает именно уникальная жиз-нестойкость образовательной традиции. Тем не менее нельзя не заметить и существенные перемены. Прежде всего, в поздние эпо-хи появляется «высший» уровень образования. Писцы, овладев-шие чтением и письмом (*tupšarrūtu*), получали возможность вы-брать «специализацию»: искусство гадателя (*bārūtu*), заклинателя (*āšipūtu*) или плакальщика (*kalūtu*)¹⁸¹. Каждой из этих трех дисцип-лин соответствовали отдельная учебная программа и свой корпус текстов¹⁸². Гадатель занимался толкованием знамений, ниспо-сылаемых божеествами¹⁸³, — затмений Луны и Солнца, погодных явлений, необычного вида новорожденных у людей и животных — каждое из таких событий могло оказаться важным предупрежде-нием. Кроме того, гадатели умели задавать божееству вопросы по заказу клиента. Во время жертвоприношения ягненка Шамаш и Адад «писали» ответ на печени животного, а гадатель должен был расшифровать эти знаки, а именно любые деформации, отверстия и т. п.¹⁸⁴ Если предсказание оказывалось неблагоприятным, беды все же можно было избежать, отведя ее от потенциальной жертвы. Тогда к делу приступал заклинатель: при помощи ритуалов, пре-жде всего из серии *namburbū*, он переносил зло на какой-нибудь предмет — например, шерстяную нитку или глиняную фигурку, который затем уничтожался. Наконец, человека следовало при-мирить с божееством, чей гнев его преследовал, — в этом состоя-ла задача *kalū*. Произнося особого рода плачи, тот «смирлял серд-це великих богов». Некоторые грамотные люди претендовали на владение всеми тремя науками: так, некий Мардук-шапик-зери, желая поступить на царскую службу, писал правителю, что умеет много больше обычного плакальщика¹⁸⁵.

«Я полностью овладел ремеслом моего отца, искусством плакаль-щика (*kalūtu*). Я изучил и пропел канонические серии (*iškarū*), я знаю [...], «Омовение рта» и обряд очищения дворца [...]. Я ис-

следовал добрые и дурные знамения. Я читал (астрологическую серию) *Enūma Anu Enlil* и наблюдал за звездами. Я читал (гадательный сборник об аномальных рождениях) *Šumma izbu*, (физиогномические серии) [*kataduqqū, alandi*]*mmū* и (*nigdimdimmū*) и (гадательный сборник о необычных природных знамениях) *Šumma ālu*. Я научился [всему этому в юности]».

Широта познаний Мардук-шапик-зери впечатляет: помимо своего собственного ремесла, он владел искусством заклинателя и всеми гадательными приемами – экстиспициной (гадание по печени и другим внутренностям ягненка), астрологией, физиогномикой и др. Однако само существование такого текста говорит о том, что универсальное образование было исключением из правил: каждый из 20 других претендентов на тот же пост, которые перечисляются в письме ниже, владел, по словам Мардук-шапик-зери, только одной наукой.

Династии специалистов

То же письмо упоминает, что ремесло писца передавалось от отца к сыну: это явление было общим для всех областей знания и вероятно, внесло свой вклад в прогрессирующее «окаменение» ученой традиции в Месопотамии. «Знатоком» (*umtānu*) мог стать далеко не каждый, о чем свидетельствует такая история новоассирийского времени: ювелир Дома царицы поручил некоему вавилонянину обучить его сына искусствам заклинания и гадания. Но на ювелира донесли царскому чиновнику, и тот обвинил его в попытке подражать царю и наследнику: несчастный оказался виновным в оскорблении величества¹⁸⁶.

В I тыс. до н. э. распространилась традиция указывать в собственной «подписи» имя предка¹⁸⁷. Многие урукские писцы считали своим общим предком Син-леке-уннени, знаменитого «редактора» эпоса о Гильгамеше, жившего во второй половине II тыс. до н. э. Трудно понять, идет ли речь о настоящей династии писцов или о форме обращения за покровительством к знаменитому грамотею древности.

Застывшая традиция?

Упорядочение текстов, принадлежащих к традиции, – этот процесс иногда не без двусмысленности называют «канонизацией»¹⁸⁸ – началось во второй половине II тыс. до н. э., в касситскую эпоху. В предшествующий Старовавилонский период еще не существовало серий произведений, подобных более поздним сборникам предсказаний. Так, несколько текстов, вошедших в серию *Šumma ālu* (например, о полете птиц¹⁸⁹ и поведении насекомых¹⁹⁰) – известны в старовавилонских рукописях, но серия как таковая не засвидетельствована ранее I тыс. до н. э.¹⁹¹ Как именно происходило такое упорядочение? Лучшее всего известен случай с медицинской серией *Sakikku*¹⁹²: в поздних текстах составление этого сборника приписывается Эсагиль-кин-апли – знатоку (*umtānu*), жившему в эпоху царя Мардук-апла-иддина (1068–1047 гг. до н. э.). Зная, что этот правитель отличался особым благоговением перед богиней медицины, восстановил ее главный храм в Исине и объявил себя ее сыном, нетрудно предположить, что Эсагиль-кин-апли составил сборник по заказу царя.

Создание серий представляло собой сведение и упорядочение уже существующих произведений – т. е. компиляцию, а не творчество. Так, специалисты по истории математики отмечают, что в этой области не было открыто ничего нового после Старовавилонского периода¹⁹³. Мы видим, что ученики в I тыс. до н. э. продолжали копировать тексты, давно утратившие практическое значение, например, законы Хаммурапи, больше не воспринимавшиеся как правовой документ и ставшие предметом для эзотерических комментариев¹⁹⁴.

Тайное знание и развитие эзотеризма

Консерватизм месопотамских писцов поражает: начиная с конца II тыс. до н. э. клинопись должна была выдерживать жесткую конкуренцию со стороны «алфавитных» письменностей, прежде всего арамейской, преимущества которой были очевидны. В арамейском письме указывались только согласные, а не слоги, и

число знаков не превышало 30, что намного облегчало обучение грамоте, а также позволяло писать заметно быстрее. Вначале традиция заставляла хранить верность глиняным табличкам: так, в восточносредиземноморском городе Угарит XIII в. до н. э. применялась оригинальная «алфавитная клинопись» на глине наряду с «классической» месопотамской. Но очень быстро стало ясно, что преимущества новой письменности в скорости и экономичности нельзя использовать в полной мере, не сменив материал для письма. Жители Восточного Средиземноморья обратились к опыту древнего Египта: отныне алфавитные тексты писались чернилами на папирусе, коже или глиняных черепках («острака»). В этих условиях месопотамские писцы стали стремиться к максимальному усложнению клинописи, как будто осознав, что конкуренция с алфавитом проиграна, и сделав ставку на эзотеризм своего знания. Многие колофоны I тыс. до н. э. строго ограничивают распространение текста¹⁹⁵:

«Пусть посвященный покажет это посвященному – непосвященный не должен этого видеть!».

Соответствующим образом изменилось и отношение к мудрости: если в начале II тыс. до н. э. она воспринималась как человеческое качество, то в поздние эпохи – как божественное откровение¹⁹⁶. Об этом свидетельствуют изменения, внесенные в эпос о Гильгамеше: редактор последней версии произведения добавил в пролог 28 строк, подчеркивающих мудрость героя; в тексте также появились рассказ о Потопе, клятва Уга-напиштима (вавилонского Ноя) и эпилог. Напротив, был опущен эпизод с хозяйкой корчмы, которая в древней версии эпоса убеждает Гильгамеша отказаться от поиска бессмертия и радоваться настоящему. Главный мотив поздней версии – передача тайного знания от пережившего Потоп к Гильгамешу.

Глава 3 Архивные документы

В этой главе я хотел бы вкратце охарактеризовать документы из месопотамских архивов, а также рассказать о том, как они составлялись и хранились, уделяя особое внимание дипломатике актов. Когда я был студентом-историком и только начинал интересоваться древней Месопотамией, большое впечатление на меня произвели слова Жоржа Тессье: «Понятие дипломатики (...) может одинаково успешно применяться как к нашим законам, указам, постановлениям, нотариальным актам и коммерческим соглашениям, так и к табличкам древней Месопотамии, греко-римским папирусам и средневековым хартиям»¹⁹⁷. Далее Ж. Тессье отмечает, что многие занимаются «дипломатикой, не отдавая себе в этом отчета»: именно так, к сожалению, происходит с большинством ассириологов. Мы начнем с формы документов, а затем рассмотрим процедуру их создания, способы хранения, а также функционирование архивов.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ДОКУМЕНТОВ

Древнейшие из найденных к настоящему времени клинописных табличек датируются концом IV тыс. до н. э.¹⁹⁸; самые поздние относятся, по-видимому, к III в. н. э.¹⁹⁹ За этот долгий период как внешние, так и внутренние свойства документов претерпевали значительные изменения²⁰⁰.

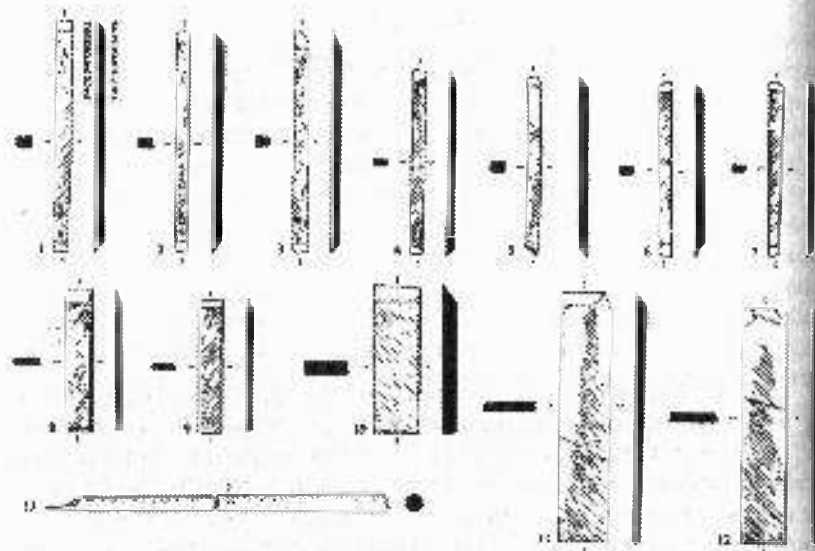

Рис. 15 – Костяные стили, найденные в доме Ур-Уту при раскопках города Сиппар-Амнанум (XVII в. до н. э.).

Свойства таблички

Специальные работы по этой теме практически отсутствуют, за исключением нескольких исследований по отдельным частным вопросам²⁰¹. Исследователю чаще всего остается полагаться на личный опыт и собственную интуицию.

Материал

Самая яркая отличительная черта месопотамской цивилизации – почти повсеместное использование глины в качестве писчего материала²⁰². Именно материал определил характерный облик клинописи, знаки которой выдавливались на мягкой поверхности стилем из тростника²⁰³, кости (рис. 15)²⁰⁴ или металла²⁰⁵. Глина стоила недорого, но это не означает, что ее подготовка не требовала усилий. Глину следовало тщательно очистить и обезжи-

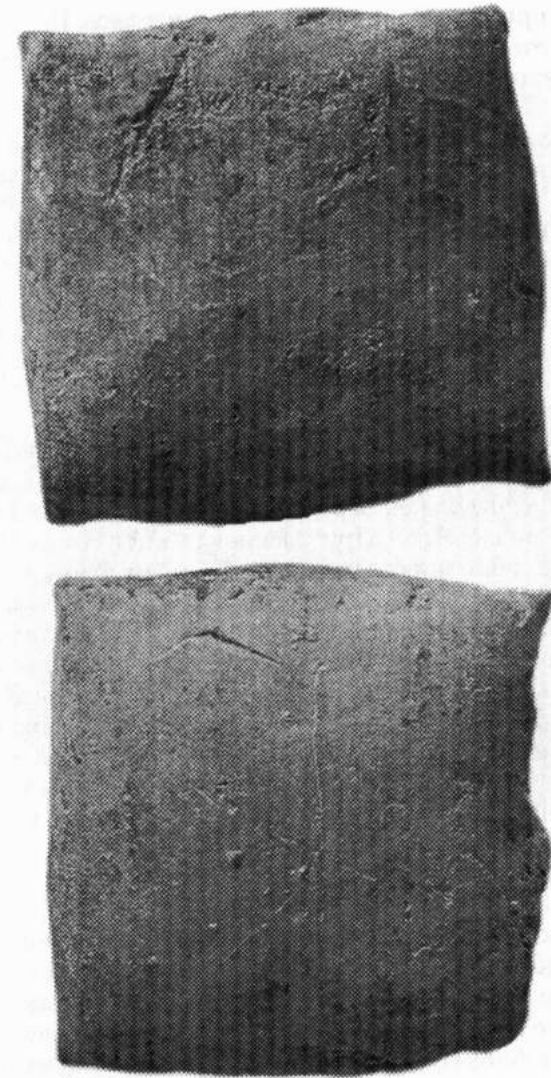

Рис. 16 – Таблички без текста (дворец Мари, XVIII в. до н. э.); судя по формату, они были предназначены для небольших отчетных документов.

речь, иначе при высыхании она растрескивалась. Поэтому вполне возможно, что следующие слова царя города Ашнаккум не были просто фигурой речи²⁰⁶:

«Мои слуги устали ходить к предводителю кочевников, и я извел на таблички, которые я без конца посылаю, всю глину Ашнаккума».

Одно из мест, где изготавливались таблички, было обнаружено при раскопках городища Хаммам-эт-Туркман в долине Ба-лиха. В круглый бассейн глубиной 50 см по желобу подавалась вода из колодца; рядом находился прямоугольный участок, где была найдена очищенная и размятая глина с отпечатками пальцев²⁰⁷. Подробнее всего об изготовлении таблички говорится в одном из школьных текстов²⁰⁸.

У глины как писчего материала есть как достоинства, так и недостатки²⁰⁹. Первый недостаток связан с использованием пространства: писец должен заранее рассчитать, сколько места для текста ему понадобится. При раскопках иногда находят полностью готовые таблички без надписей²¹⁰ – по их формату во многих случаях можно определить тип текста, для которого они предназначались (рис. 16). Возникает вопрос, всегда ли табличку готовил перед работой сам писец; вполне возможно, что этим занимался вспомогательный персонал. Если это последнее предположение хотя бы отчасти верно, попытки идентифицировать писца по отпечаткам пальцев на табличках могут не дать убедительных результатов²¹¹. Другой фундаментальный недостаток глины заключается в том, что она быстро высыхает, после чего внести исправления невозможно. Табличка, выставленная на солнце, затвердевает за несколько часов. Таким образом, любой текст неизбежно писался в один прием²¹².

Вопреки распространенному мнению, таблички обычно не подвергали обжигу: исключение составляли лишь некоторые тексты, предназначенные для библиотек²¹³. Одно время считалось, что во дворце Угарита (XIII в. до н. э.) найдена печь, в которой обжигались таблички, в том числе письма (полученные царем!), однако это предположение оказалось неверным²¹⁴. Впрочем, очень многие документы в той или иной степени обгорели во время раз-

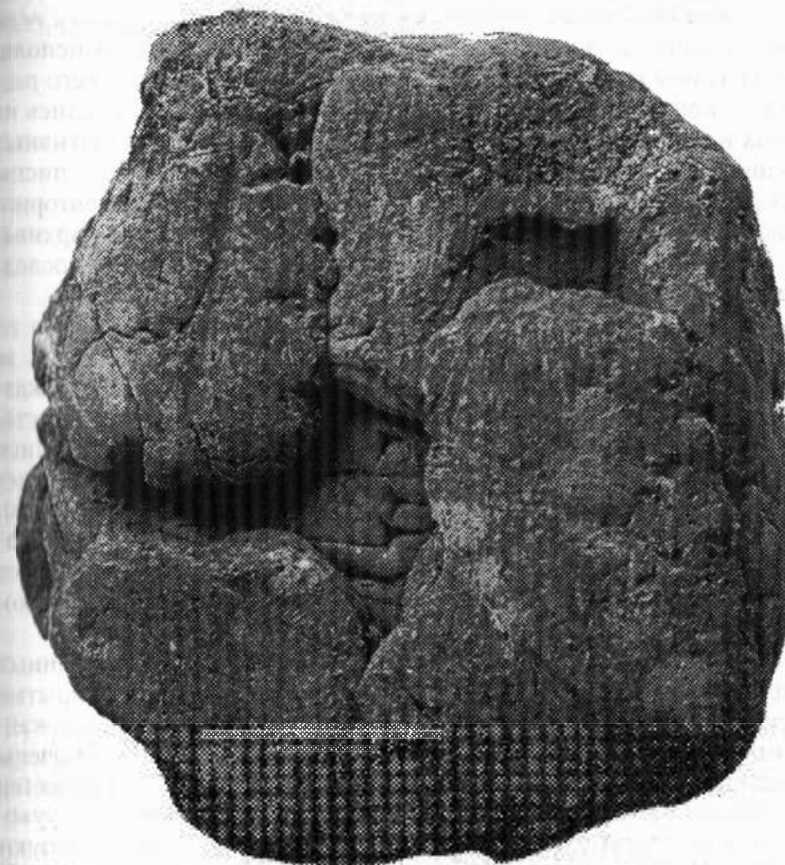

Рис. 17 – Административная табличка в процессе переработки (дворец Мари, XVIII в. до н. э.).

рушения зданий, сопровождающегося пожаром. Этот случайный «обжиг» обычно вызывает изменение окраса таблички: если при пожаре среда была окислительной, преобладает красный цвет, при восстановительной среде – черный²¹⁵. То же происходит при обжиге, иногда выполняемом в музеях для извлечения солей, плохо влияющих на сохранность текстов.

В исключительных случаях знаки письменности наносились на человеческую кожу (только в I тыс. до н. э.): такие клейма на аккадском, арамейском и даже египетском языках помогали разыскивать беглых рабов²²⁵.

Письмо

Использование глины предопределило характер развития клинописи: эволюция знаков, превратившихся из примитивных рисунков в сочетания клиньев, объясняется сложностью начертания кривых линий на глиняной поверхности²²⁶. В течение своей трехтысячелетней истории клинопись претерпевала значительные изменения.

Парадоксально, но палеография клинописи долгое время была и в определенной степени остается недостаточно развитой дисциплиной²²⁷. Это отчасти связано с методами публикации текстов: стоимость печати фотографий и, прежде всего, технические сложности, с которыми сопряжена съемка клинописных табличек как трехмерных объектов, долгое время заставляли ассириологов публиковать документы в виде сделанных вручную копий. Какими бы точными они ни были, часть информации при копировании все равно утрачивается. Кроме того, нередко в копиях не соблюдается ни оригинальное расположение текста, ни даже графические особенности: часто степень нормализации такова, что копия представляет собой «транслитерацию наоборот»²²⁸. Яркий пример — новоассирийские письма, с 1892 по 1914 г. публиковавшиеся при помощи наборного шрифта!

Поскольку клинописью пользовалась более трех тысячелетий, исследования по клинописной палеографии часто оказывались слишком общими. В классическом пособии Р. Лабата по аккадской эпиграфике²²⁹ эволюция клинописи представлена на левых страницах разворотов и подразделена на очень крупные хронологические периоды²³⁰: III тыс., первая и вторая половина II тыс. (Старо- и Среднеассирийский, Старо- и Среднеавилонский периоды) и, наконец, I тыс. (Новоассирийский и Нововавилонский периоды). Исследователь, желающий ограничиться каким-либо одним из этих периодов, попадает в настоящий библиогра-

фический вакуум²³¹. Большинство работ касаются географических различий в определенный исторический момент²³², но не хронологической эволюции клинописи в определенном регионе; при этом тематика исследований чаще связана с репертуаром используемых знаков (силлабарием), нежели с их формой²³³. В настоящее время проект обобщающего исследования в этой области реализуется в Бирмингемском университете под руководством А. Ливингстона, однако эта работа пока не вылилась в научные публикации.

Одним из немногих авторов, занимавшихся этой проблемой, был Дж. Финкелстайн, который верно отметил²³⁴: «Ассириологи, хорошо знакомые с табличками, которые создавались в ограниченном географическом ареале на протяжении нескольких веков, обычно могут с первого взгляда определить на основании одних лишь внешних критериев относительную датировку любой из этих табличек (...) Бесконечно труднее точно сформулировать и выразить различия между ними». Я бы пошел даже дальше: исследователи, многие годы работавшие над архивами Мари, приобрели способность узнавать почерки писцов, что позволяет, в частности, делать «джойны» между фрагментами табличек. Но описать, как это делается, чтобы открыть доступ остальным к накопленному ими опыту, практически невозможно; поэтому навык в основном остается непередаваемым²³⁵.

Любопытно, что палеография наиболее развита на «периферийных» направлениях изучения клинописи, в частности в хеттологии²³⁶. Исследования в области хеттской палеографии не были связаны с изучением архивных документов: их целью было датирование копий рукописей в царской библиотеке. Вероятно, причина недостаточного развития палеографии применительно к самой Месопотамии состоит в том, что договоры и административные документы довольно легко датируются другими способами. Часто в этих текстах попросту указывается дата; в остальных случаях хронологические вопросы нередко решаются посредством анализа просопографии.

Палеография должна принимать во внимание писчий материал и жанр текста. Так, надписи на камне всегда отличаются архаизирующей графикой по сравнению с курсивным письмом того же времени. Знаменитый пример — законы Хаммурапи: знаки

на Луврской стеле очень схожи с курсивом шумерских табличек XXIV в. до н. э., но имеют мало общего с курсивом своего времени (рис. 19). Кроме того, исследование архивных документов из города Исина показало, что в пределах одной эпохи – правления Самсу-илуны (1749–1712 гг. до н. э.) – существовали значительные графические отличия между «официальными» текстами (например договорами о продаже) и учетными записями: если бы документы не были датированы, их с легкостью отнесли бы к разным столетиям. Возникает вопрос о том, создавались ли эти два типа текстов одними и теми же писцами; дать на него ответ пока не представляется возможным.

Палеографические исследования указывают на несколько поворотных моментов в истории клинописи. Дело в том, что по решению властей в Месопотамии не раз проводились реформы письменности. Первый известный случай – Аккадская империя (XXIV–XXIII вв. до н. э.), в которой администрация установила единый стиль письма на всей территории. В локальных архивах того времени сосуществуют два типа учетных табличек: тексты для внутреннего использования, написанные старым способом, и документы для предъявления имперским ревизорам, отвечающие новым требованиям. О том, что новый порядок навязывался извне, свидетельствует большая табличка, которую писец начал писать «имперским стилем», а примерно к середине изменил свое решение и продолжил текст в традиционной манере. Было отмечено, что если бы табличка разломилась пополам, ее фрагменты датировали бы с интервалом по меньшей мере в одно поколение²³⁷.

Другой пример – реформа в царстве Мари в конце XIX в. до н. э. Стиль табличек, иногда неверно называемый «стилем эпохи наместников-шакканакку», внезапно исчезает, сменившись более «современной» графикой, в точности соответствующей манере писцов соседнего царства Эшнунна²³⁸. В нашем распоряжении – и это редчайший случай в истории письменности – есть административный документ, написанный по старым правилам и скопированный на «современный» лад²³⁹: сравнение двух табличек показывает, что изменения коснулись одновременно формы табличек, начертаний знаков и силлабария.

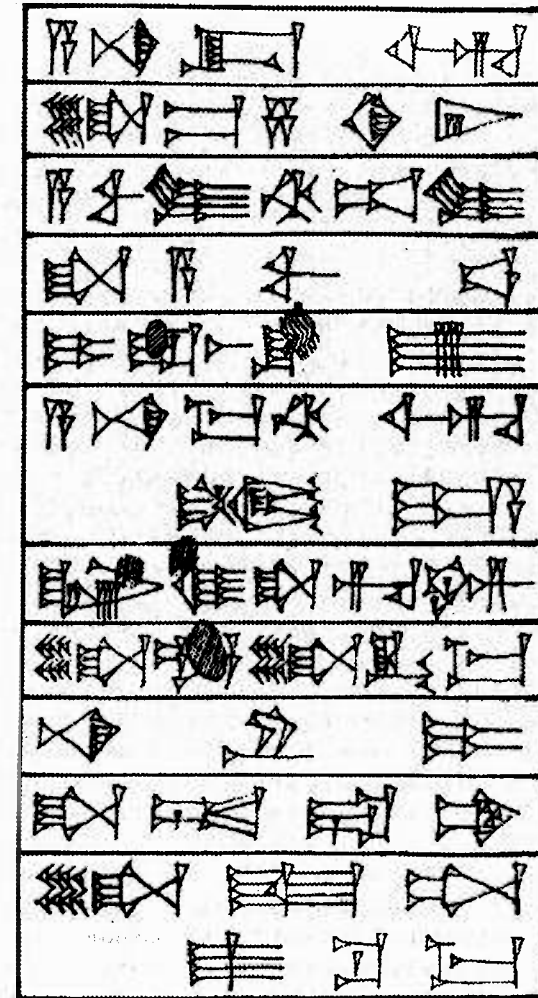

Рис. 19 – Монументальное архаизирующее письмо законов Хаммурапи: строки из эпилога («Обиженный человек, у которого жалоба возникнет, к моему, царя справедливости, изображению пусть придет...»).

Формат

От таких носителей, как папирус, пергамент или бумага, глиняная табличка отличается трехмерной формой: из соображений прочности толщина таблички должна быть пропорциональна площади ее поверхности. Например, толщина одной из самых маленьких найденных табличек размером 1,6×1,6 см составляет 1,1 см, одной из самых больших – 4–5 см при размерах 33×36 см. В то же время эти физические ограничения не исключают значительного разнообразия: например, углы таблички могут быть более или менее закругленными или, напротив, заостренными. Как правило, лицевая сторона таблички почти плоская, а обратная – более выпуклая, но известны и обратные примеры. Круглые таблички чаще всего относятся к учебному типу, но встречаются и административные документы округлой формы. Хотя существуют и квадратные тексты, большинство табличек все же имеет прямоугольную форму: чаще всего строки расположены параллельно короткой стороне, но засвидетельствовано и обратное расположение. При переходе с лицевой стороны на оборотную табличка переворачивалась не по горизонтали, как лист бумаги, а по вертикали, как старинная монета²⁴⁰: текст часто наносился на ее нижнюю и верхнюю, а также левую стороны («ребра»). Нередко писец оставлял на табличке свободное пространство для печати и других нужд. Приемы письма заметно различались в зависимости от жанра и эпохи: по всей видимости, наибольшее значение расположению текста на табличке придавалось в архаические времена²⁴¹. В III тыс. до н. э. в этой области произошли фундаментальные перемены: если вначале табличка разделялась на вертикальные столбцы и клетки (*рис. 20*), то со временем писать стали по горизонтали, слева направо²⁴². Большие таблички, как и прежде, нередко делились на столбцы, следовавшие слева направо на лицевой стороне, но справа налево – на оборотной. Перенос слов, за редчайшими исключениями, не использовался: писец должен был не только закончить слово на строке, но в большинстве случаев также выровнять ее по правому краю. Не поместившаяся часть слова писалась с правой стороны с большим отступом, подобно тому, как это делается в современных стихотворениях. Сирийские

Рис. 20 – Досаргоновская табличка (документ об учете зерна), обнаруженная в Мадании на участке Chantier В в Мари (ок. 2350 г. до н. э.). Знаки все еще располагаются столбцами, разделенными на клетки.

писцы второй половины II тыс. до н. э. не всегда следовали этому правилу: на таких табличках строки лицевой стороны часто продолжают далеко за пределы правого «ребра» и занимают немалую часть оборотной стороны²⁴³.

Особый случай составляют письма, поскольку их длина по определению может быть самой разной. В зависимости от периода и региона размер табличек с письмами был стандартизирован или, наоборот, адаптирован к длине каждого текста²⁴⁴. Крайний случай – приемы канцелярии царя Ларсы Рим-Сина (1822–1763 гг. до н. э.), где все письма писались на очень больших удлиненных табличках. По этой причине их оборот чаще всего лишен текста, который и на лицевой стороне порой занимает лишь часть та-

блички²⁴⁵. Создается впечатление, что письма записывались под диктовку: писец, не зная заранее длины сообщения, всякий раз использовал табличку «стандартного» размера. Формат писем был фиксированным и в новоассирийские времена (рис. 21): как правило, текст занимал только часть доступного пространства²⁴⁶. Напротив, в архивах Мари письма могли иметь самые разные размеры: вероятно, в этом случае писцы оценивали длину сообщения до изготовления таблички²⁴⁷. В каппадокийских архивах ашшурских купцов изредка встречаются письма со «второй страницей», называвшейся «дополнением» (акк. *sibtum*)²⁴⁸; подобные случаи засвидетельствованы и для Новоассирийского периода. Так, письмо заклинателя Адад-шум-уцура Асархаддону (SAA X 197), продолжается на табличке номер 198, которая начинается со слов:

«Это окончание предыдущего письма».

Рис. 21 – Пример новоассирийского письма: знаменитое обращение Адад-шум-уцура к Ашшурбанипалу по случаю восхождения на трон (K.183 = ABL 2 = SAA X 226).

Рис. 22 – Старовавилонский юридический документ: содержание таблички целиком скопировано на конверт, на котором также оттиснуты цилиндрические печати.

Париж, музей Лувра – (С) Фотография RMN / © Franck Raux

Письма помещались в своего рода «конверты»: готовая табличка после высыхания обмазывалась тонким (ок. 2 мм) слоем глины²⁴⁹. Такие конверты использовались в двух очень разных случаях – для писем и для договоров. В первом случае цель состояла в сохранении конфиденциальности: конверт, на котором писалось только имя адресата, разбивался непосредственно перед прочтением. Кроме того, конверт служил для идентификации отправителя, который оттискивал на нем свою печать (см. ниже, а также гл. 5 и рис. 34). Короткие сообщения, не содержащие конфиденциальной информации, писались на маленьких табличках без кон-

верта, часто с печатью и без указания адреса (*ze'pum*)²⁵⁰. В отдельные периоды в конверты также помещались договоры. Иногда на конверте писалось краткое содержание текста, но чаще всего договор копировался на нём полностью²⁵¹: впоследствии, если конверт повреждался или возникали сомнения в подлинности документа, судьи решали разбить конверт для проверки содержания таблички, находящейся внутри (рис. 22)²⁵². Поверхность у конверта была больше, чем у самой таблички, поэтому в левой части оставлялось место для оттисков печатей. С конца Старовавилонского периода писцы больше не использовали конверты для договоров, вместе этого оформляя в виде конвертов сами таблички (рис. 30)²⁵³.

Печати²⁵⁴

Печать представляет собой изображение и (или) текст, выгравированные на твердом материале (матрица, или собственно печать) и оттиснутые на мягкой поверхности (отпечаток). Печати использовались как личный знак правителя или собственника²⁵⁵. Это определение, заимствованное у медиевиста, отлично подходит и для древней Месопотамии, хотя и требует некоторых уточнений²⁵⁶. Главное отличие состоит в том, что в Средние века печати оттискивались главным образом на воске, и такие отпечатки различными способами прикреплялись к пергаменту, служившему основным писчим материалом; в Месопотамии же печати оттискивались на самих глиняных табличках²⁵⁷, т. е. текст и отпечатки наносились на один и тот же материал. Со временем формы матриц менялись: на смену цилиндрическим печатям, преобладавшим в ранние эпохи, пришли перстни и штемпели.

Как и в другие эпохи, месопотамские печати выполняли три функции: запечатать (гарантировать целостность и конфиденциальность текста); подтвердить право собственности; удостоверить документ (подтвердить, что он действительно выражает волю физического или юридического лица)²⁵⁸. Ларцы, сосуды, двери опечатывались кусочком глины с оттиском печати (рис. 23). Как уже говорилось, письма посылались в глиняном конверте, на котором указывалось имя адресата и оттискивалась печать отправителя (см.: гл. 5). Наконец, на договорах ставилась по крайней мере

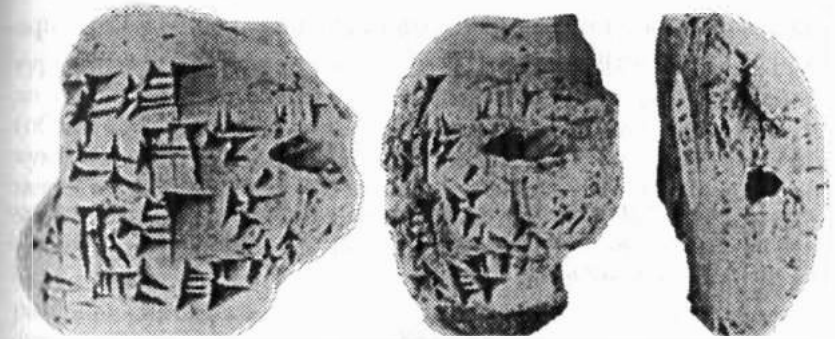

Рис. 23 – Глиняный «ярлык» из дворца Мари, которым был опечатан ларь с табличками, содержащими результаты переписи округа Саггаратум.

печать той стороны, которая брала на себя обязательства, а часто и печать свидетелей сделки (см. гл. 4).

Публикуя табличку с одним или несколькими оттисками печатей, эпиграфисты часто недооценивают их значение и иногда даже не упоминают об их наличии – в лучшем случае исследователи интересуются только легендой печати, оставляя копирование и комментарий изображений специалистам-сигиллографам. Никто не отрицает, что разделение труда между представителями различных дисциплин неизбежно; тем не менее при изучении документа необходим комплексный подход. В свою очередь, сигиллографы долгое время предпочитали работать с матрицами, а не с несравнимо более сложными для анализа отпечатками, хотя отпечатки имеют очевидное преимущество: несущие их таблички часто датированы или поддаются сравнительно точной хронологической атрибуции – иными словами, стилистические исследования печатей находят себе опору, которой они обычно лишены. Нужно сказать, что целый ряд недавних работ позволил заполнить эту историографическую лакуну²⁵⁹. Кроме того, все более тщательно изучаются вопросы, касающиеся оттискивания печатей на табличках: до или после написания текста? в каких местах? в каком порядке? и т. п.²⁶⁰

Эти характеристики могли комбинироваться самым различным образом. Изучение конкретных архивов позволяет определить типологию оттисков печатей: в сочетании с анализом

содержания они помогают сделать важнейшие наблюдения о происхождении и функциях текстов²⁶¹.

Свойства текста

Предмет изучения внутренних свойств месопотамских документов – язык, используемый писцами, и шаблоны, на основе которых создавались тексты.

Язык

На протяжении истории клинописи нередко возникало расхождение между письменным языком, на котором составлялись документы, и разговорными диалектами. Не претендуя на полноту, рассмотрим несколько наиболее показательных ситуаций²⁶².

Договоры начала II тыс. до н. э. содержат многочисленные формулы на шумерском, уже мертвом в эту эпоху языке. Постепенно, начиная с Северной Вавилонии, составители договоров полностью переходят на аккадский язык. По проблематике эти тексты очень близки средневековым актам, где постепенно перемешиваются латынь и выражения, заимствованные из разговорных языков. Подобные ситуации, возникавшие в разных регионах и в разные эпохи, пока еще не стали предметом систематических сравнительных исследований²⁶³.

В начале Старовавилонского периода наблюдается еще одно расхождение – между центральным и западным регионами Ближнего Востока. В них говорили на двух разных языках, аккадском и аморейском, принадлежащих соответственно к восточной и западной ветвям семитской языковой семьи. К настоящему времени не обнаружено ни одного текста на аморейском: этот язык известен исключительно по именам собственным и немногим техническим терминам²⁶⁴. Очевидно, что отказаться от записи аморейской речи писцов заставило давление шумеро-аккадской традиции. Вероятно, сыграли свою роль и культурные предубеждения: аморейский был прежде всего языком пришедших с запада кочевников, презираемых оседлыми жителями Месопотамии²⁶⁵.

Схожее несоответствие между языками письменной культуры и устного общения наблюдается во второй половине II тыс. до н. э. в архивах из Нузи – небольшого города в царстве Аррапха (область современного Киркука на северо-востоке Ирака). Документы из Нузи составлены на аккадском с сильной примесью местного разговорного языка – хурритского²⁶⁶. На аккадском писали и на другой окраине Митаннийской империи, в Алалахе, а также недалеко от её столицы, в Телль-Браке, где найдено также одно письмо на хурритском языке²⁶⁷. В центральной Сирии, при раскопках древнего города Катна, недавно были обнаружены тексты, в которых причудливая смесь аккадского и хурритского языка отмечается почти в каждой фразе²⁶⁸.

В I тыс. до н. э. ситуация осложняется появлением новых письменностей алфавитного типа, служивших для арамейского и других языков. Очевидно, что возможность писать чернилами на арамейском была для жителей Месопотамии немалым искушением из-за сложности традиционной клинописи. Об этом свидетельствует найденный в Ашшуре остракон, на котором ассирийский чиновник, служащий в Вавилонии, написал по-арамейски длинное письмо своему ашшурскому коллеге. На новоассирийских рельефах иногда бок о бок изображаются писцы, один из которых пишет на табличке, а другой – на папирусе или коже: первый, без сомнения, пишет по-аккадски, второй – по-арамейски²⁶⁹. Однако в послании чиновнику, служившему в Уре на юге Вавилонии, новоассирийский царь Саргон II заявляет о нежелании получать письма, написанные «на коже (*sipru*) по-арамейски»: правителю следовало писать «по-аккадски», т. е. клинописью на глиняных табличках²⁷⁰. Этот пример четко указывает, с одной стороны, на связь между писчим материалом, письменностью и языком²⁷¹, а с другой – на символическое значение клинописи: письмо Саргона говорит о прочнейшей политической и культурной идентичности, составляющей придавать выбору письма и языка первостепенное значение. Без сомнения, именно этим лучше всего объясняется живучесть клинописи в I тыс. до н. э. Так, внук Саргона II Асархаддон приказал обучить писцовому искусству сыновей знатных вавилонян, удерживавшихся в заложниках в Ниневии²⁷². Тем не менее начиная с царствования Асархаддона основная часть офи-

циальной корреспонденции велась на арамейском языке и поэтому не дошла до наших дней²⁷³.

Структура

Договоры составлялись по шаблонам, которые в каждый отдельный период варьировали в зависимости от региона: так, в Старовавилонский период способы указания соседей земельного участка различались в Сиппаре и в Ларсе. Некоторые формулы характерны для определенных городов и отсутствуют в контрактах, составленных в других местах: например формула передачи проданного имущества перед «пестом» (*bukānum*) встречается только в северной Вавилонии и никогда в южной²⁷⁴.

К несчастью, пока еще почти не существует пособий, которые бы систематически представляли формулы, применявшиеся писцами для каждой категории актов в определенную эпоху: одно из немногих исключений составляет работа Дж. Н. Постгейта по Новоассирийскому периоду²⁷⁵. Для Старовавилонского периода доступны несколько исследований по отдельным жанрам – договорам продажи²⁷⁶ и займа²⁷⁷. Единственное систематическое пособие по дипломатике актов посвящено межгосударственным договорам и другим «международным» документам второй половины II тыс. до н. э.²⁷⁸

Правила составления писем были менее жесткими по сравнению с договорами, но все же авторы корреспонденции следовали довольно строгим приемам, которые иногда упоминаются в текстах, например²⁷⁹:

«Что это за поведение? Даже когда я пишу тебе по всем правилам, ты не посылаешь ответ на мое письмо!».

Найденные школьные упражнения подтверждают, что при составлении писем использовались шаблоны, описывающие различные жизненные ситуации (ср. гл. 2).

КАК СОСТАВЛЯЛИСЬ И ХРАНИЛИСЬ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Составление документов

Документы в Месопотамии составлялись главным образом профессиональными писцами, статус и образование которых заслуживают особого внимания.

Последовательность операций

До настоящего времени в Месопотамии не найдено ни одного черновика архивного документа: по всей вероятности, писцы сразу составляли чистовой вариант. Договоры скреплялись оттисками одной или нескольких печатей, которые могли принадлежать заемщику, продавцу или любому другому лицу, передающему то или иное право по договору, а также одному или нескольким свидетелям. Иногда табличка заверялась ответственным чиновником, тоже ставившим на нее свою печать, – это предполагает, что в ожидании рассмотрения табличку специально увлажняли. Известен текст, прямо указывающий на такую практику²⁸⁰:

«Табличку о запасах ткачей, подведя подсчет, я отдал моей госпоже. Пусть теперь моя госпожа скрепит ее своей печатью и отправит мне вместе с ткачами».

Случалось, что кто-то из обязанных поставить печать на документ не мог этого сделать из-за ее отсутствия. В таких случаях иногда использовалась печать другого человека, что сопровождалось пометкой писца, выполненной мелкими знаками рядом с оттиском²⁸¹:

«Не имея собственной печати, поставил печать Апильши».

Подобные случаи упоминаются и в письмах²⁸²:

«За пределами города я повстречал Ипкатума и поставил (на это письмо) печать моего брата (Ипкатума)».

Наконец, иногда на табличках находят отпечатки края одежды (*sissiktum*) или ногтя (*suprum*), которые служили «удостоверением личности» в отсутствие печати²⁸³.

Как правило, акт, составленный в единственном экземпляре, передавался человеку, нуждавшемуся в письменном подтверждении своих прав, – заимодавцу, покупателю, выигравшему тяжбу и т. д. Копии документа создавались только в особых правовых обстоятельствах²⁸⁴, например, при договорах обмена, когда сохранить запись о соглашении должна была каждая из сторон. Если оба экземпляра обнаруживаются в одном архиве, это означает, что один из участников сделки впоследствии выкупил имущество, которое отдал при обмене²⁸⁵.

Статус писцов

Во многих договорах в конце списка свидетелей указывается имя писца, составившего текст. К сожалению, первые просопографические исследования на основе таких указаний появились лишь недавно²⁸⁶, и очень многое еще только предстоит открыть.

Статус писцов по-прежнему недостаточно понятен. Лишь постепенно у нас формируется более четкое представление о таких персонажах, как, например, Шу-нухра-халу, личный секретарь царя Мари Зимри-Лима, читавший правителю письма²⁸⁷ и составлявший послания от его имени²⁸⁸. Мы даже не знаем, как оплачивались услуги писцов, работавших с договорами частных лиц²⁸⁹.

Сила традиции

Писцы обучались составлять договоры по шаблонам (англ. «model contracts»). В школах старовавилонского Ниппура было найдено множество таких учебных табличек, отличающихся отсутствием списка свидетелей и даты: вместо них стоят формулы «такие-то свидетели», «такой-то месяц», «такой-то год»²⁹⁰.

Школьные преподаватели испытывали еще более сильное влияние традиции, нежели «нотариусы». В I тыс. до н. э. это привело к парадоксальной ситуации: формулы, копировавшиеся учениками, больше не соответствовали тем, которые использовались в договорах этой эпохи, но совпадали с формулами ниппурской традиции первой половины II тыс. до н. э.²⁹¹

Формирование архивов

Начать следует с признания: архивам как таковым в ассириологии долгое время уделялось недостаточное внимание²⁹². Археология на ранних стадиях развития больше напоминала охоту за сокровищами – включая таблички – нежели научную дисциплину, какой она стала в последние несколько десятилетий. Архивы таких крупных городов, как Ниневия и Сиппар, стали жертвами этого подхода. Кроме того, музейные коллекции в значительной мере пополнялись за счет документов, приобретенных на рынке древностей и найденных случайно или в ходе нелегальных раскопок (это во многом остается верным и для настоящего времени²⁹³). Именно этим объясняется то, что публикуемые документы чаще всего группировались по типологическим признакам, без учета обстоятельств их обнаружения, даже если последние были должным образом зарегистрированы. Хороший пример такого издания – тексты из города Ура²⁹⁴.

Семейные, дворцовые и храмовые архивы

Так называемые частные – а точнее, семейные – архивы чаще всего охватывают одно-два столетия, до шести поколений. Среди самых известных примеров – архивы Ур-Уту в Сиппаре (XVIII–XVII гг. до н. э.)²⁹⁵ и Эгиби (VII–V вв. до н. э.)²⁹⁶, содержащие в основном свидетельства о собственности, которые передавались из поколения в поколение вместе с имуществом, прежде всего землями²⁹⁷. Тексты, касающиеся последнего поколения семьи, обычно более многочисленны и разнообразны, так как не успели подвергнуться сортировке на устаревшие и действительные акты к моменту окончательного разрушения домов, в которых распола-

гались архивы²⁹⁸. Документы могли храниться в корзинах, лажах или глиняных сосудах.

Одно из различий между частными и дворцовыми архивами состоит в том, что последние всегда охватывают очень краткий период. Так, архивы, найденные во дворце Мари, датируются правлениями двух последних царей, Ясмах-Адду и Зимри-Лима, которые длились в общей сложности около 25 лет и предшествовали разрушению дворца около 1760 г. до н. э. Новейшие исследования архивов Эблы (XXIV в. до н. э.) склоняются к «сокращению» периода их существования – до 30 лет и меньше²⁹⁹. Дворцовые архивы Угарита (XIII в. до н. э.) охватывают несколько более долгое время, но это может быть связано с тем, что часть документов была помещена на хранение на второй этаж.

В Месопотамии никогда не было настоящих «общественных» или тем более «государственных» архивов³⁰⁰: всякий раз, будь то дворец Эблы (III тыс. до н. э.)³⁰¹, Мари (II тыс.)³⁰² или Ниневии (I тыс.)³⁰³, мы по сути дела сталкиваемся с личными архивами царя. В них, в частности, попадали письма, полученные правителем из других государств и от собственных чиновников, служивших в провинциях или посольствах. Напротив, дубликаты исходящих писем не сохранялись – иными словами, в архивах отсутствует пассивная переписка, вне зависимости от статуса отправителя³⁰⁴. В письмах, как правило, не указывались ни место отправления, ни дата: доставлявший их гонец мог устно рассказать о местонахождении писавшего и времени отправки послания. В исключительных случаях письма все же датировались днем и месяцем, но никогда – годом: это показывает, насколько далеки были древние от самой идеи архивации корреспонденции. Тем не менее после захвата Мари вавилоняне, разбиравшие дворцовые архивы Мари, смогли разделить письма времен Ясмах-Адду и Зимри-Лима³⁰⁵ – это было бы невозможно, если бы тексты хранились в беспорядке. Стремление сохранять письма тем более удивляет, что предшествующая переписка (всегда недавняя) почти во всех случаях цитировалась по памяти, а не дословно. Особый случай составляет корреспонденция царей III династии Ура (XXI в. до н. э.), дошедшая до нас не в оригиналах, а в модернизированных копиях, выполненных учениками в начале II тыс. до н. э. Письма,

выбранные преподавателями, копировались будущими писцами в качестве упражнения. Очевидно, что за выбором «учебного материала» стояли политические соображения: писцы, состоявшие на службе царей Исина, прежде всего стремились продемонстрировать ученикам доказательства легитимности власти Ишби-Эрры, основателя новой Исинской династии. При этом в корпус царской переписки попало немало апокрифических писем³⁰⁶.

Кроме того, в дворцовых архивах сохранялась внутренняя хозяйственная отчетность: записи о выдачах масла или одежды женщинам гарема или гостям дворца, о расходах на питание царя и его сотрапезников и т. п. Архивы Эблы и Мари содержат тысячи административных документов подобного рода. Тексты, касающиеся управления остальной территорией царства, очень немногочисленны: одно из исключений составляют таблички с данными переписи населения, составленные в провинциях и привезенные в столицу (рис. 23)³⁰⁷.

Начиная с середины II тыс. до н. э. правители сохраняли в архивах тексты межгосударственных договоров³⁰⁸, многие из которых были обнаружены при раскопках Хаттусы³⁰⁹ и Угарита³¹⁰. В Ассирии I тыс. до н. э. такие соглашения скреплялись печатью бога Ашшура, хранившейся в «ратуше» (*bīt ilim*), тогда как сами тексты писались, заверялись и хранились в одном из помещений соседнего храма Набу³¹¹. Один из титулов этого бога, «носитель таблички божественных судеб», связан с тем, что именно Набу покровительствовал важнейшему хранилищу государственных документов Ассирии.

Архивы «живые» и «мертвые»

«Живыми» называются архивы, которые пополнялись новыми текстами до момента гибели здания: например, в архиве царя Мари Зимри-Лима документы продолжали поступать вплоть до вступления вавилонских войск во дворец в 1760 г. до н. э. Но очень часто тексты, найденные археологами, относятся к архивам «мертвым» – иными словами, таблички были выброшены за ненадобностью самими древними. Один из примеров – архивы храма Нинурты в Ниппуре: сотни табличек, датирующихся

1875–1795 гг. до н. э., были обнаружены при раскопках здания парфянской эпохи, построенного на развалинах храма Инанны³¹¹. Очевидно, строители, добывавшие из теля глину для кирпичей, наткнулись на архив возрастом более полутора тысяч лет, и глиняные таблички стали отличным материалом для укрепления платформы, на которой возводилась постройка. Таких примеров множество. Нередко случается, что в одном здании находят как живые, так и мертвые архивы. В Мари несколько десятков отчетных документов, датирующихся временем Ясмах-Адду, за 15–20 лет до разрушения дворца, были обнаружены внутри глиняной подставки под кувшины. Эти небольшие тексты оказались записями о расходах растительного масла³¹³. Таблички, относящиеся к правлениям Яхдун-Лима и Суму-Ямама (предшественников Ясмах-Адду), были найдены под полом некоторых помещений дворца Мари: они попали туда во время укладки новых глиняных полов после того, как во дворце обосновался Ясмах-Адду. Древние выбрасывали документы, имеющие кратковременное значение – памятные записки, мелкие отчетные тексты и т. п.; содержимое архивов регулярно подвергалось сортировке.

Доступ к архивам

Изучение архивов любой эпохи требует ответа на вопрос о доступе к информации: как найти среди множества документов то, что нужно? Следует признать, что решения жителей Месопотамии в этой области все еще были рудиментарными. В Эбле таблички хранились на деревянных этажерках, которые удалось реконструировать (рис. 24)³¹⁴. Но чаще тексты складывались в корзины или ящики, опечатанные глиняными «ярлыками» с краткими пометками о содержании документов (рис. 23). Один из самых интересных случаев составляют записи о тяжбах (шум. *di.til.la*) из города Гирсу XXI в. до н. э. Найденные «ярлыки» корзины с табличками показывают, что тяжбы классифицировались по годам и именам судей³¹⁵; очевидно, что назначение этих документов состояло в письменной фиксации судебного решения, к которому обращались при необходимости. Известно также, что в начале II тыс.

до н. э. «монастырские судьи» в Сиппаре, защищавшие интересы посвященных богу Шамашу лиц, сохраняли в своем жилище тексты правового содержания, такие, как указ царя Самсу-илуны³¹⁶. В завершение можно указать, что на трех из шести кувшинов с документами о жертвоприношениях в храме Ашшура во второй половине II тыс. до н. э. (всего 650 табличек) имелись надписи, сообщающие об их содержании, например³¹⁷:

«Сосуд с отчетностью пивоваров храма Ашшура под началом Эзбу-лешира, ответственного за жертвоприношения храма Ашшура, слуги Тиглатпаласара (I)».

Старовавилонские тексты датировались при помощи специальных формул: каждый год обозначался по важному событию предшествующего года в военной, религиозной или другой области. Разумеется, такая система требует наличия списков, указывающих порядок следования датировочных формул. Как было показано недавно, формулы конца Старовавилонского периода систематически указывают вначале имя правителя, что расходится с более ранней практикой. Причина этой перемены очевидна: с течением времени архивы росли, и писцам было все труднее находить документы с нужной датой. У нас есть свидетельства о том, что частные архивы организовывались по хронологическому признаку: в доме Ур-Уту в Сиппаре-Амнанум (Телль-эд-Дер) были найдены четыре перечня датировочных формул, которые, без сомнения, служили для упорядочения свидетельств о собственности, принадлежавших отцу Ур-Уту, в момент раздела наследства, сопровождавшегося громкой ссорой между наследниками³¹⁸.

Возникает вопрос о том, насколько часто с административными текстами сверялись после их помещения в архив. Исследование текстов о «царских трапезах» в Мари показало, что создатели сводных описей не всегда брали на себя труд заглянуть в подневные записи, вместо этого полагаясь на собственные приблизительные оценки³¹⁹. Тем не менее, есть и обратные примеры: так, в одном из писем царь Зимри-Лим приказывает управляющему дворца забрать таблички с данными переписи из архивного

хранилища и прислать ему сводные отчеты³²⁰. Чиновник отправил правителю следующий ответ:

«Мой господин писал мне касательно списков постоянного войска из разрозненных людей и дворцовых слуг (*gerseqqûm*) из округа, заверенных печатью Самметара. В соответствии с письмом моего господина, госпожа Инибшуну открыла опечатанную комнату и ... находившиеся там таблички ... Игмилум ... Он указал нам два ящика с табличками из округа, заверенными печатью Самметара. Вместе с Табат-шарруссу мы собственноручно вытащили их. Как и писал мой господин, я не открывал ни одного ящика. Вытащив оба ящика, я отправил их моему господину».

Желание царя понятно: он хочет знать, на какие силы можно рассчитывать в преддверии очередного военного похода. Найденные списки указывают общее число мужчин каждого поселения, подлежащих призыву (эти сведения черпались из табличек с данными переписи), количество явившихся на службу и, наконец,

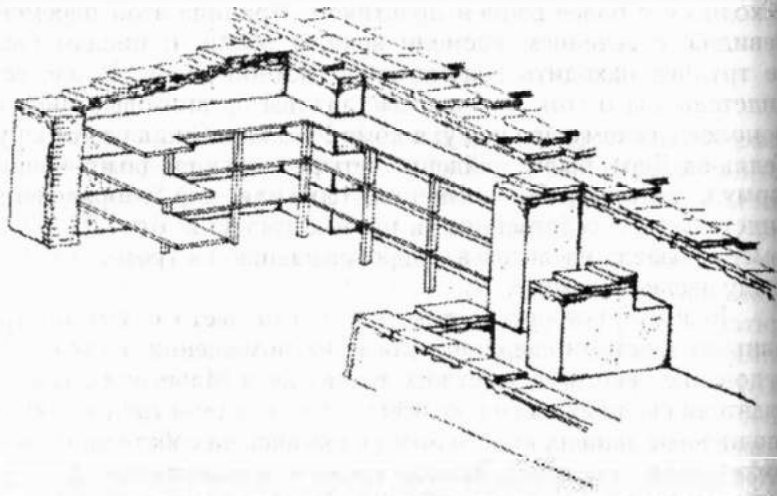

Рис. 24а – Архивное помещение во дворце Эблы: графическая реконструкция деревянных этажерок, на которые складывались таблички.

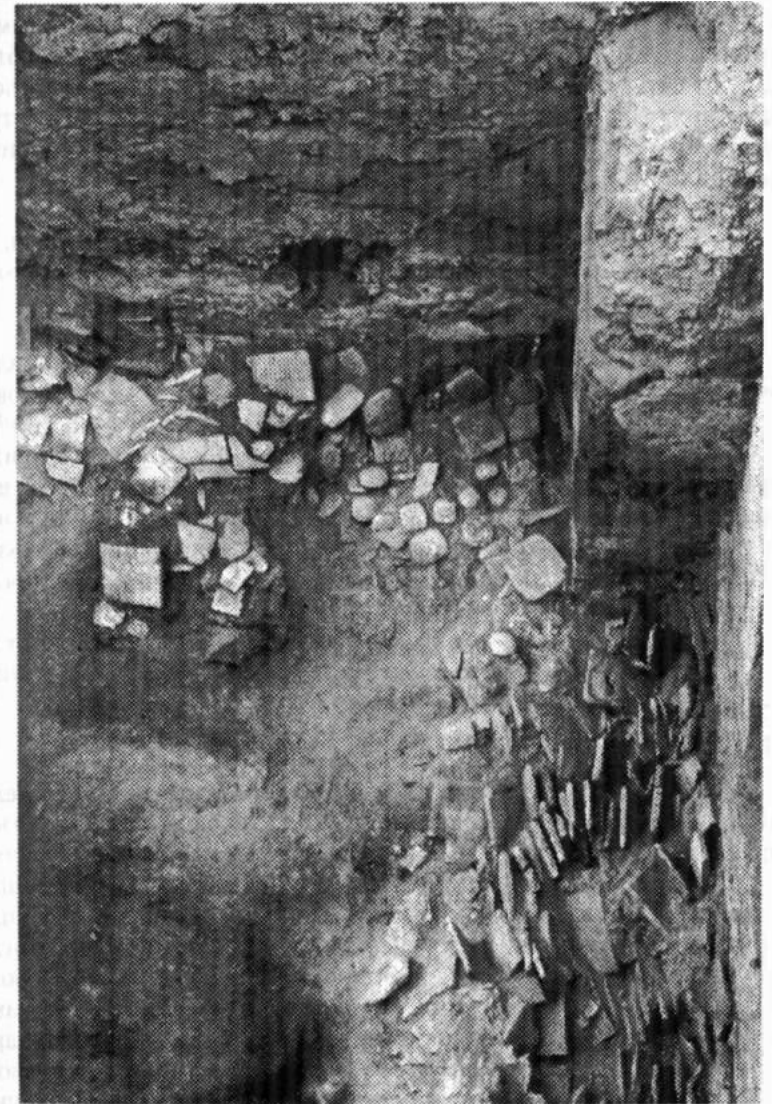

Рис. 24б – Архивное помещение во дворце Эблы: фотография с раскопок.

разницу между двумя числами³²¹. Другой случай – письмо Хаммурапи к Шамаш-хазире, управляющему царскими землями в области города Ларса, с приказанием явиться в Сиппар вместе со всеми табличками о землях, переданных в держание за последние три года³²². Наконец, известно, что в случае необходимости чиновники проверяли списки персонала³²³:

«Были проверены дворцовые списки: Ахушина, сын Этелли, не записан в рабочий отряд; он записан как сменщик Шумман-ла Шамаша».

Что касается частных архивов, то известен случай составления описи непогашенных долговых расписок для передачи человеку, занимавшемуся взысканием просроченных задолженностей³²⁴.

В I тыс. до н. э. на табличках иногда писали (стилем ил чернилами) арамейские резюме (рис. 25): это показывает, что, во-первых, к текстам повторно обращались после их архивации, а во-вторых, что для собственного удобства писцы все чаще использовали арамейский язык³²⁵.

АРХИВЫ И ПАМЯТЬ

После каждой насильственной смены власти завоеватели нуждались в оценке захваченных богатств: отсюда потребность в составлении инвентарных описей, подобных спискам сокровищ дворца Мари, созданным после взятия города войсками Шамши-Адада, отца Ясмах-Адду³²⁶. Но часто недостаток письменной информации восполняла человеческая память. Например, когда Шамши-Ададу внезапно понадобилось большое количество бронзы для изготовления оружия, он решил взять для переплавки бронзовые предметы, хранившиеся в погребении прежнего царя Мари Яхдун-Лима; допрошенные чиновники того времени смогли назвать общий вес этих предметов, сильно разочаровавший правителя³²⁷. Другой пример содержится в письме одного из ми-

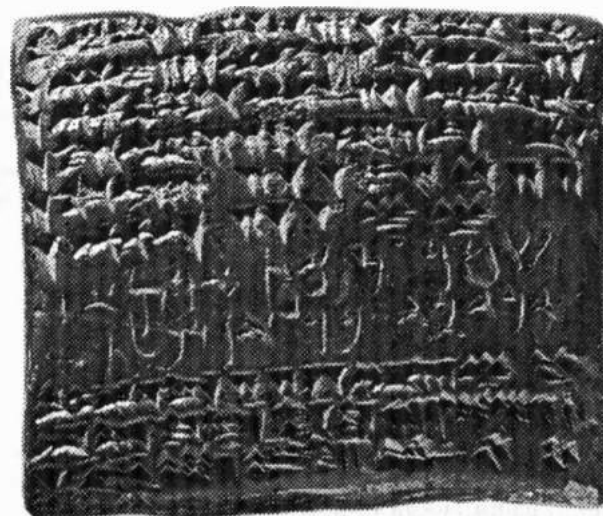

Рис. 25 – Клинописная табличка ахеменидского времени с двухстрочной надписью на арамейском языке, вырезанной на глине.

нистров Хаммурапи к Шамаш-хазире, где говорится о жалобе некоего Гимиллума³²⁸:

«В области поселения Мехрум находится поле моей семьи. На старых табличках храма Нисабы я увидел следующее:
– поле в один *bur* четыре *ikū* солдата Адаллалума;
– поле в один *bur* четыре *ikū* солдата Вардума;
Местность Альбана, округ Мехрум и Мухаттат.
Вот что было написано на старой табличке о службе-*ilkum*».
Вот что он мне сообщил. Вот я отправляю его к тебе; пусть он приведет к тебе старых людей, знающих свои семьи и поля своих семей, и пусть старейшины города и эти старые люди соберутся и установят истину посредством «оружия» городского божества. Пожалуйста, установи для меня посредством «оружия» городского божества, кто его отец, Адаллалум или Вардум, и какое из полей принадлежит его семье. Пришли мне об этом полный отчет, чтобы я мог ответить на его послание».

Это письмо, с одной стороны, еще раз показывает, насколько шире, чем принято считать, была распространена грамотность в Месопотамии. Гимиллум сообщает об *увиденном* на табличках и может процитировать места, касающиеся поля его семьи, – ни о какой помощи писца речь не идет. С другой стороны, тот же текст свидетельствует о взаимодополняемости письменности и памяти: несмотря на наличие документа, следует опросить знающих людей. Кстати, бросается в глаза разница между «старейшинами города» (*šī ālim*) как институтом и «старыми людьми» (*awīlū labīrūtum*), хранителями коллективной памяти.

Письмо хеттского правителя Хаттусили III царю Вавилона Кадашман-Энлилю II показывает: во второй половине II тыс. до н. э. мысль о том, что архивные тексты могут дополнять человеческую память, претерпела заметную эволюцию. Царь хеттов напоминает о письмах, которые он отправлял в Вавилон сразу после смерти отца Кадашман-Энлиля II³²⁹:

«В то время Мой Брат (принятое в дипломатической переписке между суверенами вежливое обращение к адресату – *примеч. ред.*) был ребенком, и тебе не читали этих писем. Ныне же писцов тех времен не осталось в живых, а таблички, чтобы прочесть их тебе сейчас, не сохранили».

Письмо очевидно содержит представление о том, что письменность позволяет общаться не только на расстоянии, но и во времени. Это умозаключение не осталось без последствий для правовой жизни Месопотамии.

Глава 4

Действие, слово и письмо в правовой сфере

Роль письменности в месопотамской цивилизации была очень велика; неудивительно, что значительная часть архивных текстов представлена юридическими документами. Тем не менее письменный текст вовсе не был главным элементом договора. Напротив, соглашение между двумя лицами заключалось прежде всего посредством выполнения символических жестов и произнесения торжественных формул в присутствии свидетелей, сохранивших в памяти обстоятельства сделки. С одной стороны, ритуализованная практика заключения договоров и разрешение споров при помощи свидетелей и клятв, в частности ордалий, заставляют считать действие и слово основными элементами вавилонского «примитивного права». С другой стороны, забота о сохранении и передаче правовых документов (актов о покупках, усыновлениях, наследствах и др.) свидетельствует о значении письменного текста. II тыс. до н. э. стало переломной эпохой для месопотамского права – именно поэтому настоящая глава касается в основном этого времени. Эволюция юридической практики происходила сначала в области частного права, где письменности придавалось всё большее значение, – на это указывает множество семейных архивов. В Среднеавилонский период перемены коснулись и международного права – именно в это время появились настоящие письменные договоры между государствами.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ И ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ФОРМУЛЫ

Заключение договоров между сторонами, будь то частные лица или правители государств, часто сопровождалось символическими жестами. Взаимодополняемость действия и слова ярче всего проявлялась в момент произнесения клятвы.

Заключение договоров

Описание одного из символических жестов, совершаемых при заключении договора, содержится в документах о продаже рабов и земель из северной Вавилонии. Формула, касающаяся предмета сделки, гласит: «Он прошел перед пестом (*bukānum*)». Согласно наиболее правдоподобному предположению³³⁰, начерченный на земле «пест» образовывал условную границу между сторонами продавца и покупателя: проданный раб оставлял первого и, пройдя перед пестом, попадал ко второму. Эти действия символизировали переход права собственности на раба уже в III тыс. до н. э. Использование той же процедуры при продаже недвижимости во II тыс. до н. э. объяснить труднее, так как соблюсти ритуал в точности по понятным причинам было невозможно. Не исключено, что через «границу» переходил комок земли или кирпич – часть вместо целого (*pars pro toto*), но никаких прямых подтверждений такой гипотезе у нас нет³³¹. Некоторые авторы полагают, что начиная с этой эпохи формула утратила буквальное значение и «указывала лишь на то, что сделка была заключена должным образом, хотя ритуал в действительности уже не исполнялся»³³². Точно так же жребий, упоминающийся в документах о разделе наследства, на самом деле тянулся далеко не всегда: «слепой случай» подозрительно часто отводил наследникам земли, непосредственно граничащие с их собственными участками³³³.

Некоторые договоры о продаже земель, расположенных у водных потоков, содержат свидетельства об особом обычае: в момент заключения сделки в воду бросался ком земли (*kirbānum*), ко-

торый медленно размывался после погружения. Символизм этого действия понятен не до конца и объяснялся по-разному: скорее всего, таким способом покупатель признавал нечеткость границы между землей и водой и заранее отказывался от претензий к продавцу в случае уменьшения площади участка из-за подмывания берега. Тот же ритуал защищал покупателя от притязаний продавца на случай увеличения площади из-за намывания почвы³³⁴.

Имущественные договоры не были единственным типом правовых актов, предполагавших ритуальные действия. Известно, что при заключении брака в доме невесты проводилась церемония, включавшая целый ряд таких действий (в определенный момент невеста должна была покрыть себе голову и т. п.)³³⁵, а также произнесение торжественных формул³³⁶. Письменные брачные контракты не сохранили свидетельств об их содержании, которое тем не менее нашло отражение в некоторых литературных произведениях: например, в мифе о Нергале и Эрешкигаль царица Преподней объявляет богу: «Ты будь моим супругом, я же буду твоей супругой!». Вероятно, этот случай все же был исключительным, поскольку инициатива здесь исходит от богини. Магические тексты дают нам формулу, которую обычно произносил жених³³⁷: «Ты будь моей женой; я же буду твоим супругом». Напротив, брачные договоры часто содержат пункты, касающиеся возможного развода. При расторжении брака один из супругов произносил следующие слова: «Ты больше не мой супруг/не моя супруга». Как видно, они представляют собой зеркальное отражение формулы, подтверждавшей согласие вступить в брак. Подобно свадьбе, развод предполагал не только произнесение традиционных формул, но и особые ритуальные действия: муж, отвергающий жену, разрезал край ее одежды (*sissiktum*)³³⁸, тогда как во время свадьбы края одежд жениха и невесты связывались между собой³³⁹.

Другим актом, связанным с изменением личного статуса и, следовательно, предполагавшим символические действия, было освобождение раба. Несколько текстов позволяют представить себе эту церемонию: после ритуала «очищения» раба бывший владелец поворачивал отпущенника лицом к восходящему солнцу, что, вероятно, символизировало новое рождение. Акты об освобождении рабов из Угарита содержат следующую формулу³⁴⁰:

«(Раб) чист от своего рабства, как чисто солнце».

Один из текстов добавляет, что хозяин возлил на голову раба масло³⁴¹. Следует подчеркнуть, что символический смысл всех этих действий никогда не объясняется в упоминающих их документах³⁴². Современные интерпретации таких ритуалов нередко противоречат друг другу, и не на все вопросы получены удовлетворительные ответы.

Клятвы

Взаимодополняемость жестов и устных формул ярче всего проявлялась при произнесении клятв. Обычно писцы использовали выражение «принести клятву» (*nīšam tamūm*), но иногда встречается оборот «съесть клятву» (*nīšam akālum*), который на первый взгляд вызывает удивление. Это выражение можно сравнить с хорошо известной формулой «съесть *asakkum*» (этот термин обычно переводится как «табу»). Интересный вариант оборота содержится в двух договорах из Мари: в первом говорится, что стороны сделки «съели травы» (SAR.MEŠ), во втором — «поклонились травами». Таким образом, слова «клятва» (*nīšum*), «табу» (*asakkum*) и «травы» (SAR.MEŠ) могут сочетаться с глаголами «поклониться» и «съесть». Это может объясняться лишь тем, что произнесение клятвы сопровождалось ритуальным вкушением растений, служивших носителем проклятия в случае нарушения клятвы. «Материализация» проклятия, которое участники сделки призывали на свои головы, могла осуществляться посредством других символических жестов — например, еды и питья или умащения. Подобные ритуалы упоминаются в других договорах из древних городов Мари и Терка:

«Они съели хлеб, выпили пиво и умастились маслом».

Ж. Буайе сопроводил эту фразу из текста ARM VIII 13, ставшую первым известным примером такого рода, следующим комментарием: «Эта совместная трапеза участников сделки, со свиде-

телями или без них, бесспорно имела юридическое значение. Она символизировала общность жизни сотрапезников и создавала братские узы»³⁴³. Ж.-М. Дюран писал о «маленьком празднике», которым завершалась сделка с недвижимостью³⁴⁴. Праздничные ритуалы³⁴⁵ могли иметь и другой, магический, смысл, когда призывание проклятий на свою голову сопровождалось символическими жестами. Один из таких примеров происходит из Анатолии XIX в. до н. э. Во время заключения сделки между ассирийскими торговцами и местным правителем стороны разлили содержимое кубка и произнесли следующую формулу³⁴⁶:

«Если мы нарушим вашу клятву-*tāmītum*, пусть наша кровь разольется, как содержимое кубка».

Очень похоже звучала клятвенная формула в хеттской традиции³⁴⁷:

«[Так же], как ты умащаешься маслом, пусть [тебя] умастят эти проклятия! Так же, как ты надеваешь эти одежды, надень эти проклятия!»

Наконец, проклятия потенциальным нарушителям клятвы верности, принесенной новоассирийскому царю Асархаддону, гласят³⁴⁸:

«Так же, как хлеб и вино проникают в ваши внутренности, пусть они (упомянутые выше божества) введут эту клятву в ваши внутренности и во внутренности ваших сыновей и дочерей!».

Ниже в тексте говорится³⁴⁹:

«Так же, как масло входит в вашу плоть, пусть они (упомянутые выше божества) введут эту клятву в вашу плоть и в плоть ваших сыновей и дочерей!».

В подтверждение нашей интерпретации отметим, что ни один из договоров в Мари, упоминающих в подобном значении

хлеб, пиво, вино или масло, не содержит формул о то, что сделку или клятву нельзя отменить: обязательства налагались самим символическим жестом и его письменной фиксацией. Сравнение текстов из Мари и протоколов присяги на верность Асархаддону можно продолжить. Так, в последних встречается следующая формула проклятия³⁵⁰:

«Пусть великие боги неба и земли сделают из воды и масла ваш *ikkibum!*».

По мнению К. Р. Вееenhoфа, «это означает, что вода и масло, выпитые вассалом во время церемонии принятия присяги, могли стать его “погибелью”, привести к его уничтожению из-за нарушения “табу”»³⁵¹. Если заменить *ikkibum* на *asakkum* – а нам известно, что эти два слова были синонимами, – мы получим точно такой же смысл термина *asakkum*, как было предложено выше. Итак, общая идея состояла в том, что во время клятвы проглатывалась та или иная субстанция (травы, хлеб, пиво, вино), которая превращалась в губительную силу в случае клятвopеступления, – все вместе и обозначалось словом *asakkum*. Эта практика находит многочисленные параллели за пределами Месопотамии: так, в Библии упоминается «горькая вода, наводящая проклятие», которая служила для испытания женщины, подозреваемой в прелюбодеянии (Числ. 5:12–28)³⁵². В воинских присягах у хеттов часто встречаются схожие проклятия, направленные на самого себя³⁵³: например, нарушившего клятву должно было разорвать, «так же как дрожжи разрывают хлеб», и т. п. Наконец, вспомним знаменитые слова Св. Павла: «Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней (...) Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе» (1 Кор. 11:27, 29).

Теперь становится понятно, почему слово *asakkum* также служило для обозначения имущества, принадлежавшего богам или царям³⁵⁴: посягнувший на него становился добычей таившихся внутри разрушительных сил. Одно из писем содержит прекрасную иллюстрацию этого представления. Три сына Батахрума внешне скончались в один день, и ходили слухи о том, что³⁵⁵

«у этого человека – [х мин] серебра, *asa[kkum]* бога/царя (?)».

Не исключено, что символические жесты, упоминающиеся в договорах из Мари, сопровождалась проклятиями того же рода, что в протоколах Асархаддона, но при этом они никогда не включались в письменный текст³⁵⁶. Напротив, «пусковой механизм» проклятия-*asakkum*, дремавшего в теле клятвopеступника, подробно описывается в формуле проклятия в законах Хаммурапи³⁵⁷:

«Пусть Нинкаррак (...) даст выступить из его членов тяжелой болезни, злой хвори (*asakkum*), болезненной ране (*simmum!*)».

В других случаях клятва произносилась перед божественными символами (иногда обозначавшимися как «оружие» бога). Например, «оружием» Шамаша была сеть, олицетворявшая солнечные лучи, готовые схватить преступника. Один из примеров содержится в старовавилонском тексте из Сиппара. Военные власти требовали, чтобы Аби-цум и Цурарум сменили на посту их недавно умершего отца Шумум-либши, тогда как их тетка утверждала, что отцом обоих был другой человек. В отсутствие других свидетелей единственным способом решить дело была клятва перед «сетью» Шамаша³⁵⁸:

«Воевода сельской округа Сиппара Варад-Куби, полковник Куррудум, полковник Ина-палешу, писарь Ибни-Син и старейшины их округа-*arrum* не согласились приблизиться к сети. Но *naditum* Шамаша Ламассани объявила перед сетью: “Аби-цум и Цурарум не были порождены Шумум-либши. Я вырастила их сама”. Вот что она объявила».

Мы видим, что подобные символы божеств обладали страшным могуществом: истцы, группа военных, не осмелились произнести требуемую клятву, и победу в тяжбе одержала решившаяся на этот шаг ответчица.

Символические жесты при заключении союзов

Использование символических жестов не ограничивалось сферой так называемого частного права – к ним прибегали и в области дипломатических отношений. Межгосударственные союзы могли заключаться как при встрече двух сторон, так и на расстоянии, при посредстве чрезвычайных посланников. Между этими двумя практиками существовало принципиальное различие³⁵⁹. В случае личной встречи, после того как правители приходили к согласию о взаимных обязательствах, совершался ритуал, включавший торжественное произнесение двусторонней клятвы и жертвоприношение ослы (*hayāram qatālum*)³⁶⁰. Эта церемония упоминается во многих текстах, но ни один из них не дает объяснений ее символизма. Можно предположить, что каждая из сторон отождествляла себя с животным, судьбу которого ей предстояло повторить в случае клятвopреступления. При заключении союза между предводителем кочевников Ибаль-Элем и несколькими городами Верхней Месопотамии подробности предстоящего ритуала вызвали разногласия между сторонами: предложение принести в жертву козу и щенка, сделанное представителями трех городов, Ибаль-Эль воспринял как оскорбление. В конечном счете ему все же удалось добиться, чтобы для жертвоприношения был выбран осленок – это стало знаком уважения к обычаям, которых придерживался царь Зимри-Лим. К сожалению, символическое значение таких ритуалов остается неясным. Ибаль-Эль утверждает, что руководствовался «почтением» к своему господину Зимри-Лиму; следовательно, осел считался более благородным животным³⁶¹. Многие тексты упоминают союзы, скрепленные «кровью»³⁶², а один документ даже говорит о помазании кровью³⁶³ – вероятно, взятой от принесенного в жертву осленка. Другие свидетельства указывают на то, что заключающие союз цари выпивали из одного кубка (напиток не называется). Один из вассалов Зимри-Лима писал царю Мари о недостойном поведении другого вассального правителя³⁶⁴:

«Когда-то этот человек сидел перед моим господином и пил из кубка. Мой господин возвысил его, введя в число благородных

Рис. 26 – Божественный символ на цилиндрической печати: бык, несущий молнию, олицетворяет бога грозы Адада.

людей, одев в одежды и увенчав париком-*hupurtum*. Вернувшись, он испражнился в кубок, из которого пил, и сделался врагом моего господина!».

Вышеупомянутая церемония заключения союза включала символические жесты³⁶⁵: господин дарил своему вассалу одежду и парик³⁶⁶, а тот выпивал из кубка. Желая продемонстрировать, что союз расторгнут, вернувшийся в свой город вассал поступает не менее символично: он оскверняет сосуд, из которого пил во время церемонии, грубо разрывая установленные прежде отношения³⁶⁷.

Если союз заключался на расстоянии, каждый из правителей произносил собственную клятву, сопровождая это жестом «касания горла» (*lipit napištim*)³⁶⁸ в присутствии божеств каждой из сторон. Следующее письмо рассказывает о союзной клятве, данной правителем Эшнунны царю Мари³⁶⁹:

«В 25-й день (седьмого) месяца *kinūnum* правитель произнес священную клятву: пусть мой господин радуется! Закончив эту табличку, я поведу богов моего господина, а также богов и посланников правителя. Я прибуду к моему господину, и мы подготовим священную клятву [моего господина]».

Тексты не сообщают нам, в какой ипостаси божества присутствовали при клятвах: скорее всего, речь идет не о статуях, а о символах – например, «великом оружии», о котором говорит в письме к царю Мари один из его посланников (рис. 26)³⁷⁰.

КАК СОСТАВЛЯЛИСЬ ТЕКСТЫ

Была ли письменная фиксация соглашения необходимым условием его вступления в силу? Для Старовавилонского периода ответ на этот вопрос будет отрицательным – это относится как к международным договорам, так и к частному праву.

Международные соглашения

Строго говоря, термин «межгосударственные договоры» неприменим к союзам первой половины II тыс. до н. э., так как в действительности они представляли собой личные соглашения между правителями: действие двусторонней клятвы прекращалось со смертью одного из союзников³⁷¹. Перед произнесением клятвы стороны должны были договориться об обязательствах, которые брала на себя каждая из них. Один из самых известных примеров – переговоры между Хаммурапи и царем Эшнунны Цилли-Сином³⁷². Сначала правителям пришлось обменяться «малыми табличками», содержащими перечень обязательств, которые стороны считали нужным включить в соглашение (рис. 27). Эти обязательства иногда формулировались в самых общих словах – иметь общих врагов и друзей, приходить на помощь при нападении на союзника, не заключать сепаратного мира. В некоторых случаях договор включал более подробные условия – как, например, проект соглашения, присланный Зимри-Лиму правителем Эшнунны Ибаль-пи-Элем II³⁷³. Договорившись об условиях, цари должны были обменяться «большими табличками» – некоторые из них были найдены при раскопках и сочтены собственно «международными договорами»³⁷⁴. Такие тексты начинаются со списка божеств – гарантов союза, затем следуют пункты соглашения, а в конце – формулы проклятий, призываемых на головы нарушителей. Дошедшие до нас тексты – это всего лишь проекты договоров, которые нередко оспаривались сторонами; мы не всегда знаем, были ли эти соглашения заключены в предложенном виде и состоялось ли вообще принесение

Рис. 27 – «Малая табличка» межгосударственного соглашения с текстом клятвы, которую Зимри-Лим предлагал принести Хаммурапи, царю Вавилона, во время заключения союза против Элама.

клятвы³⁷⁵. Обсуждение могло касаться условий договора, реже – перечня божеств, именем которых клялись правители³⁷⁶, а иногда и формулировок проклятий³⁷⁷. Письменные свидетельства о таких переговорах дошли до нас только в тех случаях, когда они велись на расстоянии: если цари встречались лично, условия соглашения обсуждались устно³⁷⁸. Единственная цель обмена «малыми» и «большими» табличками состояла в согласовании текста клятвы, которую должен был произнести вслух каждый из вступающих в союз правителей. Следовательно, считать такие документы официальными текстами межгосударственных договоров неправильно.

Начиная со второй половины II тыс. до н. э. союзные обязательства распространялись не только на правящего царя, но и на его потомков: соответственно, письменные тексты превратились в настоящие договоры и приобрели окончательную юридическую

силу. В формулах проклятий стали указывать, что боги «покарают любого, кто изменит слова этой таблички»³⁷⁹. Когда Хаттусили III и Бентешина, царь Амурру, возобновили действие договора, заключенного между Суппилулиумой и Азиру и нарушенного Муватталли (предшественником Хаттусили III), в новом тексте соглашения было особо указано, что он воспроизводит содержание старинного договора³⁸⁰. Известны тексты, содержащие прямые ссылки на пункты договоров, которые были заключены между прежними правителями и по-прежнему сохраняли юридическую силу: так, Мурсили II, обсуждавший дело о пленниках с правителем Амурру Туппи-Тешшубом, цитировал пункт соглашения между Суппилулиумой (отцом Мурсили II) и Азиру³⁸¹.

Превращение письменных соглашений между правителями из черновых версий двусторонней клятвы в настоящие документы международного права имело целый ряд последствий. Во-первых, оригиналы текста отныне скреплялись печатями³⁸². Если соглашение заключалось между великим царем и вассалом, печать на табличку ставил только сюзерен, тогда как вассал приносил клятву. Если стороны договора обладали равным статусом, печати ставились на оба экземпляра текста, которые цари отправляли друг другу. Тукульги-Нинурта I упоминал договор с царем Вавилона, существующий в форме «неизменяемой таблички» с печатями предшественников обоих правителей³⁸³. На экземпляре договора между Хаттусили III и Рамсесом II, отправленном фараону, стояли хеттские печати, описание которых известно нам из египетских источников: на лицевой стороне печать поставил сам царь, на оборотной – его супруга Пудухепа³⁸⁴.

Письменный текст договора приобрел самостоятельную ценность: если табличка утрачивалась, ее следовало восстановить. Когда пропал договор между хеттским царем Мурсили и правителем Халаба Тальми-Шарруммой, Муватталли приказал изготовить копию текста, которую затем скрепил собственной печатью³⁸⁵.

«Мой отец Мурсили заключил договор с Тальми-Шарруммой, царем Халаба, но табличка была украдена. Я, великий царь, написал [для него], скрепил своей печатью и дал ему новую табличку».

Рис. 28 – Бронзовая табличка с текстом договора между хеттским царем Тудхалией IV и правителем Тархунтассы Курунтой, найденная в столице Хеттского царства Хаттусе.

Другой подобный пример происходит из Угарита. Царь Каркемиша Шарри-Кушух отправил царю Угарита Никмадду предложение о союзе. На дошедшей до нас табличке стоит печать Ини-Тешшуба, внука Шарри-Кушуха, а сам текст кончается следующим образом³⁸⁶:

«Эта табличка, скрепленная печатью во времена деда царя, разбилась. Ныне царь Ини-Тешшуб поставил печать на ее копию».

Мы видим, что в области международных отношений развивается практика, существовавшая в частном праве еще в Старовавилонский период: если юридический документ утрачен, его восстанавливают. Задача в обоих случаях одинаковая: избежать потенциальных претензий, прежде всего касающихся пределов территории – будь то ограждения полей или государственные границы³⁸⁷.

Одновременно торжественность правового акта переносилась на фиксирующий его документ. Например, текст копировался на металле: известно, что знаменитый договор между Хаттусили III и Рамсесом II был начертан на серебре, хотя до нас дошла только его копия на глине³⁸⁸. Несколько лет назад в Хаттусе была найдена большая бронзовая табличка весом 5 кг с текстом соглашения между хеттским царем Тудхалией IV и правителем Тархунтассы Курунтой (рис. 28)³⁸⁹. Часто письменные договоры хранились в одном³⁹⁰ или нескольких храмах³⁹¹ – в последнем случае изготовлялось несколько копий текста³⁹². В Старовавилонский период письменные «договоры» тоже сохранялись, однако если Хаммурапи сверялся с табличками о соглашениях, заключенных его предками, делал он это ради информации, а не потому, что они сохраняли юридическую силу³⁹³.

Частные договоры

Не все исследователи устояли перед искушением противопоставить устную традицию, в которой развивались местные правовые обычаи, письменной практике, связанной прежде всего с

центральной властью. Так, некоторые историки права усмотрели в законах Хаммурапи предписание о письменной фиксации договоров (о браке, земельной аренде и др.), без которой они якобы не имели юридической силы. От такой интерпретации со временем отказались: в старовавилонском праве отсутствие письменного документа никогда не ставило под сомнение действие договора³⁹⁴.

Яркий пример – брачные соглашения: для этого типа текстов не существует четкого формуляра, так как все они описывают более или менее исключительные ситуации (невеставольноотпущенница, многоженство и т. д.). Целью составления письменных документов была защита прав тех, кто находился в особо уязвимом положении³⁹⁵.

Историк не должен забывать, что такие тексты часто содержат только то, что составители считали главной информацией, вовсе не отражая явление в его целостности. С этой точки зрения очень показательны документы о разделе наследства: они никогда не включают полной описи имущества покойного. Другие тексты, относящиеся к ситуации в той же семье после раздела наследства, позволяют установить этот факт и предложить следующие объяснения:

– часть имущества, например поля, осталась в общей собственности (на это указывают более поздние разделы собственности)³⁹⁶;

– некоторые виды имущества разделялись между наследниками без составления письменного акта, о чем свидетельствует, например, опись, начинающаяся с таких слов³⁹⁷:

«Документ об орудиях из доли Идин-Эштара, не попавших в табличку о разделе».

Надо отметить, что в этой области права существовали заметные различия в местных традициях: так, в Ниппуре писцы давали самые подробные описания имущества, разделяемого между наследниками³⁹⁸.

Распространение письменных договоров было во многом связано с риском смерти свидетелей. С момента усыновления, когда заранее оговаривалась доля приемного ребенка в наследстве, до

смерти приемного родителя могли пройти долгие годы: именно в таких случаях кровные родственники нередко оспаривали права приемных детей. Вавилоняне поняли, что письменный текст живет дольше любого свидетеля, – ведь глиняные таблички не отличались хрупкостью и к тому же защищались «конвертом». Кроме того, свидетели могли забыть подробности сделки, при которой присутствовали. Именно это случилось с брачным соглашением Геме-Асаллухи: когда супруга решила развестись, свидетелей попросили описать полученное ей приданое, и они признались, что не могут вспомнить деталей³⁹⁹.

«Мы знаем, что приданое было дано, но прошло много времени, и мы не знаем, из чего оно состояло».

Сами таблички договоров иногда становились объектами символических манипуляций, о чем говорит следующий пример. Хозяйственная жизнь в Старовавилонский период подчинялась ритму так называемых «обновлений» (*mīšarum*), которые проводились по приказу правителя и заключались прежде всего в отмене всех долговых обязательств. После оглашения такого приказа кредиторы должны были торжественно уничтожить имевшиеся у них долговые расписки в присутствии специальной комиссии. Во время одного из таких «обновлений», в 13-й год правления Хаммурапи, некая заимодавица заявила, что потеряла одну из таких табличек. Чтобы женщина не смогла предъявить долговых требований по этому документу в случае его находки, было решено разбить ком земли (*kirbānum*), символизовавший утерянную табличку, которая с этого момента утратила силу. Более того, специально для защиты должников им был выдан акт с описанием церемонии, где говорилось, что если заимодавица найдет и попытается использовать табличку, та будет считаться подложной и должна быть уничтожена⁴⁰⁰. Таким образом, эти два обычая – выполнение символического жеста и составление документа – вовсе не противоречили друг другу.

Письменные свидетельства в судебной практике

Взаимодополняемость письма и ритуала проявлялась и в отношении к доказательствам на судебных процессах.

Примером может служить одна судебная тяжба времен правления Амми-дитаны (1683–1647 гг. до н. э.)⁴⁰¹. Некая Ильшухегаль приобрела участок с постройками площадью 72 кв. м. Несколько лет спустя она продала половину участка женщине по имени Белессуну за 15 сиклей серебра, о чем был составлен договор, скрепленный печатью Ильшухегаль. Вскоре она оспорила право собственности Белессуну и ее супруга на этот участок, утверждая, что не получила условленной суммы. Судьи потребовали доказать, что деньги не были уплачены, представив свидетелей или долговую расписку, чего Ильшухегаль сделать не смогла. Но на этом расследование не закончилось: муж Белессуну предъявил судьям договор о продаже, а затем были опрошены перечисленные в документе свидетели, которые подтвердили, что сумма в 15 сиклей серебра была выплачена в полном объеме. Ильшухегаль была вынуждена сознаться в обмане, и за нарушение обязательств, скрепленных ее собственной печатью, женщине назначили наказание. Этот случай доказывает, что письменные и устные свидетельства в суде не противопоставлялись друг другу: судьи одинаковым образом «выслушали» содержимое таблички, предъявленной мужем Белессуну, и показания свидетелей соглашения о продаже. Дискуссия современных правоведов о том, имели ли письменные документы приоритет над устными свидетельствами или наоборот, представляет собой типичный пример мнимой проблемы⁴⁰².

Отсутствие такого противопоставления отразилось даже на семантическом уровне. Так, в текстах использовались такие выражения, как «Сохрани мою таблетку как свидетельство» (*šībūtum*). Содержимое текста обозначалось словосочетанием «уста таблички» (*pī tuppim*) или «слова таблички» (*awāt tuppim*). В протоколах тяжб часто встречается фраза: «Судьи прослушали табличку»⁴⁰³. Таким образом, между живой речью свидетелей (к несчастью, смертных) и мертвой буквой табличек (практически вечных) не делалось никакого различия: конечно, документу нельзя задать

вопросы, но по крайней мере можно воспользоваться неизменным содержанием текста.

Когда не было ни устных, ни письменных свидетельств, прибегали к клятвам. Характерный пример представляет собой тяжба, состоявшаяся во времена Хаммурапи. Истцом был житель Исины, во время войны бежавший вместе с семьей в другой город, а ответчиком – его брат⁴⁰⁴. Протокол процесса сообщает: «Он не смог представить ни таблички, ни свидетелей», – истец был беженцем, и все архивы и свидетели остались в Исине. В конце концов судьи решили, что истец должен подтвердить свою правоту клятвой перед Шамашем (богом правосудия) и Гулой, богиней его города: очевидно, что клятва воспринималась древними как крайнее средство.

Новая роль письменных свидетельств

Внимание, уделявшееся сохранению и передаче свидетельств о собственности, говорит о важности письменных документов; на протяжении Старовавилонского периода их значение постоянно росло.

Анализ мер, принимавшихся в случае утери документа, позволяет лучше понять эту эволюцию. Ранняя стадия этого процесса иллюстрируется тяжбой времен царя Ларсы Рим-Сина. Некий человек, чтобы подтвердить свои права на наследство, был вынужден произнести такую клятву⁴⁰⁵:

«(Клянусь), что я сын Син-магира, что он меня усыновил и мою табличку с печатью не разбивали».

Цель последнего утверждения – исключить возможность того, что договор некогда был расторгнут (эта процедура сопровождалась произнесением специальной формулы и уничтожением таблички с его текстом). Ответчик не смог представить документ, который, вероятно, уничтожили или спрятали, но его клятва служит доказательством того, что договор об усыновлении не расторгался, и заменяет собой письменное свидетельство. Полвека

спустя произошел аналогичный случай: приемный сын потерял документ об усыновлении⁴⁰⁶. На собрании городских властей было принято решение восстановить утраченный акт: это показывает, что клятва и показания свидетелей более не считались достаточной правовой гарантией.

Исчезновение церемонии «прохождения перед пестом» (*bukānum*) из договоров о продаже начиная примерно с 1730 г. до н. э. также может расцениваться как победа письменного слова над символическими жестами. Были предложены и другие объяснения – например, влияние формуляров южной Вавилонии (где такой церемонии не существовало) на северовавилонскую практику после завоевания месопотамского юга войсками Хаммурапи⁴⁰⁷. Тем не менее, считать исчезновение формулы чисто канцелярским явлением можно только в том случае, если к этому времени она уже была лишена буквального содержания и сам ритуал больше не выполнялся – а это по-прежнему не доказано (см. выше). Скорее всего, отказ от символического жеста и соответствующей формулы в договорах все же свидетельствует о растущей важности письма в правовой жизни конца XVIII – XVII в. до н. э.

О том же говорит распространение следующей практики: при имущественных сделках – будь то обмен, наследование или продажа – новый собственник одновременно получал все более ранние документы, относящиеся к переданному имуществу⁴⁰⁸. Например, покупатель дома сохранял в своем архиве договор о продаже; после его смерти дом вместе с документом переходил к одному из сыновей. Если он решал продать дом, новому покупателю передавался и первый договор о продаже; таким образом, в его архивах уже находилось два акта о собственности. Очевидно, что целью такой процедуры была защита прав нового собственника: передав ему все документы на дом, прежний владелец не мог использовать их в случае тяжбы. Если продавец не мог предоставить покупателю документы на имущество, составлялся отдельный договор на случай их обнаружения, согласно которому найденные акты по праву переходили к новому собственнику⁴⁰⁹:

«Поскольку нет ни договора о покупке, ни более ранних документов о собственности, то если откуда-то появится акт о покупке или

более ранний документ о собственности, он будет принадлежать Белетум, *nadītum*, посвященной Шамашу, дочери Ипкуши».

Множество примеров указывают на значение, которое вавилоняне придавали письменным доказательствам. Известен случай, когда жрица-*nadītum* при разделе наследства ее тети сочла свои права ущемленными. Она получила от тети все необходимые акты о собственности, но, как это часто бывало, документы хранились у отца женщины. Поэтому она благоразумно решила дожидаться его приезда, прежде чем начинать тяжбу⁴¹⁰:

«Мои таблички в руках моего отца: пока он не прибудет, я не стану судиться».

Очевидно, что эта жрица придавала письменным документам важнейшее значение в вопросе защиты своих прав. Возможно, реорганизация архива Ур-Уту, о которой свидетельствуют раскопки его дома, была связана именно с тяжбой между хозяином дома и другими наследниками, во время которой активно использовались архивные документы⁴¹¹.

ОТТИСКИ ПЕЧАТЕЙ

Договоры в Месопотамии не только составлялись в письменной форме, но и скреплялись оттисками печатей их участников.

Функции печати

Роль печатей в правовой жизни очевидна. Личную печать на табличку ставили те, кто передавал право собственности или брал на себя какое-либо обязательство: продавец, навсегда отказывающийся от отчуждаемого имущества; заемщик, обязывающийся расплатиться с займодавцем, и т. п. Очень часто на табличках также присутствуют оттиски печатей свидетелей, чьи имена ука-

зывались в договоре, которые должны были гарантировать подлинность документа. Договор, должным образом составленный и скрепленный печатью продавца, считался неуязвимым для судебных претензий, о чем свидетельствует следующий пример: некий Яхдунум, продав землю Этель-пи-Мардуку, оспорил его право выстроить на участке здание. Несмотря на то что новый собственник уже понес расходы на строительство, Яхдунум каким-то образом добился от него приостановки работ. Но Этель-пи-Мардук отправился в Вавилон с жалобой, и представители властей рекомендовали Яхдунуму отказаться от претензий, так как любой суд решил бы это дело в пользу покупателя⁴¹²:

«Скажи Яхдунуму: это (говорит) Ибби-Сумукан. Да продлит Шамаш твои дни! Что касается Этель-пи-Мардука, сына Икшуд-аппашу, которому ты три года назад продал участок и которого, когда он начал строить дом, ты заставил поклясться именем царя прекратить работы, то он принес мне табличку, согласно которой он купил у тебя этот участок. Я просмотрел ее, и она не оставляет сомнений: на табличке стоит твоя печать и указаны имена пяти свидетелей. Если он покажет эту табличку судьям, разве они станут ради тебя нарушать закон? Я пишу тебе это письмо, чтобы сказать: верни участок Этель-пи-Мардуку, чтобы его вложения не пропали и он мог строить. Если хочешь, приезжай в Вавилон и сам разберись в твоём деле».

В древней Вавилонии, как и на средневековом Западе, существовали печати *bene cognitum et famosum*, на что указывает следующий текст⁴¹³:

«Вы скрепили (этот договор) печатями великого жреца-*šangûm* Шамаша, великого жреца-*šangûm* Айи и вашими собственными (...) Если печати великого жреца-*šangûm* Шамаша, великого жреца-*šangûm* Айи и ваши собственные оспариваются, то чья печать вообще имеет силу?».

Потеря печати считалась настолько серьезным происшествием, что об этом немедленно составлялось свидетельство⁴¹⁴:

«1-го числа 11-го месяца была утеряна печать на имя Цилли-Ураша».
(Следуют имена четырех свидетелей и дата.)

Другой текст сообщает, что некий Син-мушаллим выкупил печать своего отца у торговца за один сикль серебра; при этом было составлено свидетельство, снимающее с него ответственность за договоры, скрепленные этой печатью после смерти отца и до ее выкупа⁴¹⁵.

Легенды печатей

В Старовавилонский период цилиндрические печати, как правило, состояли из виньетки (изображения) и легенды, в которой обычно указывались три атрибута личности – имя, отчество и статус (слуга царя или божества)⁴¹⁶. Каждый из этих элементов следует рассмотреть подробнее.

Личное имя в легенде письма может оказаться ценнейшей информацией для историка – например, когда сама табличка указывает не полную, а уменьшительную форму имени (гипокористикон).

Второй элемент легенды – отчество, важнейший атрибут личности в Вавилонии, где «фамилии» были неизвестны: эта информация далеко не всегда фигурирует в тексте самого документа, но при этом играет решающую роль для просопографических исследований.

В третьей строке легенды указывалось имя царя или божества, «слугой» которого называл себя владелец печати. В течение долгого времени смысл этих указаний объяснялся противоречивым образом, но сегодня очевидно, что человек, считавшийся «слугой» божества, не обязательно принадлежал к персоналу его храма, но всего лишь был членом семьи, находившейся под его покровительством⁴¹⁷. Слугами царя называли себя представители дворцовой администрации.

Легенда печати иногда включает титул владельца, не всегда указывавшийся в документах. По смене титулов на печати можно проследить карьеру некоторых чиновников⁴¹⁸.

Рис. 29 – Старовавилонская цилиндрическая печать и ее современный оттиск на глине. На печати изображен царь («персонаж с палицей»), стоящий перед тремя божествами. Легенда размещена между изображениями и состоит из трех строк: «Ибни-Амуррум / сын Илима-ахи / слуга бога Амуррума».

Новая роль легенды

Прежде всего отметим, что на рубеже III и II тыс. до н. э. иконография печатей стала намного однообразнее: в ней начали преобладать стандартизированные изображения «сцен приношения» и «персонажей с палицей» (рис. 29). Одновременно писцы стали отпечатывать цилиндры по поверхности табличек таким образом, чтобы лучше всего читалась легенда (к великому сожалению современных специалистов по иконографии). Иными словами, цилиндрическая печать больше не прокатывалась по глине – вместе этого отпечатывалась та ее часть, где находилась легенда⁴¹⁹.

Возрастание роли легенды с именем владельца печати подтверждается еще одним доказательством – от противного. Оно связано с целым рядом ситуаций, когда по печати нельзя было определить, кому она принадлежала.

Прежде всего, существовали печати с религиозной легендой – молитвой, воздающей хвалу божеству. Известны также пе-

чати, у которых вообще не было легенды. В обоих случаях определить владельца только по печати было невозможно, поэтому писцы часто сопровождали оттиск пометкой, в которой мелкими знаками указывалось имя (рис. 30)⁴²⁰, – впрочем, так делалось далеко не всегда⁴²¹.

Иногда печать с обычной легендой не принадлежала никому из участников договора или свидетелей. Это означает, что кто-то из них использовал печать другого лица, чаще всего родственника. Иногда писцы считали необходимым сделать соответствующую пометку: так, в тексте YOS VIII 71 указано, что Идин-Эа использовал печать своего отца Бальму-намхе, не имея под рукой своей собственной. Во многих других случаях писцы никаких пометок не делали: например, в договоре BIN VII 214 продавцом был Дамик-илишу, сын Ана-Даму-таклаку, тогда как единственная печать на табличке принадлежит Амер-илишу, также сыну Ана-Даму-таклаку; несмотря на отсутствие пояснений, очевидно, что продавец скрепил договор печатью своего брата⁴²². В целом такие случаи представляют собой скорее исключения и связаны с временным отсутствием личной печати. Известна даже табличка, где заемщик воспользовался печатью одного из свидетелей. На конверте указано: «Не имея печати, поставил печать Апильши». Можно было бы предположить, что заемщик был слишком беден, чтобы владеть собственной печатью, но на самой табличке соответствующая пометка сформулирована несколько иначе: «Не имея с собой печати, поставил печать Апильши»⁴²³. Иногда печати терялись, как, например, у отправителя следующего письма⁴²⁴:

«Моя печать потерялась в Машкане, поэтому я поставил (на конверт письма) чужую печать».

В некоторых случаях люди постоянно использовали печати с чужим именем – речь идет о печатях, полученных в наследство. Часто покойника хоронили вместе с его печатью, но иногда ее передавали старшему сыну не столько из желания сэкономить, сколько для демонстрации семейной преемственности: известны случаи, когда печать наследовалась на протяжении нескольких поколений. Так, существует договор, датированный 13-м годом

Рис. 30 – Табличка в форме конверта (Сиппар, XVII в. до н. э.): печати прокатаны с левой стороны. Вверху оттиснута только легенда первой печати, внизу – печать без легенды; рядом с виньеткой стоит приписка «печать Син-иддинама» (судья, упомянутый шестым среди свидетелей записанного на табличке соглашения о продаже).

Амми-цадуки (1634 г. до н. э.), на котором стоит печать Син-иддинама, изготовленная полутора веками ранее, в правлении Хаммурапи; генеалогические исследования показали, что на момент составления договора печать принадлежала правнуку Син-иддинама по имени Ибни-Син⁴²⁵.

Особый случай составляет тип печатей, известный под не вполне точным названием «печати *bu.gul*». Такие матрицы гравировались резчиком (шум. *bu.gul*) на цилиндрах из глины или мягкого камня и содержали только имя и отчество лица, но никогда – имя царя или божества, «слугой» которого тот являлся. Если одну сторону договора – например, при усыновлении или разделе наследства – представляли несколько человек, их имена вырезались на единственной печати; напротив, печати свидетелей на такие таблички не ставились вовсе. Напомним, что одна из главных особенностей печатей *bu.gul* – полное отсутствие иконографии (рис. 31). Эти печати использовались для единственной сделки. Так, известен случай, когда один и тот же человек заверил таким способом две таблички подряд: для каждой из них была изготовлена отдельная печать⁴²⁶. У нас нет бесспорного ответа на вопрос, для чего служили печати *bu.gul*. Иногда кажется, что ими пользовались во всех тех случаях, когда у участника сделки не было собственной цилиндрической печати⁴²⁷. На таблички из Урука с разрешениями на уход раба под ручательство членов его семьи поручители-мужчины ставили обычные печати, женщины – печати *bu.gul*⁴²⁸. Впрочем, у нас есть по меньшей мере один пример печати *bu.gul* на имя человека, который в других случаях пользовался обычной печатью. Очевидно лишь то, что распространение таких печатей было ограничено определенными регионами⁴²⁹. Так или иначе, это явление представляет для нас интерес прежде всего как свидетельство эволюции печатей в Старовавилонский период: главным элементом оттиска стало имя участника сделки.

Итак, мы видим, что в Старовавилонский период акцент был сознательно перенесен на имя владельца печати. Иконография больше не считалась эффективным средством удостоверения личности. Это явление не было изолированным, но укладывалось в общую тенденцию растущего значения письменности в вавилонской цивилизации. Впрочем, развитие сигиллографии в очерде-

Рис. 31 – Оттиск печати типа *bu.gul* на оборотной стороне договора, между списком свидетелей и датой. Матрица содержит всего две строки: «Амуррум-малик, сын Эриссум-матума» (имя и отчество продавца). Печати свидетелей на табличке отсутствуют. Ниппур, 13-й год Самсу-илуны (1737 г. до н. э.).

ной раз напоминает, что от линейного видения эволюции следует воздерживаться: так, печати I тыс. до н. э. чаще всего лишены легенды, а если она и присутствует, то обычно представляет собой молитву. В позднюю эпоху имя владельца печати всегда указывалось писцом рядом с оттиском.

Эта глава, дающая самый общий очерк проблемы, показывает, что противопоставление примитивного и развитого права – мира обряда и клятвы, с одной стороны, и мира письменных документов, с другой – нуждается в важных уточнениях. Диахро-

нический анализ свидетельствует о постоянно растущем значении письма в правовой жизни, что сопровождалось уменьшением роли и даже исчезновением символических практик, например, прохождения перед пестом-*bukānum*. Эта тенденция – лишь один из аспектов эволюции права в Месопотамии: как уже говорилось, поворотным моментом этого процесса стало правление Хаммурапи, когда происходила быстрая «секуляризация» правосудия⁴³⁰. Возможно, это неточное слово следует заменить термином «профессионализация»: именно в то время появляются постоянные судьи, называвшие себя в своих печатях «слугами царя».

В то же время нельзя забывать о таком ключевом феномене, как исторический континуум: более трех столетий население северной Вавилонии существовало в очень стабильных условиях. Семейные архивы позволяют нам проследить жизнь семей на протяжении многих поколений⁴³¹. В такой ситуации коллективной памяти оказалось недостаточно для правовых нужд, и прибегать к письменности приходилось тем чаще, чем больше проходило времени⁴³². Во второй половине II тыс. до н. э. эта тенденция распространилась на область дипломатических отношений, что привело к появлению настоящих межгосударственных договоров.

Глава 5 Переписка

В представлении месопотамских писцов начала II тыс. до н. э. письменность была создана для того, чтобы цари могли общаться друг с другом на расстоянии. Об этом говорит знаменитый эпизод шумерского эпоса «Энмеркар и правитель Аратты»⁴³³: сообщение для царя далекой страны было таким сложным, что посланник не смог его запомнить, и тогда правитель Урук Эммеркар изобрел письмо. Неважно, что наши знания о происхождении клинописи расходятся с представлениями древних – главное, что коммуникация между правителями казалась старовавилонским писцам главным смыслом существования письменности. В этой главе речь пойдет прежде всего о дипломатической корреспонденции той эпохи, известной, главным образом, благодаря находкам во дворце Мари⁴³⁴.

Архивы, оставленные вавилонянами во дворце после его разрушения в 1759 г. до н. э., охватывают около 25 лет – период, когда на троне Мари находились Ясмах-Адду и затем Зимри-Лим. Помимо множества административных документов, архивы включают несколько тысяч писем, из которых к настоящему времени целиком опубликовано около 2500; немало писем найдено также при раскопках других археологических памятников Сирии и южного Ирака⁴³⁵. Содержание этих текстов стало предметом многочисленных исследований, но ни одно из них до сих пор всерьез не рассматривало сам процесс составления писем от правителем или от его имени, их доставки получателю и, наконец, чтения, хотя и очевидно, что такие сведения должны учитываться

историком для полноценного понимания корреспонденции. Преимущество эпистолярного корпуса из Мари состоит в том, что мы уверены в подлинности каждого из писем, – в отличие от некоторых других регионов и периодов. В самом деле, в месопотамской традиции существовали и апокрифические письма – например, знаменитое письмо Гильгамеша⁴³⁶ или послание, приписывавшееся Самсу-илуне⁴³⁷. Труднее определить характер переписки царей III династии Ура (XXI в. до н. э.), которая дошла до нас только в копиях, сделанных тремя веками позднее: по словам лучшего знатока этого корпуса, «мы не можем исключать, что все эти тексты апокрифичны, но более вероятно, что основная часть этой корреспонденции основана на подвергшихся переработке реальных архивных текстах; остальные письма сочинены через многие годы после смерти царей Ура»⁴³⁸.

Эта глава в основном рассказывает о составлении и чтении царской корреспонденции, т. е. писем, отправителями или получателями которых были царствующие особы; но иногда речь будет идти и о текстах, не вполне подпадающих под это определение⁴³⁹.

КАК ПИСАЛИСЬ ПИСЬМА

При работе над письмами использовались две основные модели – диктовка или самостоятельная работа писца. Законченный текст зачитывали вслух, при необходимости исправляли и помещали в конверт, на который ставилась печать отправителя. После этого письмо отправляли адресату.

Письма на аккадском языке

Одна из важнейших особенностей писем из архивов дворца Мари состоит в том, что все они составлены по-аккадски (единственное исключение – одно письмо на хурритском языке). Не найдено ни одного письма на аморейском – этот западносемит-

ский язык известен нам только по именам собственным и немногим техническим терминам⁴⁴⁰. Возникает вопрос, говорили ли на восточносемитском аккадском языке в царстве Мари и соседних областях или же мы имеем дело с двуязычной культурой, где аккадский был языком письменности, а аморейский – разговорной коммуникации. По этому вопросу высказывались самые разные мнения, но, скорее всего, элита умела говорить и по-аморейски, и по-аккадски⁴⁴¹. Следовательно, некоторые письма вполне могли писаться под диктовку. Недавно опубликованный текст показывает, что царь Мари Ясмах-Адду владел только аккадским языком и не мог объясниться по-аморейски, но большая часть его окружения говорила на обоих языках⁴⁴².

Под диктовку или по памяти?

В некоторых случаях послания, без сомнения, записывались под диктовку отправителя. Многие письма царя Шамши-Адада, в которых он бранит своего сына Ясмах-Адду, были явно продиктованы им в состоянии раздражения: в них есть незаконченные фразы и слишком длинные вводные обороты, глаголы не всегда стоят в конце предложения и т. п. О записи послания со слуха говорит письмо, отправленное из города Андариг. Прорицатель *āpilum* бога Шамаша обратился к представителю Мари со следующей просьбой⁴⁴³:

«Пришли мне осмотрительного писца, чтобы я дал ему записать послание, которое бог Шамаш направил мне для царя».

Впрочем, чаще всего правитель ограничивался тем, что объяснял своему секретарю суть сообщения: найдены таблички с набросками писем⁴⁴⁴, сделанными во время таких объяснений и служившими черновиком для окончательного текста, который составлял сам писец (рис. 32). В таких случаях он фактически выступал в роли редактора: стиль писем подчинялся жестким риторическим правилам, что, кстати, позволяет нам восстанавливать текст в лакунах. Составляя письмо не под диктовку, а по указани-ям отправителя, писец мог не спешить при записи текста⁴⁴⁵ и за-

ранее рассчитать размер таблички в соответствии с длиной послания⁴⁴⁶. Возможно, некоторые «неотправленные письма» на самом деле являются черновыми набросками писцов.

Литературный уровень текста, составленного писцом, был самым разным. Отдельные послания отличаются поистине изысканным стилем: один из ярких примеров – двуязычное (шумеро-аккадское) письмо от писца, добивавшего царской милости, которое он отправил Зимри-Лиму вскоре после его восшествия на престол⁴⁴⁷. Известны и обратные случаи: так, Ишме-Даган жаловался своему брату Ясмах-Адду на то, что не вполне понял смысл его послания⁴⁴⁸; с тем же упреком к Ясмах-Адду обращался и его отец Шамши-Адад⁴⁴⁹. Очевидно, что к писцу, составлявшему письма от имени царя, предъявлялись самые высокие требования: такую работу могли выполнять только доверенные и лично близкие правителю люди⁴⁵⁰. Иногда царь желал сохранить предмет послания в тайне от собственного секретаря – в таких случаях он обращался к услугам другого писца. Так, царь Халаба Хаммурапи, желая отправить тайное письмо Зимри-Лиму, попросил помощи у Шу-нухра-Халу, посланника Мари, в то время находившегося в Халабе. Тот сообщил об этом своему правителю⁴⁵¹:

«Он (царь Халаба Хаммурапи) сказал мне следующее: “Я хочу сообщить тебе о тайном деле. На рассвете приходи к воротам дворца – я расскажу тебе новость, ты запишешь ее на табличку и передашь твоему господину”. Вот что он мне сказал».

Очевидно, молодой царь Халаба не вполне доверял своему собственному писцу. Новость, о которой шла речь, непосредственно касалась матери Хаммурапи, и он, вероятно, подозревал, что его личный секретарь немедленно поставит ее в известность о послании. У нас нет свидетельств о существовании «присяги писца», которая защищала бы «профессиональную тайну» наподобие «присяги гадалеля», текст которой сохранился в архивах Мари⁴⁵². Принимая во внимание широкое распространение подобных присяг в Старовавилонский и последующие периоды, отсутствие «присяги писца» скорее всего объясняется игрой случая при археологических раскопках⁴⁵³.

Рис. 32 – Памятная записка («меморандум») – бросается в глаза неаккуратная форма таблички. Писец разделил различные сюжеты двойными чертами. Например, в предпоследнем «абзаце» говорится: «Касательно того, чтобы написать в Вавилон по поводу двух рабов, которые находятся в Вавилоне с Ахизу».

Некоторые письма прозрачно намекают на то, что в послании опущен ряд подробностей, так как смысл понятен и без них. Вельможа Хабду-Малик даже оправдывал краткость одного из писем ограниченными размерами таблички⁴⁵⁴:

«Я отправился в Карану и передал Аскур-Адду все указания, которые дал мне мой господин. К чему мне медлить с посланием моему господину? Чтобы новостей не оказалось слишком много для (одной) таблички, я отобрал самое главное и посылаю это моему господину».

Иногда содержание письма не было понятно никому, кроме адресата, как, например, в случае следующего послания Шамши-Адада к царю Шушарры⁴⁵⁵:

«Скажи Кувари: это (говорит) твой господин. Я прослушал письма, которые ты мне посылаешь, и сделаю все, о чем ты пишешь».

К нашему великому сожалению, на этом письмо заканчивается...

Традиционно считается, что грамотой в Месопотамии владели только профессиональные писцы. В 1-й главе приводятся многочисленные свидетельства, в том числе тексты из архивов Мари, указывающие на то, что эта точка зрения ошибочна: читать и, возможно, писать умели не только административные чиновники, но и, например, военачальники. Некоторые письма посредственного качества были скорее всего написаны самими управителями без участия писца.

Во время работы над письмом царю могла понадобиться помощь советников или приближенных. Так, Зимри-Лим просил вельможу Самметара помочь ответить на письмо Хаммурапи⁴⁵⁶:

«Мне пришла табличка из Вавилона: приезжай, выслушаем табличку, посоветуемся и составим ответ!».

Наконец, у нас есть текст, где Самметар высказывает Зимри-Лиму свои предложения по поводу содержания письма, которое следует отправить царю Халаба⁴⁵⁷.

Шаблоны писем

Внутри категории «практических документов» юридические и административные тексты обычно противопоставляются письмам по следующему критерию: если первые, как правило, составлялись по шаблонам, то вторые, наоборот, отличаются «живостью» изложения. Тем не менее авторы писем тоже следовали определенным, хотя на первый взгляд и менее жестким правилам; известно, что программа обучения писцов включала копирование шаблонов писем⁴⁵⁸. В этом случае уместнее говорить не о формулярах, а скорее о формулах, которые употреблялись прежде всего в заглавной и заключительных частях письма, а также о распространенных риторических фигурах. Правила составления писем связаны главным образом с представлениями о приличии: так, стоящий ниже в иерархии должен был всегда исходить из того, что вышестоящему лицу известны обстоятельства дела, о котором идет речь, а при перечислении географических названий следовало начинать с наиболее удаленных от адресата и заканчивать самыми близкими⁴⁵⁹.

Заглавная формула старовавилонского письма выдает его происхождение от устного сообщения. Первые строки писем в эту эпоху всегда выглядят следующим образом⁴⁶⁰: «Такому-то скажи: это (говорит) такой-то». К кому обращена повелительная форма «скажи»? Как правило, считается, что формула восходит ко временам устной передачи информации и адресована посланнику⁴⁶¹. Это предположение подтверждают два текста, где рассказывается, как именно дипломаты устно передавали сообщения от правителей. Первый из них сообщает о посланниках Ишме-Дагана к вавилонскому царю Хаммурапи⁴⁶²:

«Их поприветствовали, и они передали такое послание: “Это (говорит) твой слуга Ишме-Даган (...)”».

Второй текст приводит слова вельможи царя по имени Шаррайя, который передает одному из соседних правителей послание от своего господина⁴⁶³:

«Так (говорит) Шаррайя».

Эти примеры показывают, что первая часть заглавной формулы была действительно обращена к посланнику. В ней указывались имя и (или) титул адресата. Как правило, послания к царю от подданных начинались с формулы «моему господину»; имя царя (например, «моему господину Зимри-Лиму») указывалось только тогда, когда отправителем был иностранец.

Во второй части заглавия указывался отправитель: иногда назывался только титул, но чаще всего имя вместе с эпитетом, означавшим иерархическое положение отправителя по отношению к адресату. Например, подданный обращается к царю, используя эпитет «твой слуга». Так как в остальной части письма по отношению к вышестоящему употребляется третье лицо, применение притяжательного местоимения второго лица в заглавии еще раз указывает на то, что сообщение произносилось от лица посланника. Только после этого следуют слова, напрямую обращенные отправителем к адресату.

Выбор той или иной формулы не был произвольным: форма письменного обращения правителей друг к другу подчинялась строжайшим правилам этикета. Несколько писем показывают, что древние уделяли им огромное внимание. В зависимости от своего положения в иерархии один царь обращался к другому как «отец», «брат», «сын» или «слуга». Для изменения своего статуса можно было воспользоваться политической обстановкой, как поступил, например, Шамши-Адад по отношению к царю Эшнунны⁴⁶⁴:

«Во всех посланиях к Хаммурапи Ишме-Даган обращается к нему как к своему господину. Также вел себя его отец: вначале он постоянно писал правителю Эшнунны как слуга, а после того, как завладел всей страной из-за трудностей, с которыми столкнулся царь Эшнунны, написал тому как «брату». Сегодня, возможно, то же самое замыслил Ишме-Даган: он потакает Хаммурапи только на словах».

В царской переписке за заглавной формулой никогда не следуют пожелания здоровья, которые, напротив, обязательно присутствуют в письмах частных лиц⁴⁶⁵. При этом было принято сообщать адресату о состоянии дел, которые могли его беспокоить: например, наместники и другие чиновники писали государю:

«Область в порядке», – а воеводы во время походов сообщали: «Войско в порядке: пусть мой господин не беспокоится!». Эти формулы часто следуют за заглавной формулой, но иногда употребляются и в конце послания. Очень часто отправитель завершал письмо словами о том, что он ожидает более или менее срочного ответа. Отсутствие такового считалось явным проявлением неуважения, о чем Шамши-Адад писал своему сыну⁴⁶⁶:

«Почему ты не отправил мне ответ на мою табличку? Не отправлять ответ на табличку – разве это не проявление неуважения и невнимания? Такова твоя вежливость?».

Соображения приличия определяли правила составления писем, на что прямо указывает письмо Хаммурапи к одной из его сестер⁴⁶⁷:

«Я ознакомился с табличкой, которую ты мне прислала. Ты написала мне: “Почему ты не написал мне о своей болезни?” Для некоторых болезней – предмет переписки с их братьями и сестрами. Я же сообщаю добрые вести: “Я был болен, но сейчас я в добром здравии”».

В отличие от современной практики в старовавилонских письмах не указывались ни место, ни дата составления: скорее всего, гонец устно передавал эти сведения, которых нам сегодня так не хватает. В редких посланиях названы только день и месяц, но почти никогда – год: это подтверждает, что указание даты в письмах не было связано с задачами архивного хранения, в отличие от административных и юридических документов. Так или иначе, подчиненные должны были немедленно ставить своих начальников в известность обо всем происходящем. Иначе они рисковали получить такое послание, как, например, это резкое и ироничное письмо вельможи, ведавшего хозяйственными вопросами, к мелким чиновникам дворца Мари⁴⁶⁸:

«Таблички о благополучии дворца и мастерских должны поступать от вас ко мне постоянно. Я прослушал вашу табличку, кото-

рую вы прислали мне по поводу возвращения людей: я узнал об этом еще до того, как пришла ваша табличка!».

Проверка

Закончив составлять табличку, под диктовку или по памяти, писец должен был прочесть ее отправителю, прежде чем поместить письмо в конверт. Это в очередной раз подтверждает все сказанное выше об аккадском языке: чтение таблички вслух имело смысл только в том случае, если отправитель понимал по-аккадски. Во время вычитки в текст могли вноситься исправления: именно на этом этапе, по всей вероятности, стирались или переписывались некоторые слова или даже целые строки (рис. 33). Несмотря на это, в письмах оставалось определенное количество ошибок (пропущенных знаков и т. п.), что скорее всего связано с неизбежной практикой «глобального чтения», к которой жители Месопотамии прибегали точно также, как мы сегодня. Известен случай, когда писец перепутал два географических названия и не стал перечитывать текст письма: в итоге царь получил ложную информацию о взятии города вражескими войсками⁴⁶⁹.

Как правило, писцы не делали дубликатов отправленных писем: найденные письма от царей Мари, адресованные за пределы столицы⁴⁷⁰, представляют собой либо черновики⁴⁷¹, либо послания, которые по той или иной причине так и не были отправлены

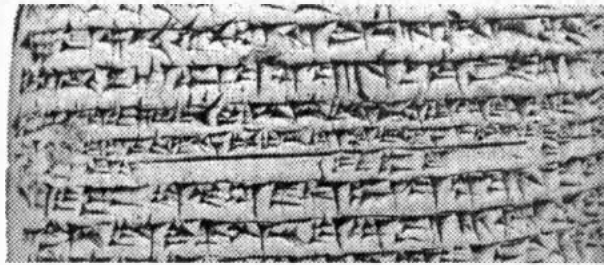

Рис. 33 – Часть письма с четко видимыми исправлениями: писец стер две строки и вписал вместо них три, более мелкими знаками.

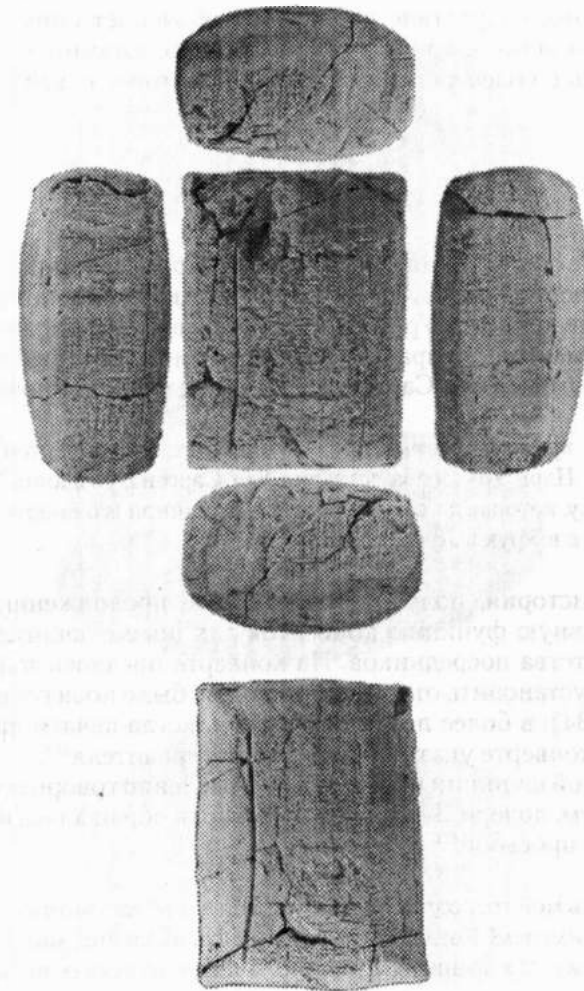

Рис. 34 – Конверт письма Зимри-Лима к Тиш-ульме. На лицевой стороне написано: «Для Тиш-ульме». На каждой из сторон конверта откатана цилиндрическая печать отправителя (край матрицы оставил довольно глубокую бороздку). Печать включает классическое изображение («воин с палицей» перед богиней-защитницей) и легенду из шести строк.

Почти полное отсутствие дубликатов объясняет одну из характерных черт эпистолярной риторики в Месопотамии – привычку напоминать о содержании послания, на которое отвечает данное письмо.

Конверт и печать

После составления и вычитки письмо запечатывалось в глиняный конверт. Одна из легенд о Саргоне Аккадском приписывает изобретение конверта Ур-Забаве, царю Киша. Цель правителя состояла в том, чтобы отправить на смерть гонца, который нес письмо и которым был сам Саргон, в то время царский виночерпий⁴⁷²:

«В те времена уже писали на табличках, но конвертов (еще) не было. Царь Ур-Забабa составил для Саргона, создания богов, табличку, которая должна была стать причиной его смерти, и отправил его в Урук к Лугальзагеси».

Эта история, получившая красивое продолжение, указывает на главную функцию конвертов для писем: защитить текст от любопытства посредников. На конверте писалось только имя адресата, а установить отправителя можно было по легенде его печати (рис. 34); в более поздние периоды, когда печати лишились легенд, на конверте указывалось и имя отправителя⁴⁷³.

Об этой функции печати недвусмысленно говорится в письме Шиматум, дочери Зимри-Лима, которая обращалась к отцу со следующей просьбой⁴⁷⁴:

«Пусть мой господин, Звезда, пришлет мне лазуритовую печать моим именем! Когда я буду отправлять послание, мне больше не выскажут презрения со словами: "Тут нет оттиска ее печати!"».

Случалось, что конверт письма вскрывал не сам адресат, а кто-то другой. Так, один чиновник сообщал царю Мари, что прочитал письмо, предназначенное его коллеге Шумшу-литеру, поскольку тот был в отъезде⁴⁷⁵:

Рис. 35 – Ярлык эллипсоидной формы от корзины с табличками: слева – следы веревки, которой была привязана крышка. Текст сообщает, что в корзине находились четыре письма, готовых к отправке.

«Мой господин прислал сюда табличку для Шумшу-литера касательно зерна-*burrut*. Он был в отъезде, (поэтому) я вскрыл табличку и ознакомился с ней».

Чтобы прочитать письмо, получатель должен был разбить конверт – этим объясняется малое число конвертов, полностью или частично сохранившихся до наших дней. Фрагменты конвертов с оттисками печати Зимри-Лима были найдены во дворцах Мари⁴⁷⁶ и Каттары⁴⁷⁷. Известно, что существовало несколько матриц печати царя Мари, которые использовались в различных административных целях. Для писем употреблялась отдельная печать в единственном экземпляре. Такая практика сохранилась и в более поздние времена: в Средне- и Нововавилонский периоды применялось выражение *kunuk šarrim ša šiprēti*, означавшее «печать царя для писем», а иногда указывалось, что у такой печати не было дубликатов⁴⁷⁸.

После того, как письмо запечатывали в конверт, внести исправления было уже невозможно. Если возникала необходимость отправить царю дополнительную информацию, приходилось составлять новое письмо, как в случае, о котором рассказывает Букакум⁴⁷⁹:

«Едва мое письмо было запечатано, как прибыли гонцы, четыре человека от Аскур-Адду, со словами: "(...)».

У нас в распоряжении есть уникальный документ царской канцелярии, который упоминает о письмах, готовых к отправке адресатам. Это ярлык от корзины с табличками, на котором написано следующее (рис. 35)⁴⁸⁰:

«Четыре таблички, которые следует прочитать перед [Иддийятумом], Ясим-Элем, Менирумом и Бельшуну, готовы».

Эти письма предназначались чиновникам, служившим в области Джебел-Синджар; очевидно, все четыре послания предполагалось отправить одновременно. Возможно, каждое из них должен был доставить адресату один гонец, путь которого пролегал

через Андариг и Карану, или же письма передавались по своего рода эстафете.

Во время поездок царя могли возникнуть трудности с доставкой адресованных ему писем, о чем рассказывает это письмо Уцур-авассу к Ясмах-Адду⁴⁸¹:

«А касательно того, что я до сего времени [...] не отправлял таблички моему господину, то пусть мой господин ничего не говорит в сердцах. Люди, доставившие мне табличку от моего господина и знающие его местонахождение, все еще не возвратились туда, где находится мой господин. (Поэтому) я и не отправил табличку моему господину. Ныне же, когда известно, что мой господин находится в Кабаре, новости из дворца и мои таблички будут постоянно доходить до моего господина».

ДОСТАВКА ПОЧТЫ

Обстоятельства доставки писем адресатам могли быть самыми разными⁴⁸². Мы начнем с богатейшей терминологии, связанной с ремеслом «посланника», а затем рассмотрим вопрос о параллельном использовании гонцов, выполнявших личные поручения, и почтовой службы с ее системой перевалочных станций. Наконец, мы расскажем об опасностях, подстерегавших посланников в пути, особенно во время войн.

Развитая терминология

Аккадский язык отличается богатством лексических обозначений для лиц, занятых доставкой почты. Различия между многими терминами еще не до конца выяснены исследователями. Очевидна разница между такими основными понятиями, как полномочный «посланник» (*mār šiprim*) и простой «носильщик таблички» (*wābil tuppim*), возвращавшийся к отправителю сразу

после доставки письма. Неизданный текст со списком солдат, проходивших смотр в садах Саггаратума в конце 9-го года правления Зимри-Лима, важен для нас с двух точек зрения. Во-первых, документ использует для обозначения этих двух категорий людей другие термины: «посольские люди» (*ša šipirātīm*) и «сороходы» (*lāsimum*). Во-вторых, текст указывает, сколько таких посланников было мобилизовано, когда вся армия Зимри-Лима отправилась в поход на помощь царю Халаба: не менее 100 *ša šipirātīm* и 64 *lāsimum* соответственно. Цифры неожиданные: никто не думал, что в царстве Мари доставкой почты занималось столько людей. Эти данные подтверждаются другим документом, который называет число посланников в одном только округе Саггаратум: 19 *ša šipirātīm* и 22 *lāsimum*.

Гонцы или почтовые станции?

Посланники, выполнявшие дипломатические функции, часто доставляли табличку из пункта отправки в руки правителя, которому она была адресована. Однако доставка корреспонденции вовсе не предполагала, что транспортировкой письма по всему маршруту, разделявшему отправителя и получателя, будет заниматься один и тот же гонец. Известно, что в Месопотамии существовали настоящие «почтовые станции», позволявшие доставлять почту намного быстрее благодаря постоянно сменявшимся гонцам, которые не нуждались в остановках для отдыха⁴⁸³.

Чиновники были обязаны своевременно отвечать на письма царя: в своих сообщениях они часто указывали время, когда было получено послание правителя, что иногда служило оправданием запоздалого ответа. Так, в конце одного из писем Муканнишум писал⁴⁸⁴:

«Боюсь, как бы мой господин не сказал: “Муканнишум небрежно отнесся к этим копьям”. Когда ко мне прибыла табличка моего господина, была уже ночь, дворец был заперт и я не смог достать эти копья».

Иногда тексты сообщают и о непредвиденных задержках при доставке почты⁴⁸⁵.

Опасности в дороге

Как перед всяким важным предприятием, перед отправкой посланников следовало убедиться в благосклонности богов, в особенности во время военных действий. Так, гадатель Аскудум общал царю⁴⁸⁶:

«Я совершил гадания о благополучии посланников: (приметы) неблагоприятны. Я сделаю это снова, и когда предзнаменования будут добрыми, я отправлю их в путь».

Во время войн посланники передвигались по особым маршрутам, на что указывают многочисленные тексты, например, такое письмо Шамши-Адада⁴⁸⁷:

«Дороги опасны, и посланники должны путешествовать тайно».

Если результаты гаданий были неблагоприятными, но дело не терпело отлагательств, посланники двигались в сопровождении вооруженного эскорта – такое решение предлагал в одном из писем Ишме-Даган⁴⁸⁸:

«Когда будешь отправлять мне это письмо, дай строгие указания об охране (посланников) во время доставки. Либо соверши гадания о благополучии тех, кто понесет это письмо, либо пусть 30 твоих слуг доведут их до самой реки, (а затем) возвращаются к тебе».

После нападения кочевников в степи на караван с письмами царь Мари получил заверения в том, что почта, доставлявшаяся из города Катна, не пострадала⁴⁸⁹:

«Наши посланники, люди из Катны и таблички в порядке; эскорт [сопроводил их] до Тадмора (Пальмиры)».

Несмотря на меры предосторожности, посланников иногда брали в плен, а почта перехватывалась: именно так во дворце Мари оказались письма, адресованные «моему господину», но не

царю Мари⁴⁹⁰. Нам известен по меньшей мере один случай, когда Зимри-Лим отдал прямой приказ о захвате чужой переписки⁴⁹¹:

«По поводу Аскур-Адду мой господин писал мне: “Почему таблички [от Аскур-Адду] продолжают ходить туда и обратно и вы их не перехватываете?” Вот что писал мне мой господин».

Найдена даже табличка с записью о вознаграждении, полученном за перехваченное письмо⁴⁹². Правители прекрасно осознавали, с каким риском сопряжена передача письменных сообщений. Царь Ашнакума по имени Шадум-Лабуа, пытаясь защититься от клеветнических (по его словам) обвинений, писал⁴⁹³:

«Разве я писал во вражеский город и мои письма перехватили?».

Чаще всего письма захватывались вместе с доставлявшими их посланниками⁴⁹⁴. Поэтому иногда почта передавалась с торговцами, которые пользовались правом неприкосновенности⁴⁹⁵; несмотря на это время от времени купцов обыскивали и найденные у них письма конфисковали⁴⁹⁶. Например, чиновник Мептум писал о задержанном караване торговцев из Эшнунны⁴⁹⁷:

«Я обыскал их, чтобы найти таблички, рассудив: “Возможно, они куда-нибудь провозят таблички”».

Обращение к торговцам для доставки почты было распространено во время войн. Известен случай, когда ассирийский купец был арестован по обвинению в перевозке вражеского письма; ему пришлось заплатить большой выкуп золотом, чтобы избежать казни⁴⁹⁸. В эпосе о среднеассирийском царе Тукульти-Нинурте правитель обвиняет торговцев в сотрудничестве с его врагами касситами⁴⁹⁹.

Вручение почты

Известны случаи, когда почта доставлялась не по адресу. Например, секретарь Шамши-Адада писал сыну царя⁵⁰⁰:

«Вместе с табличками, которые они принесли для царя (Шамши-Адада) из Катны, катнийские посланники по ошибке передали царю табличку для моего господина (Ясмах-Адду). Вскрыв ее, я увидел, что она написана моему господину, и не стал читать ее царю. Ныне я отправил эту табличку моему господину».

Посланникам, прибывшим к адресату, принято было вручать вознаграждение. Жалуясь на лишения, царь Ашлакки писал Зимри-Лиму⁵⁰¹:

«Вот я одолжил два сикля серебра и дал посланникам моего господина, но те не взяли, сказав: “Мало!”».

С такой реакцией на недостаточно щедрый бакшиш, воспринимаемый как оскорбление, можно столкнуться и в наши дни...

ЧТЕНИЕ ПИСЕМ

Обстоятельства зачитывания писем перед царем зависели от того, к какому роду корреспонденции – дипломатическому или административному – они принадлежали. Иногда письма – оригиналы, копии или выписки – пересылались другому адресату. В конце раздела мы убедимся в том, что большинство сообщений, которыми обменивались древние, никогда не попадет к нам руки, так как по разным причинам их предпочитали передавать устно.

Царская переписка

В зависимости от того, кем были отправители – царскими чиновниками или иностранными правителями – письма, адресованные царю, зачитывались по-разному. В случае с административной перепиской посланники, как правило, не допускались к царской персоне, оставляя письмо «у ворот дворца». Попасть на

прием к царю они могли, только если сообщение было очень срочным. Следовательно, важнейшую роль играл личный секретарь правителя, зачитывавший ему письма чиновников. Больше, чем о других, мы знаем о секретаре Зимри-Лима по имени Шу-нухра-Халу⁵⁰². Известно, что отправители писем царю часто прилагали к ним другие послания, адресованные Шу-нухра-Халу, с копией или пересказом сообщения для царя. Так секретарь мог заранее ознакомиться с содержанием послания и, возможно, обратить внимание царя на тот или иной вопрос: к письмам для Шу-нухра-Халу нередко прилагались подарки... В Новоассирийский период чиновники ограничивались пожеланиями благополучия⁵⁰³:

«Кем бы ты ни был, о писец, читающий (это письмо): не утаивай (ничего) от царя, твоего господина! Скажи обо мне царю, твоему господину, добрые слова, и пусть боги Бел и Набу скажут царю добрые слова о тебе!».

Тот же обычай распространялся и на других приближенных Зимри-Лима – например, на Дариш-либура⁵⁰⁴:

«Скажи Муканнишуму: это (говорит) Дариш-либур. Я выслушал твою табличку, которую ты мне прислал. Твою табличку, которую ты отправил мне для царя, я ему передал. Он отнесся к ней с большим вниманием. Царь отправил тебе ответ на твою табличку с подробными указаниями».

В этом случае Дариш-либур выполняет функцию, которая обычно возлагалась на Шу-нухра-Халу, – вероятно, тогда Дариш-либур сопровождал царя в одной из поездок. Выше уже говорилось, что этот чиновник умел писать (гл. 1): следовательно, он был способен заменить царю секретаря и зачитывать ему письма, получаемые во время путешествия⁵⁰⁵. О роли, которую Дариш-либур играл в окружении Зимри-Лима, также говорит письмо, адресованное ему дочерью царя по имени Тизпатум⁵⁰⁶:

«Дариш-либуру скажи: это (говорит) Тизпатум, твоя дочь. Если ты действительно (как) отец мне, окажи мне услугу в этом (деле):

я писала царю по поводу моей матери(-кормилицы) – пусть мой отец вмешается и уладит это дело! Вмешайся и уладь мое дело: пусть мою мать(-кормилицу) не задерживают! Другое: вот я посылаю тебе [...] медовый пряник для твоего стола».

Авторы посланий к Шу-нухра-Халу тоже часто сопровождали свои просьбы подарками.

Одно из писем Ибаль-Адду к Шу-нухра-Халу показывает, что сообщения для Зимри-Лима сначала обязательно прослушивал его секретарь, даже если они доставлялись в устной, а не в письменной форме⁵⁰⁷:

«Вот я отправил тебе полный отчет с Ладин-Адду – отнесись к его сообщению с большим вниманием и отведи его к царю».

Кое-кто более или менее открыто обвинял Шу-нухра-Халу в том, что он скрывал от царя содержание некоторых писем. Так, воевода Ясим-Даган угрожал секретарю, что придет в Мари и лично зачитает царю свое послание⁵⁰⁸. Другие, напротив, открыто льстили могущественному секретарю Зимри-Лима⁵⁰⁹:

«Когда я находился в Мари подле моего господина, а ты был моим другом и сражался вместе со мной, я увидел твою мощь. Все, что ты говорил моему господину, получало согласие; ничто из твоих слов не встречало его возражения».

Обмен перепиской между царями велся по строго установленным правилам. Сначала правитель передавал сообщение (*tētam wu'urum*) чиновникам, которых мы называем «посланниками» (*mār šiprī*) и которые в действительности выполняли дипломатические функции⁵¹⁰. Прибыв к адресату, посланники излагали ему свое сообщение (*tētum*), зачитывая табличку или произнося заученное наизусть послание.

В большинстве случаев иностранных послов представляли царю во время аудиенции, после чего они сами зачитывали письмо своего господина. Иногда впоследствии посланники рассказывали о том, как адресат отнесся к их сообщению⁵¹¹:

«Когда Янциб-Адду передавал сообщение моего господина, Хаммурапи [...] все это время слушал его и не открывал рта, оставаясь очень внимательным, пока сообщение не закончилось. Когда сообщение закончилось, он обратился к нам с такими словами: "(...)».

Известны случаи, когда посланники, видя, что ситуация ко времени их прибытия изменилась, немного подправляли или устно дополняли содержание сообщения⁵¹²:

«Мне принесли табличку с именной печатью Ибаль-Адду, и его слуга устно сообщил мне следующее».

В некоторых случаях письма зачитывались не на открытой аудиенции, а на тайном совете. Так, Иддийтум, отправленный с военной миссией к царю Караны, извещал Зимри-Лима, что не смог присутствовать на встрече, где зачитывали свои сообщения посланники правителя Курды⁵¹³. Другой посланник царя Мари, Ямцум, жаловался, что его не допустили на тайный совет царя Илан-цуры Хайя-суму и он не смог узнать новости, принесенные иностранными гонцами⁵¹⁴. Более того, по словам Ямцума, Хайя-суму отказывался читать в его присутствии даже письма от самого Зимри-Лима⁵¹⁵:

«Мой господин отправил Хайя-суму табличку, а мне написал следующее: "Пусть табличку вскрыют при тебе, выслушай ее!" Он (Хайя-суму) получил табличку, но я не смог услышать ее содержание».

Письма, которые царь получал во время поездок, сохранялись его секретарем в специальном ларце, а по возвращении передавались в дворцовый архив⁵¹⁶. Это объясняет, почему так много найденных в Мари писем были адресованы царю в те моменты, когда он находился за пределами столицы, – их отправляли царицы, управляющий Муканнишум и т. п. В таких случаях в нашем распоряжении иногда имеется и письмо к царю, и его же ответ на это послание⁵¹⁷.

Переадресация и копирование писем

Некоторые письма прочитывались по нескольку раз. Так, Шамши-Адад однажды переслал полученное им письмо одному из своих сыновей⁵¹⁸:

«Вот я отправляю тебе табличку, которую прислал мне Цупрерах: выслушай ее!».

Некоторые чиновники считали полезным пересылать царю адресованную им корреспонденцию с сопроводительными письмами. В пример можно привести сообщение от Ла'ума⁵¹⁹:

«Вот я запечатал табличку Яшуб-Эля, которую он прислал мне по поводу жителей, и отправил ее моему господину. Пусть мой господин выслушает ее!».

Чаще всего так поступали наместники провинций, получавшие письма от иностранных государей⁵²⁰. Присяга, принятая наместником Суму-хаду, содержит следующие слова⁵²¹:

«Клянусь, что ко мне не приходила табличка, добрая или дурная, из другой страны или от другого царя, которую я не показал бы моему господину Зимри-Лиму; клянусь, что не велел посылать и не посылал табличек другому царю или в другую страну!».

Итак, наместник должен был ознакомиться с письмом из-за границы, а затем переслать его царю. Хорошая иллюстрация этого правила – письмо наместника Каттуна по имени Закира-Хамму, где он пересказывает послание царя Андарига Карни-Лима, а затем добавляет⁵²²:

«Вот я отправил посланника Карни-Лима к моему господину, а также запечатал табличку, что пришла мне от Карни-Лима, и послал ее моему господину».

Таким образом, табличка прибыла из Андарига в Каттунан в конверте с печатью отправителя, Карни-Лима, а затем была с сопроводительным письмом переправлена из Каттунана в Мари в конверте с печатью *получателя*, Закира-Хамму, третьему лицу, которым в этом случае оказался царь Мари.

Иногда получатели сохраняли оригинал письма, пересылая третьему лицу его частичную или полную копию (рис. 36)⁵²³, благодаря этому мы можем реконструировать немалую часть не дошедшей до нас корреспонденции. Самый необычный из известных мне случаев представляет собой текст FM II 116: царь Апума Турум-натки отправил письмо Зимри-Лиму; царь Мари написал Суму-хаду и приложил к посланию письмо Турум-натки, которое Суму-хаду, в свою очередь, цитирует в письме к предводителям беньяминитов. Наконец, Суму-хаду посылает Зимри-Лиму письменный отчет о своей поездке, где цитирует свое письмо к беньяминитам, — до нас дошла только эта последняя табличка, благодаря которой нам стало известно содержание трех предшествующих писем...

Письма и устные сообщения

Если риск перехвата письма был слишком высоким, сообщения передавались в устной форме. Например, сестра Зимри-Лима Атракатум писала брату о заговоре при дворе ее мужа Суму-даби, беньяминитского царя города Саманум, но подробности обещала рассказать при личной встрече⁵²⁴:

«Другое: кочевник-староста, которого мой господин однажды отправил к Суму-даби и которому тот выдал одежды, в один прекрасный день пришел сюда среди ночи и много чего наговорил Суму-даби. Когда я встречу с моим господином, то повторю ему все эти слова. Или же, если мой господин считает дело срочным, пусть он мне напишет, как быть. Я могу приказать записать на табличку полный отчет о том, что говорил этот человек, и послать его моему господину».

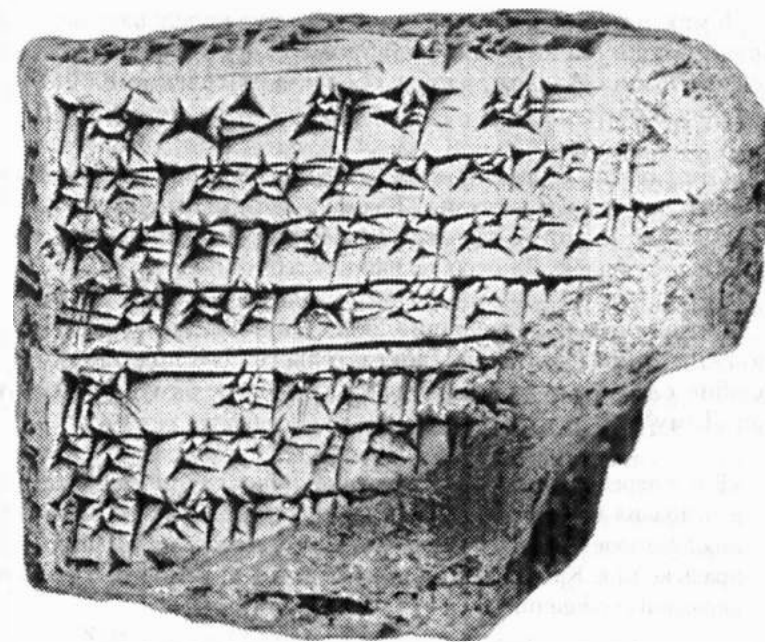

Рис. 36 – Пример «письма в письме»: После заглавия (стк. 1–2: «Скажи моему господину: это (говорит) Итур-Асду, твой слуга») отправитель пишет (стк. 3–4): «Вот копия письма, которое я послал [Туриб-адалю], пусть мой господин выслушает его». После двойной черты следует (стк. 5–6): «Скажи Туриб-адалю: это (говорит) Итур-Асду, твой брат». Остальная часть письма утрачена.

Во многих текстах прослеживается мысль о том, что писать можно далеко не обо всем. Так, в одном из писем Шамши-Адада к Исмах-Адду говорится⁵²⁵:

«По поводу дела, о котором рассказал тебе Самси-Даган, ты написал мне: “Об этом деле нельзя писать на табличке”. Почему нельзя? Напиши табличку и пришли мне! Или же верный человек мог бы доставить устное сообщение (букв.: взять слова в уста). Дай ему указания и отправь ко мне, и пусть он изложит мне это дело!».

Ясмах-Адду не раз проявлял нежелание передавать важные сообщения в письменном виде. Например, он хотел лично встретиться с Шамши-Ададом, чтобы обсудить поведение одного из военачальников⁵²⁶:

«Отстранение воеводы – важное дело. Оно стоит того, чтобы я приехал к царю! Я рассудил: “Как могу я отправить к царю кого-то другого?”. В этот же день, когда я послал тебе эту табличку, я отправился к царю. Я подробно напишу тебе от него».

Посланники, передававшие сообщение только в устной форме, должны были предъявить доказательства его подлинности – наподобие следующей «верительной грамоты» от Хайа-Суму к Зимри-Лиму⁵²⁷:

«Вот я передал подробное сообщение с моим слугой Акбу-абумом и отправил его тебе. Отнесись с большим вниманием к сообщению, которое я с ним передаю (...) Срочно дай ему указания и отправь ко мне. Кроме него, у меня нет никого, кто подходил бы для передачи сообщений».

Некоторые все же настаивали на том, чтобы на их послание непременно был письменный ответ. Например, в одном из писем к царю Шушарры сказано⁵²⁸:

«Известия от тебя не должны передаваться мне на устах – посылай мне (их) на табличках!».

Устная коммуникация имела и свои недостатки. Однажды к Шамши-Ададу прибыл посланник из осажденного города, слова которого вызывали подозрение. Для того чтобы убедиться в надежности гонца, царь подверг его целому ряду испытаний⁵²⁹:

«В подтверждение он указал мне на кольцо *hullum*, которое я давал посланнику Мутушу. Этеллини, спутник Мутушу, заболел в Аррапхе – он говорил со мной о болезни этого человека. Он предъявил мне все свидетельства, так что я доверяю его словам».

Отсутствие письма у посланников могло быть источником недоразумений. Так, гонцы, направленные царем Экаллатума Ишме-Даганом в Вавилон, были смущены присутствием на аудиенции у вавилонского царя посланников Зимри-Лима, на которого как раз и хотел пожаловаться Ишме-Даган. Хаммурапи понял, что гонцы скрывают часть сообщения и тщетно пытаются заставить их говорить. В конечном счете царь вызвал вавилонянина, который сопровождал посланников Ишме-Дагана от самого Экаллатума⁵³⁰:

«Повторив сообщение, которое передали посланники Ишме-Дагана, он дополнил его следующими словами: “(...)”».

Сообщение Ишме-Дагана для Хаммурапи было заучено наизусть всеми участниками посольства: вавилонянин дословно повторил текст, незадолго до этого произнесенный посланниками Экаллатума.

О поразительном случае, когда устное сообщение было заведомо ложным, а правда рассказывалась в письме, сообщает послание предводителя кочевников Ибаль-Эля⁵³¹:

«Когда мой господин будет посылать ко мне гонца, то пусть мой господин передаст с ним такое устное сообщение: “Собери своих людей! Я отправляюсь в Дер (или куда моему господину будет угодно)” Пусть мой господин пошлет мне такое устное сообщение, а на табличке укажет путь, по которому он отправится на самом деле».

Таким образом, по прибытии посланника Ибаль-Эль должен был выслушать устное сообщение от царя в присутствии свидетелей; замысел предполагал, что позднее предводитель кочевников прочитает (или велит прочитать) доставленную посланником табличку. Следовательно, в этом случае гонец лично нес письмо на всем расстоянии, разделявшем Зимри-Лима и Ибаль-Эля, и получил перед уходом особые указания.

Случалось, что приказы царя передавались только на словах. Тогда чиновники непременно упоминали это обстоятельство, чтобы снять с себя ответственность за возможные неприятности⁵³²:

«Скороход Ици-Аху из Зибнатума прибыл ко мне, но не принес табличку от моего господина. Он сказал: “По приказу моего господина опечатай дома Баннума и Закура-Абума”».

Нередко чиновники просили письменное подтверждение новостей, дошедших до них в виде слухов. Так, один из наместников Каттунана писал⁵³³:

«До меня дошли слухи о прибытии моего господина в Каттунан. Если мой господин собирается приехать, то пусть мне срочно придет табличка от моего господина, чтобы я мог подготовиться к его прибытию».

Иногда подданные даже отказывались подчиняться распоряжению царя без письменного подтверждения. Например, царица Шибту писала своему супругу Зимри-Лиму⁵³⁴:

«Прибыл Муканнишум и сказал мне: “Это золото предназначено мне”. Я ответила ему: “Пока не прибудет табличка от моего господина, я не отдам это золото”».

У Фукидида есть замечательное описание преимуществ письменного сообщения над устным⁵³⁵:

«Опасаясь, что посланцы то ли по неумению говорить, то ли еще и по забывчивости или, наконец, в угоду толпе, могут неверно изобразить положение, Никий отправил письменное донесение: он рассчитывал, что в этом случае афиняне, узнав его подлинное мнение, не искаженное при передаче, смогут лучше всего обсудить истинное положение дел. Итак, вестники отправились, везя с собой послание Никия и поручения, которые следовало передать на словах».

В этой главе было показано, что правители Месопотамии, какими бы «варварами» они ни были, поняли преимущества пись-

менности задолго до древних греков. Мы увидели, какого уровня развития достигло почтовое сообщение на Ближнем Востоке II тыс. до н. э. и какую роль играла письменная коммуникация в эту эпоху⁵³⁶. К переписке прибегали не только самые могущественные из царей: так же поступали, например, предводители кочевых племен. Письма этих вождей позволяют взглянуть на них непредвзято, не полагаясь на мнение оседлых земледельцев. Письменностью нередко пользовались и женщины: конечно, речь прежде всего идет о представительницах элиты, но объем их переписки впечатляет. Наконец, десятки месопотамских «пророчеств» дошли до нас в письмах потому, что гадалы не всегда имели возможность устно передать царю сообщение богов⁵³⁷.

Нам близки чувства женщины, жившей во времена Шамши-Адада, которая писала, что почта обладает способностью сокращать расстояния⁵³⁸:

«Теперь же я боюсь, как бы Акатийя не сказала: “Город Мари далеко”. Вовсе не далеко: от Ашшура до города Мари – как до предместий Ашшура. Город (Ашшур) близок для переписки».

Письмо, происходящее из области Загроса и найденное в Шемшаре, содержит еще один подобный пример. Чувство близости, которое давала древним почта, было еще внове для этого отдаленного региона⁵³⁹:

«Буллатталь доставил мне новости от тебя, и я очень обрадовался: мне показалось, что мы с тобой встретились и обнялись! У меня все в порядке: радуйся!».

Читая эти слова, мы вспоминаем о похожих ощущениях, которые многие из нас испытали с появлением электронной почты... Радикальное преобразование почтовых сообщений за четыре столетия, прошедшие со времени падения III династии Ура (ок. 2000 г. до н. э.) до падения Вавилона (ок. 1600 г. до н. э.), связано прежде всего со значительным ростом числа грамотных людей (см. гл. 1). Сравнивая послание, написанное в Эшнунне около 1950 г. до н. э.⁵⁴⁰, и письмо из Мари, отправленное двумя столетиями поз-

же, нельзя не поразиться глубине перемен – от жестких формул и лаконизма к подчас избыточному многословию. Одна из главных черт старовавилонских эпистолярных текстов состоит в значении, которое придавалось дословной записи прямой речи: очевидно, что способность воспроизводить устную речь представляет собой очень важный критерий развития письменности, который часто недооценивают. Вспомним эпос «Энмеркар и правитель Аратты», с рассказа о котором мы начали эту главу, – этиологическое повествование о возникновении связей между правителями на больших расстояниях и их материального выражения – дипломатической корреспонденции⁵⁴¹. Я не могу согласиться с точкой зрения Х. Ванстипхаута, который попытался привести представления древних о происхождении письменности в соответствие с нашими современными концепциями⁵⁴².

«Так, международная торговля считалась зависимой от письменности – и здесь было не обойтись без шумерского языка. Действительно, самые первые клинописные документы, вне всякого сомнения составленные по-шумерски, относятся к так называемому административно-экономическому типу. Писцы (...) были убеждены, что письменность изобретена для хозяйственных, а не для интеллектуальных целей».

Этот комментарий слишком резко противопоставляет «интеллектуальные» и «экономические» задачи без учета точной природы текстов. Так, эпистолярный жанр появляется в истории «клинописной литературы» достаточно поздно: древнейшие из дошедших до нас писем датируются концом Раннединастической эпохи (ок. 2350 г. до н. э.), т. е. восемью столетиями позднее возникновения клинописи⁵⁴³. Это не случайность: потребовалось немало времени, прежде чем письменность достигла уровня развития, необходимого для записи таких текстов. Говоря о «литературных» памятниках из Фары и Абу-Салабиха (ок. 2500 г. до н. э.), П. Михаловский справедливо отметил: «Эти тексты предназначались для тех, кто знал произведения наизусть, и не могут рассматриваться как самодостаточные средства коммуникации»⁵⁴⁴. Таким образом, переписка, цель которой состояла в *передаче на*

расстоянии изначально устной речи, представляет собой случай производного, вторичного употребления письменности, которое к началу II тыс. до н. э. превратилось в основное ее назначение – так, что даже воспринималось как причина изобретения клинописи. Не случайно, что именно этот период стал временем расцвета фонетической записи языка⁵⁴⁵.

Тяга к сенсациям иногда мешает археологам правильно интерпретировать свои находки. Мы уже видели, что применительно к древней Месопотамии понятие «школа» часто употребляется неправильно (гл. 2); это в той же степени относится и к слову «библиотека». Поэтому прежде всего нам следует условиться о терминах. Понятия «архив» и «библиотека» не всегда различают должным образом, несмотря на то что они имеют разную природу и относятся к разным объектам. Библиотеки представляют собой упорядоченные собрания произведений; архивы – своего рода склад письменных следов деятельности человека, коллектива или организации. В первом случае присутствует воля к собиранию и организации, которой не наблюдается во втором⁵⁴⁶. К большому сожалению, очень немногие из библиотек и архивов Месопотамии были найдены *in situ* при современных раскопках, так что археологический контекст подавляющего большинства табличек в музейных собраниях неизвестен – отсюда приблизительно многие оценки. Были предприняты попытки отличить «библиотечные» тексты от «архивных» по одному из материальных признаков – наличию или отсутствию следов обжига; этот критерий действителен только для некоторых периодов, в частности Среднеассирийского, когда таблички для библиотек специально обжигались. Дж. Рид показал, что тексты знаменитой «библиотеки Ашшурбанипала», напротив, обязаны своим «обжигом» пожару, разрушившему Ниневию в 612 г. до н. э.⁵⁴⁷ Таким образом, сравнительно надежным критерием различия возможно считать

только содержание: при находке группы табличек, не относящихся к типу архивных документов, говорят о «литературных произведениях» или о «библиотеке» – как мы вскоре увидим, оба этих обозначения довольно условны. Мы начнем с самого знаменитого примера – библиотеки Ашшурбанипала: это будет подходящим поводом развенчать несколько предвзятых идей. Ближе к концу главы мы остановимся на храмовых библиотеках, одна из которых была найдена при раскопках совсем недавно.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ И АВТОРЫ

Как было сказано выше, библиотека есть собрание специально отобранных произведений. Следовательно, прежде всего нужно определить, что означают понятия «произведение» и «автор» для древней Месопотамии.

Сочинения без авторов

Для большинства произведений месопотамской литературы мы не знаем – и никогда не узнаем – имен авторов⁵⁴⁸. Исключения из этого правила немногочисленны и всякий раз сопряжены с необычными обстоятельствами. Например, имя автора иногда бывало спрятано внутри самого произведения – как в гимне к богине Гуле, сочиненном Буллуца-раби. В эпосе об Эрре писец Кабти-илани-Мардук заявляет, что тщательно записал рассказ, услышанный во сне из уст самого божества. Так жители Месопотамии представляли себе божественное вдохновение, в котором нуждались не только сочинители: сны были важной частью гадательной практики. Известны примеры передающих имя автора акростихов – например, первые слоги разделов «Вавилонской теодицеи» образуют следующую фразу⁵⁴⁹:

«Я, заклинатель Саггиль-кинам-уббид, преданный богу и царю».

До нас дошел каталог библиотеки Ашшурбанипала – в нем некоторые литературные или ученые произведения связываются с именами божеств или мудрецов⁵⁵⁰. То же можно сказать о корпусах заклинаний (*āšipūtu*), плачей (*kalūtu*) и других текстов, записанных якобы «из уст бога Эа». Отдельные сочинения приписывались легендарным героям, в частности Уанне-Адапе (Оаннесу). Конечно, во всех этих случаях речь идет не о настоящих авторах, а о покровительстве божеств или допотопных мудрецов, которое подчеркивало древность и укрепляло авторитет текстов. В некоторых заклинаниях даже говорилось⁵⁵¹:

«Это заклинание не мое – это заклинание богов Эа и Асаллухи».

Очевидно, что божественные «авторы» призваны были гарантировать действенность заклятия. Но все же ряд произведений связывался с историческими персонажами, например⁵⁵²:

«Серия о Гильгамеше: из уст Син-леке-уннени, за[клинателя]».

Значит ли это, что Син-леке-уннени был автором эпоса о Гильгамеше? В действительности история этого произведения очень сложна, но благодаря наличию множества рукописей различных эпох ее удалось реконструировать, что выгодно отличает этот эпос от многих других древних памятников – например, библейских сказаний или гомеровских произведений⁵⁵³. Сегодня считается, что ученый писец Син-леке-уннени жил в Уруке во второй половине II тыс. до н. э. и сыграл важную роль в письменной фиксации окончательного варианта текста, т. е. с нашей точки зрения, он был скорее «редактором», нежели «автором» эпоса.

Тем не менее вообще исключить понятие авторства из дискуссии о месопотамской литературе невозможно. Некоторые тексты обладают настолько яркой индивидуальностью языка, стиля и содержания, что их нельзя не считать авторскими произведениями: один из таких примеров – упомянутый выше «Эпос об Эрре». В нескольких сочинениях рассказывается об обстоятельствах их появления на свет, включая процесс создания, а также акт божественного одобрения и пожелания донести текст до потомков. На-

против, другие произведения явно представляют собой результат разнообразных трансформаций силами многих людей на протяжении столетий – в таких случаях следует говорить о «коллективном авторстве». С определенного периода делалось различие между вариантами одного и того же сочинения: с этим явлением связано довольно двусмысленное понятие «канонического» текста⁵⁵⁴. В Месопотамии не существовало корпуса произведений, который получил бы какое-либо официальное признание, – ничего похожего на «священные писания» иудаизма, христианства и ислама. Термин «канонический» используется ассириологами по отношению к произведениям, составлявшим определенную традицию и к середине II тыс. до н. э. приобретшим фиксированную форму – это большие сборники, делившиеся на «серии» (*iškarū*), которые в свою очередь состояли из табличек со сквозной нумерацией. Кроме них, существовали «дополнения» (*aḥū*), а также устные «учебные материалы», которые иногда записывались с пометкой «из уст наставника» (*ša pī ummānī*).

Что такое произведение?

Значение понятия «произведение» для Месопотамии заметно отличается от привычного смысла, который мы вкладываем в это слово. Во-первых, у сочинений не было названий: вместо этого они часто обозначались по первым словам текста (*incipit*). Так, эпос о Гильгамеше назывался *Ša nagba īmuru* («Выдавший Бездну...»)⁵⁵⁵, вавилонская поэма о сотворении мира – *Enūma eliš* («Когда вверх...»), и т. п. Точно так же в Еврейской Библии книга, известная христианам как «Бытие», называется «Берешит» («В начале...»). Эта практика до наших дней сохраняется в Ватикане, где папские энциклики обозначаются именно по инципиту: например, *Populorum progressio* Павла VI (1967 г.) или *Mit brennender Sorge* Пия XI (1937 г.). В Месопотамии инципит входил в число стандартных элементов колофона⁵⁵⁶ – небольшого текста в конце таблички, содержащего описание произведения. В I тыс. до н. э. колофоны значительно усложнились и увеличились в размерах (рис. 37): в них указывалась первая строка следующей таблички

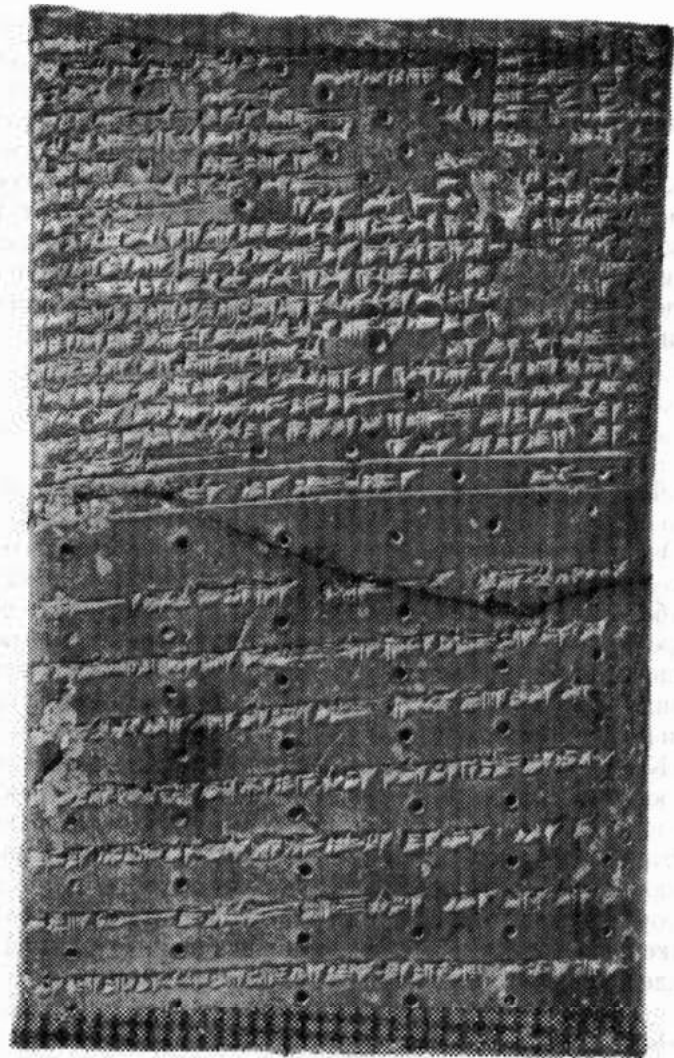

Рис. 37 – Литературная табличка с «обжиговыми отверстиями». Нижняя часть занята колофоном с очень большими межстрочными расстояниями: в нем указано, что табличка была скопирована для дворца Ашшурбанипала.

(если произведение было записано на нескольких табличках), номер в серии, «название» и число строк. Часто уточнялось, с какого оригинала была выполнена копия текста, и назывались имена заказчика и переписчика. Иногда писец указывал предназначение копии: «для чтения», «для обучения», «для собственного упражнения», Иногда колофоны содержат любопытные подробности: например, некий Набу-зукуп-кена сообщал, что записал табличку «наспех для чтения». Колофоны часто завершались благословениями или проклятиями. Указания имени писца, его отца и предка представляют собой бесценные сведения для реконструкции династий писцов.

«Библиотечные» тексты

«Литературные» произведения часто определяются от противного – это не архивные документы и не мемориальные надписи. Очевидно, что такое определение малоудовлетворительно. Однако нельзя не признать, что не так просто найти признаки, безошибочно выделяющие «литературные и религиозные сочинения» среди других письменных памятников. Причина очевидна: отношение древних к текстам отличалось от нашего, и современные понятия литературных жанров плохо применимы к клинописным произведениям⁵⁵⁷.

«Классические сочинения» Месопотамии подразделяются на два основных типа – сборники и списки. Корпус «ученых текстов» состоял из больших сборников, неизменно включавших последовательность параграфов с идентичной структурой. Первая часть каждого такого параграфа содержит утверждение (протасис), вторая – следующий из него вывод (аподосис). Например, в сборнике предсказаний на основании наблюдений за аномальными рождениями (тератология) есть такой параграф⁵⁵⁸:

«Если у уродца (*izbu*) две головы, вторая из них на хвосте и на ней четыре уха – в стране будет распря».

В «медицинском» сборнике того же рода говорится⁵⁵⁹:

«Если однажды он заболел и все время кладет руки на живот, жалуется, крича, а потом убирает руки – он умрет».

В подобных текстах всегда перечисляются частные случаи и никогда не выводятся общие правила. Казуистический подход господствовал во всех областях знания: своды законов были составлены по той же схеме. Такие сборники можно подразделить на четыре больших категории. Крупнейшая из них представлена компиляциями предсказаний, причем для каждой из гадательных техник существовал собственный «учебник»⁵⁶⁰. Гадатель, специализирующийся на гепатоскопии, пользовался серией *bārûtu*, описывающей аномалии печени⁵⁶¹, астролог – серией *Enūma Anu Enlil*⁵⁶², и т. д. Отдельные сборники посвящены снам⁵⁶³, рождению уродцев⁵⁶⁴ и симптомам болезней⁵⁶⁵. Большой компендиум *Šumma ālu* охватывает все разновидности знамений, полученных в результате случайного наблюдения (в противоположность намеренным гадательным практикам), – этот памятник содержит интересные наблюдения о повседневной жизни⁵⁶⁶. Физиогномические тексты предсказывают будущее человека по его физическим характеристикам⁵⁶⁷. Такие сборники составляют подавляющее большинство «ученых» текстов, дошедших до наших дней. Современные антологии месопотамской литературы не вполне отражают эту картину, потому что в них редко находится место для подобных произведений: они настолько монотонны, что их чтение быстро навеивает скуку. Впрочем, эти тексты писались не для праздного чтения, а как справочные пособия: их копирование помогало будущим знатокам овладеть своей специальностью.

Другая важная часть месопотамской «литературы» – тексты заклинателей (*āšipu*), занимавшихся изгнанием злых духов из одержимых (экзорцизм). Такие большие ритуалы, как, например, *Šurpu* или *Maqlû*, вводят нас в мир магии и колдовства⁵⁶⁸. Серия NAM.BUR.VI служила для отвращения угрозы, о которой говорило предсказание⁵⁶⁹; гемерологические тексты помогали определять благоприятные и неблагоприятные дни для какого-либо начинания⁵⁷⁰.

«Плакальщики» (*kalû*) ведали исполнением литургических песней, которым часто сопровождали музыкальные инстру-

менты⁵⁷¹. Существование этого песенного корпуса на шумерском языке, иногда с аккадскими переводами, свидетельствует о том, что шумерские тексты песен были понятны знатокам и в I тыс. до н. э.⁵⁷² Номенклатура гимнов и молитв очень богата и часто трудна для понимания⁵⁷³.

Месопотамские ученые уделяли большое внимание лингвистическим проблемам и создали самые крупные по объему филологические работы древнего мира. Заметную долю библиотечных текстов образуют так называемые лексические списки⁵⁷⁴. Это явление, без сомнения, связано с шумеро-аккадским двуязычием – таких текстов не найдено, например, в древнем Египте. С современной точки зрения эти два языка совершенно различны, но древние считали иначе: по их мнению, между аккадским и шумерским существовало своего рода «гармоническое отношение»⁵⁷⁵. Очень многие из филологических комментариев, созданных в I тыс. до н. э., основаны на игре чтений клинописных знаков: слоги аккадского слова при желании читались как шумерские идеограммы с совершенно иным смыслом⁵⁷⁶. Так, ученый, стремившийся поступить на службу к Ашшурбанипалу, похвалялся своим умением толковать знамения, и в подтверждение цитировал астрологическое предсказание, давая ему следующее объяснение⁵⁷⁷:

«Если Юпитер находится в Рыбах, Тигр и Евфрат наполнятся илом». IDIM (означает) «ил», (но) IDIM (также значит) «источник», SA₅ (означает) «быть полным». (Значит), в стране будут процветание и изобилие».

На первый взгляд, предсказание, согласно которому две великих реки наполнятся илом, кажется неблагоприятным. Но по-аккадски слово «ил» звучит как *sakīku* и может писаться идеограммой IDIM, у которой есть также чтение *nagbu*, «источник». На этом основании автор письма заключает, что предсказание, вопреки видимости, следует считать благоприятным. Искусство толкования знамений было прекрасным способом добиться благосклонности правителя, убеждая его в счастливом будущем царствования.

Литература в нашем понимании этого слова представлена в Месопотамии очень немногими произведениями⁵⁷⁸. Сегодня по-

словицы и нравоучительные сочинения пользуются все меньшим успехом, но в древности сборники «премудростей» были важнейшим литературным жанром. Более интересные для нас жанры – эпос (например, о Гильгамеше), мифы и народные сказки. Мы плохо знаем, каким образом создавались эти тексты: наши источники по своей природе больше говорят о передаче, нежели о возникновении произведений. Как справедливо подчеркнул Э. Джордж, «единственный доказанный контекст для письменной литературы – область педагогики», причем в большинстве случаев речь идет о контексте явно вторичном⁵⁷⁹. Единственное известное исключение составляет эпос *Enūma eliš*, который дважды в год зачитывали на вавилонских религиозных праздниках.

НИНЕВИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА АШШУРБАНИПАЛА

Библиотека Ашшурбанипала была открыта в 1850 г. при раскопках Куюнджика, одного из теллей на месте древней Ниневии (рис. 38). Многие считают, что именно это событие ознаменовало собой рождение ассириологической науки. Действительно, количество найденных текстов (более 30 тыс. табличек и фрагментов) и высокая степень разнообразия их содержания позволили значительно расширить корпус известных к тому времени произведений. Только пятая часть найденного представлена архивными документами (письма, административные и юридические тексты и др.), тогда как все остальное – это «литературные» тексты.

История открытия

Археологов XIX в. больше интересовало количество найденных табличек, предназначавшихся для Британского музея, нежели их точное происхождение: дошедшие до нас сведения о местах находок текстов очень скудны. Тем не менее некоторые факты известны доподлинно⁵⁸⁰. Следующая история доказыва-

ет, что упорство – главное качество археолога. Раскопки Ниневии первым начал П.-Э. Ботта в 1842 г., однако, не найдя почти ничего, он перенес свою экспедицию в Хорсабад, где добился больших успехов. Но если бы он продолжил работать в Ниневии, находки, сегодня составляющие гордость Британского музея, оказались бы в Лувре... Экспедиция Лэйарда в Куюнджике обнаружила первые таблички в мае 1850 г. в помещениях 40–41 и коридоре 49 юго-западного дворца, построенного при Синаххерибе и восстановленного при Ашшурбанипале: находка была доставлена в Лондон в 1851 г. О. Рассам, руководивший раскопками северного дворца Ашшурбанипала, в 1853 г. нашел еще одну серию текстов, поступившую в Британский музей в 1854 г. К несчастью, инвентаризация находок – более 20 тыс. табличек – проходила в трудных условиях, и тексты из двух дворцов перемешались. По всей вероятности, в обоих случаях библиотечные тексты были найдены вместе с архивными документами. Обычно считается, что причиной этого стало разграбление Ниневии мидянами, захватившими и разрушившими город в 612 г. до н. э.; недавно было высказано предположение, что таблички разных типов смешались из-за обрушения второго этажа юго-западного дворца⁵⁸¹.

История получила продолжение 20 лет спустя после выдающегося открытия Дж. Смита: ученый, в то время работавший ассистентом в Британском музее, обнаружил текст вавилонской легенды о Потопе⁵⁸². Составляя каталог табличек, Дж. Смит обратил внимание на серию фрагментов мифологического содержания, один из которых представлял особый интерес:

«Разглядывая низ третьего столбца, я увидел слова о том, что корабль потерпел крушение на горах Низир, а затем рассказ о выпущенной голубке, которая не нашла места, где усесться, и вернулась на корабль. Я сразу понял, что открыл по крайней мере часть халдейского [вавилонского] повествования о Потопе. Тогда я занялся чтением всей таблички и установил, что текст имеет форму рассказа пережившего Потоп, обращенного к человеку по имени Издубар [так в то время читали имя "Гильгамеш"]. Я вспомнил о табличке K.231 с легендой (ее героем был тот же Издубар), которая, как по-

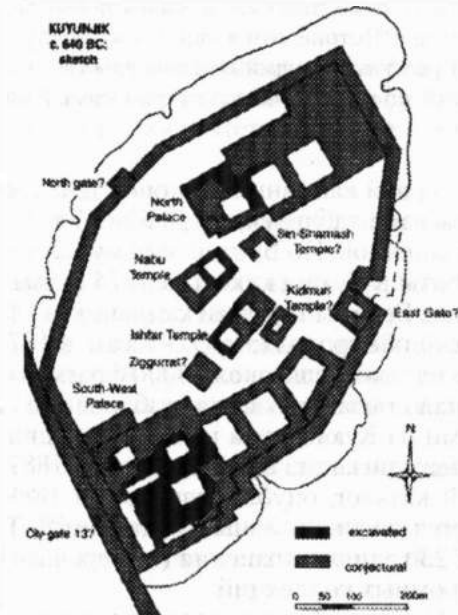

Рис. 38 – План акрополя Ниневии. «Библиотечные» таблички происходят в основном из юго-западного (South-West Palace) и северного (North Palace) дворцов.

казало сравнение, принадлежала к той же серии, и начал искать недостающие фрагменты табличек. [Далее Дж. Смит описывает трудности, с которыми была сопряжена эта задача]. Тем не менее поиск принес свои плоды: я нашел фрагмент еще одной копии рассказа о Потопе, снова упоминающий о выпущенных птицах, и постепенно собрал другие фрагменты этой таблички, соединяя их до тех пор, пока не удалось почти полностью восстановить второй столбец. Позднее обнаружили фрагменты третьей копии, которые составили большую часть первого и шестого столбцов. В таком состоянии повествование о Потопе было представлено мной на заседании Общества библейской археологии 3 декабря 1872 г. [Далее Дж. Смит рассказывает об инициативе собственников газеты «Дейли Телеграф», которая позволила возобновить раскопки в Куюнджике]. Вскоре после начала раскопок в Куюнджике, на

месте дворца Ашшурбанипала, я нашел новый фрагмент халдейского рассказа о Потопе, относящийся к началу первого столбца таблички и рассказывающий о строительстве и заполнении ковчега, который почти полностью закрыл самый важный пробел в этой истории».

Во время первой кампании раскопок Дж. Смит обнаружил около 300 фрагментов табличек, и «Дейли Телеграф» посчитал его миссию выполненной. Но Британский музей помог Дж. Смицу возобновить работы в Куюнджике, и в 1874 г. там было найдено еще 2300 табличек. Во время третьей кампании, в 1876 г., Дж. Смит скончался, и раскопки продолжил О. Рассам: в 1878–1880 гг. ему удалось извлечь из земли еще около 3000 фрагментов. В эти годы в Лондон поступало также множество табличек из Вавилона, и работа над текстами из Куюнджика почти не продвигалась. Систематическую инвентаризацию находок начал в 1887 г. К. Бецольд, чей пятитомный каталог, опубликованный в 1889–1899 гг., по-прежнему остается очень полезным изданием⁵⁸³. Тогда собранию насчитывало 14 230 единиц хранения (номера на «К.») не считая других более скромных коллекций.

В 1903 г. в Ниневию была направлена экспедиция во главе с Л. Кингом и К. Томпсоном, которые привезли из Ирака еще около 850 табличек. Они перечислены в первом томе дополнения к каталогу К. Бецольда вместе с не учтенными ранее фрагментами из старой коллекции⁵⁸⁴.

К. Томпсон возобновил раскопки в Ниневии в 1927–1932 гг. в надежде обнаружить библиотеку храма Набу, о существовании которой свидетельствовали многочисленные колофоны найденных ранее табличек. Археолог смог идентифицировать фундамент самого здания, но лишь три из обнаруженных им табличек содержат указания о принадлежности к собранию храма Набу. Остальные 1200 текстов и фрагментов, которые К. Томпсон доставил в Лондон, происходят с разных участков раскопок. Каталог этого собрания был опубликован только в 1968 г.⁵⁸⁵ Наконец, около 500 фрагментов, неожиданно найденных в одном из шкафов в Британском музее, были описаны в третьем и последнем дополнении к каталогу Бецольда⁵⁸⁶. К 1997 г. последняя табличка в коллекции

имела номер К.22247, а общее число текстов в малых собраниях составляло 9102⁵⁸⁷.

Итак, мы видим, что собрание табличек из Ниневии оказалось в полном беспорядке, что связано как с условиями их хранения в древности, так и с обстоятельствами их открытия.

Колофоны Ашшурбанипала

Наши знания о «библиотеке» Ашшурбанипала во многом почерпнуты из колофонов найденных в Куюнджике табличек⁵⁸⁸. Известно более 20 типов таких колофонов⁵⁸⁹. Самый краткий из них представляет собой простой знак собственности, иногда отпущенный на табличках посредством особой матрицы⁵⁹⁰:

«Дворец Ашшурбанипала, царя Вселенной, царя Ассирии».

В других колофонах дается развернутая титулатура и генеалогия правителя и говорится о его преданности богу письменности Набу⁵⁹¹:

«Дворец Ашшурбанипала, царя Ассирии, сына Асархаддона, царя Вселенной, царя Ассирии, наместника Вавилона, царя страны Шу-мера и Аккада, царя царей Куша и Муцура (Нубии и Египта), царя четырех сторон света, сына Синаххериба, царя Вселенной, царя Ассирии, – того, кто верен Ашшуру и Мулиссе, Набу и Ташмету. Верный тебе не узнает стыда, о Набу!».

Некоторые колофоны подчеркивают роль царя в строительстве его собственной библиотеки⁵⁹²:

«Дворец Ашшурбанипала, великого царя, могучего царя, царя Вселенной, царя Ассирии, чьи глаза подобны глазам Мардука, царя богов, к кому Набу и Ташмету проявили сочувствие и кого воспитали как отец и мать. Он написал (эту табличку), сличил ее и сохранил в своем дворце, чтобы сверяться с ней и читать ее. Верный тебе не узнает стыда, о Набу!».

месте дворца Ашшурбанипала, я нашел новый фрагмент халдейского рассказа о Потопе, относящийся к началу первого столбца таблички и рассказывающий о строительстве и заполнении ковчега, который почти полностью закрыл самый важный пробел в этой истории».

Во время первой кампании раскопок Дж. Смит обнаружил около 300 фрагментов табличек, и «Дейли Телеграф» посчитала его миссию выполненной. Но Британский музей помог Дж. Смицу возобновить работы в Куюнджике, и в 1874 г. там было найдено еще 2300 табличек. Во время третьей кампании, в 1876 г., Дж. Смит скончался, и раскопки продолжил О. Рассам: в 1878–1880 гг. ему удалось извлечь из земли еще около 3000 фрагментов. В эти годы в Лондон поступало также множество табличек из Вавилона, и работа над текстами из Куюнджика почти не продвигалась. Систематическую инвентаризацию находок начал в 1887 г. К. Бецольд, чей пятитомный каталог, опубликованный в 1889–1899 гг., по-прежнему остается очень полезным изданием⁵⁸³. Тогда собрание насчитывало 14 230 единиц хранения (номера на «К.») не считая других более скромных коллекций.

В 1903 г. в Ниневию была направлена экспедиция во главе с Л. Кингом и К. Томпсоном, которые привезли из Ирака еще около 850 табличек. Они перечислены в первом томе дополнения к каталогу К. Бецольда вместе с не учтенными ранее фрагментами из старой коллекции⁵⁸⁴.

К. Томпсон возобновил раскопки в Ниневии в 1927–1932 гг. в надежде обнаружить библиотеку храма Набу, о существовании которой свидетельствовали многочисленные колофоны найденных ранее табличек. Археолог смог идентифицировать фундамент самого здания, но лишь три из обнаруженных им табличек содержат указания о принадлежности к собранию храма Набу. Остальные 1200 текстов и фрагментов, которые К. Томпсон доставил в Лондон, происходят с разных участков раскопок. Каталог этого собрания был опубликован только в 1968 г.⁵⁸⁵ Наконец, около 500 фрагментов, неожиданно найденных в одном из шкафов в Британском музее, были описаны в третьем и последнем дополнении к каталогу Бецольда⁵⁸⁶. К 1997 г. последняя табличка в коллекции

имела номер К.22247, а общее число текстов в малых собраниях составляло 9102⁵⁸⁷.

Итак, мы видим, что собрание табличек из Ниневии оказалось в полном беспорядке, что связано как с условиями их хранения в древности, так и с обстоятельствами их открытия.

Колофоны Ашшурбанипала

Наши знания о «библиотеке» Ашшурбанипала во многом почерпнуты из колофонов найденных в Куюнджике табличек⁵⁸⁸. Известно более 20 типов таких колофонов⁵⁸⁹. Самый краткий из них представляет собой простой знак собственности, иногда отгиснутый на табличках посредством особой матрицы⁵⁹⁰:

«Дворец Ашшурбанипала, царя Вселенной, царя Ассирии».

В других колофонах дается развернутая титулатура и генеалогия правителя и говорится о его преданности богу письменности Набу⁵⁹¹:

«Дворец Ашшурбанипала, царя Ассирии, сына Асархаддона, царя Вселенной, царя Ассирии, наместника Вавилона, царя страны Шумера и Аккада, царя царей Куша и Муцура (Нубии и Египта), царя четырех сторон света, сына Синаххериба, царя Вселенной, царя Ассирии, – того, кто верен Ашшуру и Мулиссе, Набу и Ташмету. Верный тебе не узнает стыда, о Набу!».

Некоторые колофоны подчеркивают роль царя в строительстве его собственной библиотеки⁵⁹²:

«Дворец Ашшурбанипала, великого царя, могучего царя, царя Вселенной, царя Ассирии, чьи глаза подобны глазам Мардука, царя богов, к кому Набу и Ташмету проявили сочувствие и кого воспитали как отец и мать. Он написал (эту табличку), сличил ее и сохранил в своем дворце, чтобы сверяться с ней и читать ее. Верный тебе не узнает стыда, о Набу!».

В начале всех этих колофонов указывается, что табличка принадлежит «дворцу Ашшурбанипала». Далее иногда уточняется, что царь велел доставить текст во дворец для чтения⁵⁹³, а именно дословно: «для моего царского чтения» (*ana tāmarti šarrūtiya*), «для чтения (про себя) и зачитывания мне (вслух)» (*ana tāmarti šitassiya*), «для просмотра» (*ana tāmriytiya*) или, в третьем лице, «для сверки (во время) ее зачитывания» (*ana taḥsisti šitassišu*). Вывод лежит на поверхности: мы имеем дело с личной библиотекой Ашшурбанипала, который, конечно, не забывал о том, что он – царь Ассирии, но в остальном вел себя как любой другой эрудит того времени. Ни в одном из колофонов не говорится о «библиотеке» (*girginakku*) царского дворца – как мы увидим ниже, этот термин применялся только к собранию табличек храма Набу.

Библиотека как средство контроля и защиты

Согласно определению Л. Оппенгейма, библиотека Ашшурбанипала существовала прежде всего для того, чтобы заклинатели, гадатели и врачи из окружения царя могли выполнять свою функцию – защищать царскую особу от всевозможных несчастий. Поэтому знания, содержащиеся в библиотечных текстах, имели главным образом религиозную природу.

Такая ориентация отразилась уже на составе библиотеки⁵⁹⁴, хотя само его выяснение осложняется целым рядом факторов. Прежде всего следует оценить, какую долю найденные таблички составляют по отношению к «библиотечным фондам» древней Месопотамии. К счастью, в то время переписчики «литературных» текстов еще не использовали папирус и пергамент, поэтому библиотека не пострадала от потерь, связанных со старением писчего материала, как это происходит в современных архивах. Впрочем, многие произведения сохранялись на дощечках из дерева или слоновой кости, покрытых воском, которые, разумеется, не дошли до нашего времени (рис. 39). Наконец, сами глиняные таблички были найдены в плачевном состоянии: большинство из них разбилось на многочисленные фрагменты (до 60 в отдельных случаях). Постоянно ведется реконструкция табличек: к настоящему време-

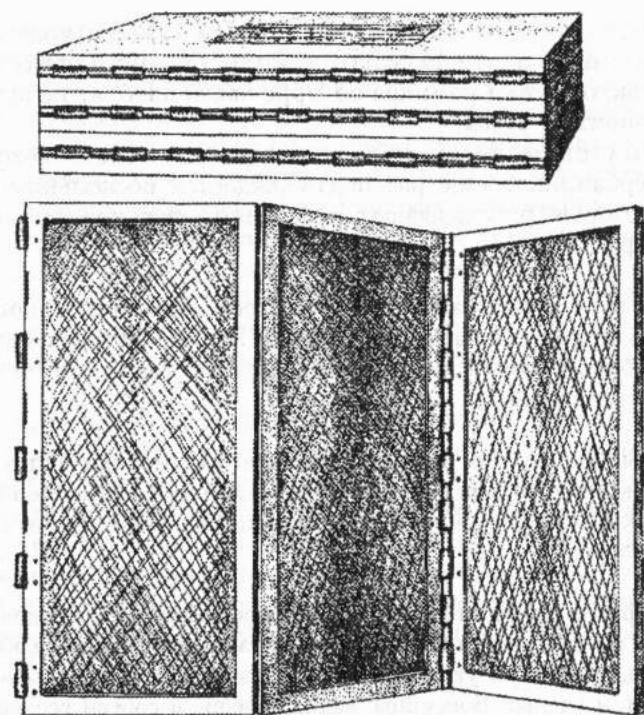

Рис. 39 – Графическая реконструкция приспособления для письма из Нимруда. Исключительная находка фрагментов полиптиха из слоновой кости была сделана в колодце, где влажность позволила им сохраниться до наших дней. С внешней стороны первой дощечки было вырезано: «Дворец Саргона». Текст, написанный на воске, принадлежал к астрологической серии *Enūma Anu Enlil*.

ни число «джойнов» составило 5321, но работа еще очень далека от завершения. Несмотря на все это мы можем в общих чертах представить себе состав библиотеки: около четверти текстов относились к гадательной практике, 20% табличек содержали описания обрядов, заклинания и молитвы, еще 20% представляли собой лексикографические сочинения. Тексты, прославившие библиотеку Ашшурбанипала – например, эпос о Гильгамеше с рассказом о Потопе, – составляют не более 40 табличек. Впрочем, нельзя

забывать, что тексты, которые мы считаем «литературными произведениями», на деле нередко служили для чисто практических целей: так, отрывки из мифа об Эрре часто находят на амулетах, защищавших от чумы⁵⁹⁵.

Отсутствие какой-либо «энциклопедической» мотивации у Ашшурбанипала еще раз подтверждается несколькими письмами, которые рассказывают о создании царской библиотеки, например⁵⁹⁶:

«Я буду читать таблички перед царем, моим господином, и все, что понравится царю, помещу туда. Все, что не понравится царю, я уберу. Таблички, о которых я говорю, достойны того, чтобы храниться вечно».

Мы видим, что при составлении библиотеки велся отбор, хотя его критерии здесь не объясняются. Сам правитель посылал чиновнику, служившему в городе Борсиппа в Вавилонии, следующие указания⁵⁹⁷:

«Приказ царя для Шадуну. Я в добром здравии, будь доволен! В тот же день, когда прочитаешь эту табличку, возьми с собой Шумая, сына Шум-укина, его брата Бель-этира, Аплая, сына Арката, и ученых Борсиппы, каких знаешь, и собери все таблички, какие есть в их домах и находятся в Эзиде (храм Набу). Отыщи мне таблички с амулетами для царя (...) четыре амулета для изголовья и изножья царской постели»; обряд «Стена из дерева *ēru* для изголовья царской постели; заклинания «Пусть Эа и Асаллухи применят для меня всю свою мудрость» (...) и все, что может понадобиться во дворце, а также редкие таблички, какие известны вам, но отсутствуют в Ассирии, и отправь их мне. Я уже написал управляющему храма и наместнику, чтобы никто не отказывал вам в табличках ни в одном из домов, куда вы будете заходить. И если вы найдете таблички или обряды, о каких я не упоминал, но годные для моего дворца, то заберите их и отправьте мне!».

Удивительным образом до нас дошел и ответ ученых из Борсиппы на это (или аналогичное) послание царя⁵⁹⁸:

«Преданные жители Борсиппы собираются отправить царю, их господину, ответ на следующее послание: “Перепишите все, что относится к письменности в сокровищнице Набу, и отправьте мне!”. Может быть, царь полагает, что мы, подобно вавилонянам, уклоняемся (от этого приказа) хитрыми речами. Мы не уклоняемся от приказа царя. Мы будем тяжело трудиться день и ночь, чтобы выполнить указания царя, нашего господина: мы будем писать на дощечках из дерева *musukkannu* и вскоре пришлем ответ. Но что касается дощечки с шумерским словником, о которой ты писал, то она есть только в Эсагиле (храм Мардука в Вавилоне). Пусть их расспросят перед царем, моим господином, проведут дознание: [ты мог бы] написать об этом жителям Вавилона».

Мы не знаем, насколько искренне жители Борсиппы «не поняли» полученный приказ: в их ответе речь идет об отправке копий, тогда как распоряжение царя требовало прислать оригиналы. Во всяком случае текст свидетельствует о соперничестве между учеными Борсиппы и Вавилона. Другой документ – копия письма Ашшурбанипала, датирующегося началом его правления, – упоминает о просьбе скопировать тексты для царя, обращенной к вавилонским ученым; для оплаты их труда были выделены немалые средства⁵⁹⁹.

Каталоги

Каталог – один из главных атрибутов библиотеки. Известно, что в фондах Ниневии существовали по меньшей мере «списки новых приобретений» (если пользоваться современной терминологией). Они подтверждают сведения, содержащиеся в вышеупомянутых письмах: Ашшурбанипал попросту решил собрать в столице таблички из библиотек, принадлежавших грамотным людям его царства⁶⁰⁰.

Три найденных списка охватывают около двух тысяч табличек и трехсот «дощечек» (*lē'u*) и подтверждают, что для «изящной словесности» (мифы, эпос и т. п.) в библиотеке почти не нашлось места: к этому жанру в списках принадлежат всего десять табличек. Большинство текстов относятся к искусству заклинания,

астрологии, тератологии, гаданию по природным знамениям, медицине, толкованию снов и гепатоскопии. Похоже, основная часть табличек, перечисленных в каталогах, происходила из Вавилона: ниневийская библиотека содержит множество текстов, написанных вавилонской письменностью, которая в то время заметно отличалась от ассирийской⁶⁰¹.

Каталоги подразделяются на 23 раздела, каждый из которых соответствует табличкам и дощечкам, происходящим из одной частной библиотеки, и насчитывает от 2 до 435 текстов. Очевидно, что собрания конфисковывались не полностью, иначе ученые не смогли бы продолжить свою деятельность. Но то, что большинство из этих ученых были вавилонянами, а также дата создания каталогов (647 г. до н. э.) помогают понять: таблички по сути были частью военной добычи, захваченной после победы Ашшурбанипала над восставшим Вавилоном. Впрочем, в царскую библиотеку поступали и таблички из ассирийских собраний: часть из них была скопирована в Кальху писцом по имени Набу-зукуп-кена в 716–683 гг. до н. э. Некоторые из этих табличек сын писца Адад-шум-уцур более или менее добровольно «подарил» царю, тогда как другие остались в Кальху, где их и обнаружили при раскопках.

Копирование рукописей

Царь не стал ограничиваться тем, что приказал свезти таблички в столицу; он велел также изготовить копии множества текстов. Об этом свидетельствуют колофоны некоторых табличек, переписанных специально для царской библиотеки⁶⁰²:

«Дворец Ашшурбанипала, царя Вселенной, царя Ассирии, которому боги Набу и Ташмету дали великий разум⁶⁰³, тому, кто обладает ясным взором. Самое сложное в искусстве писца, дело, которое не смог постичь ни один из прежних царей, лечение всего тела от чела до ногтей, выдержки из канонических серий, искусное учение, великое целительство Нинурты и Гулы, все что ни на есть – я записал это на таблички, проверил и сличил, и для чтения и зачитывания поместил их в мой дворец».

Конечно, на самом деле царь *приказал* сделать копии табличек. Таковы были риторические правила эпохи: если понимать царские надписи буквально, окажется, что царь лично прокопал каналы через горы для снабжения Ниневии водой и т. п. Месопотамские писцы не знали чувства, подобного нашей «библиофилии»: найдя интересную древнюю табличку, они копировали ее содержание и больше не возвращались к оригиналу. Так, некий Ашареду писал Ашшурбанипалу⁶⁰⁴:

«Табличка, которой пользуется царь, повреждена и неполна. Поэтому я приказал доставить из Вавилона старинную табличку, которой пользовался царь Хаммурапи (и) надпись времен до царя Хаммурапи».

Ценность имел текст, а не сама рукопись: Ашареду доставил из Вавилона не оригинал «старинной таблички», а выполненный им список. О том же говорит письмо некоего Аккулану, который копировал на глиняные таблички тексты с вавилонских и ассирийских писчих дощечек⁶⁰⁵. Примечательно, что писцы, которым Ашшурбанипал поручил составление своей библиотеки, не ограничивались точным копированием оригинала, но выполняли настоящую *редакторскую* работу. Лучше всего это видно на примере гадательных текстов: именно тогда возникла классическая версия серии «гаданий» (*bārûtu*), куда были добавлены предсказания, в которых царь предстает справедливым и блистательным правителем⁶⁰⁶.

Таблички из храма Набу

Некоторые из колофонов указывают, что в Ниневии, помимо дворцовой библиотеки, существовало собрание табличек в храме Набу⁶⁰⁷:

«Мудрость Эа, искусство плакальщиков, тайну мудрецов, что предназначена для умиротворения сердца великих богов, согласно спискам из Ассирии и Вавилонии я переписал на таблички,

проверил, сличил и поместил в библиотеку (*girginakku*) Эзиды, храма бога Набу, моего господина, в Ниневии. О Набу, царь совокупности неба и земли, взгляни на эту библиотеку благосклонно и каждый день благословляй Ашшурбанипала, твоего слугу, почитающего твою божественность, и я буду непрерывно восхвалять твою божественность».

Очевидно, что эта библиотека функционировала на двух уровнях: на практике она предоставляла ученым из царского окружения необходимые для их работы справочные материалы, но с символической точки зрения представляла собой приношение богу Набу, который взамен должен был защищать правителя.

Выводы

Итак, Ашшурбанипал вовсе не был предтечей «просвещенных монархов» Нового времени – создание ниневийской библиотеки никак не связано с тягой к энциклопедическому знанию. Конечно, во многих надписях царь похвывается своим умением читать и писать (см. гл. 1): очевидно, что Ашшурбанипал получил блестящее образование еще до того, как был избран наследником престола, и никогда не переставал интересоваться «искусством писца». Этот мотив надписей имеет в то же время и символическое значение: царь должен был иметь представление обо всех областях знания, в том числе в письменности. Правитель считался одновременно искусным писцом и прекрасным воителем – об этом говорится, например, в надписи, которая рассказывает об обучении Ашшурбанипала после того, как отец назначил его наследником⁶⁰⁸.

«В ликовании и радости в покои престольные я вступил, в место великолепное, средоточие царства, где Синаххериб, отец отца моего, предок мой, престолонаследником был, царствование исполнял там; где Асархаддон, отец-родитель мой, родился, вырос и над Ассирией властвовал (...) и я, Ашшурбанипал, в покоях сих мудрость бога Набу приобрел, все искусство писцов, все ремесла, все зна-

ния, которые существуют, – изучил, из лука стрелять я научился, а также ездить верхом и стоя на колеснице держать вожжи».

Иными словами, Ашшурбанипал не был «покровителем словесности и искусств», основавшим в Ниневии интеллектуальный центр своей эпохи. Он всего лишь нуждался в справочных материалах, которые позволили бы лично проверять суждения гадателей и других ученых на царской службе. Интерес царя к искусству гадания не был чем-то новым: еще в начале II тыс. до н. э. такие правители, как Шамши-Адад и его сын Ишме-Даган, со знанием дела обсуждали толкование предсказаний⁶⁰⁹. Но Ашшурбанипал поднял этот интерес на новый уровень, о чем он с гордостью сообщает в своих надписях.

Библиотеки до Ашшурбанипала

Ашшурбанипал был не первым ассирийским царем – основателем библиотеки. В Кальху найдена дощечка с текстом астрологического предсказания. На ее рамке, сделанной из слоновой кости, указано: «Дворец Саргона» (рис. 36). Вероятно, «библиотека» существовала во дворце ассирийской столицы уже в эту эпоху. Письма времен Асархаддона также свидетельствуют о том, что царь занимался собиранием рукописей⁶¹⁰.

В то же время все приводимые в ассириологической литературе примеры царских библиотек, относящихся к III или II тыс. до н. э., либо недостаточно надежны, либо ошибочны. Один из них – библиотека царя III династии Ура Шульги. Гипотеза о ее существовании действительно кажется привлекательной, поскольку Шульги первым из месопотамских правителей стал похваляться своим умением читать: возникает соблазн считать его предтечей Ашшурбанипала. Некоторые ученые предполагают, что «библиотека» (*gir.gin.na*) Шульги представляла собой собрание табличек с гимнами, которыми пользовались музыканты⁶¹¹. Но недавно для термина *gir.gin.na* было предложено иное толкование, которое полностью разрушает гипотезу о библиотеке, основанной Шульги⁶¹².

На самом деле, древнейшая из царских библиотек, существование которой не подлежит сомнению, появилась за пределами Месопотамии – в Анатолии, где находились архив и библиотека хеттских царей⁶¹³. Собрание табличек в столице Хеттского царства Хаттусе было, без сомнения, создано прежде всего с религиозными целями: основную его часть составляют обрядовые тексты. В 1953 г. Э. Вайднер высказал предположение, согласно которому первая царская библиотека в Ассирии возникла за несколько столетий до Ашшурбанипала, в правление Тиглатпаласара I (1114–1076 гг. до н. э.), но сегодня эта гипотеза ставится под сомнение. Известно около 600 табличек, которые могли бы принадлежать к этому собранию: многие из них написаны детьми одного из царских писцов, другие – различными специалистами (гадателями, заклинателями и др.), и вполне возможно, что на самом деле эти тексты происходят из хранилища рукописей какой-нибудь семьи⁶¹⁴.

ФОНДЫ РУКОПИСЕЙ В ЧАСТНЫХ ДОМАХ

Существовали ли в Месопотамии «частные библиотеки»? Если строго придерживаться данного выше определения, то придется признать полное отсутствие «упорядоченных собраний произведений», предназначенных для семейного пользования. Двадцать лет назад я предложил ввести в ассириологический обиход более точное понятие «фонды рукописей», которое один медиевист определяет как «очень близкое к понятию архивных фондов: фонды рукописей представляют собой собрание книг или рукописных документов, интересных для интеллектуальной истории – в самом широком смысле – коллектива, семьи или людей, которые их скопировали, заказали копирование, получили в качестве вознаграждения или просто собрали воедино»⁶¹⁵. Этому определению во многом отвечает «библиотека» Ашшурбанипала. Тот факт, что рукописи были найдены вперемешку с архивными документами, подтверждает предложенную мной идентификацию. Так

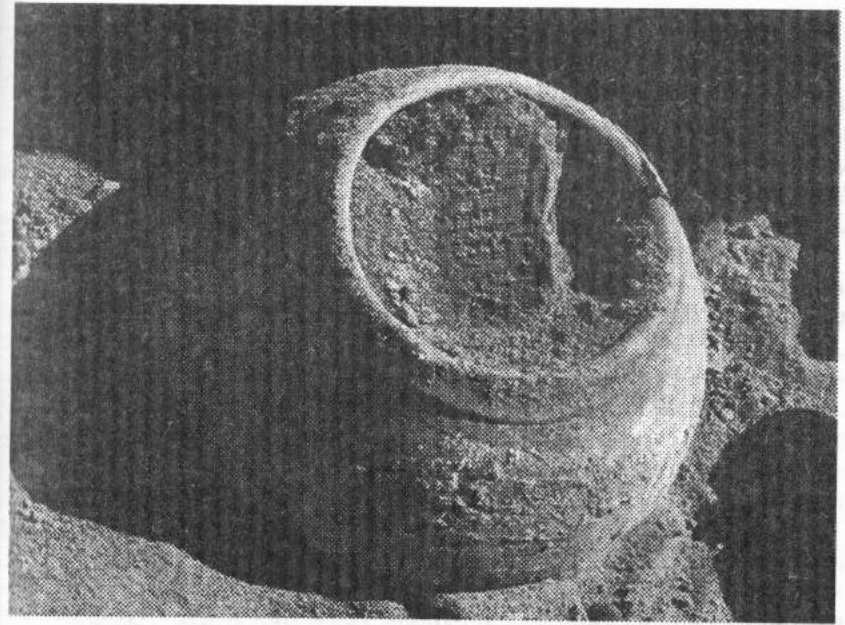

Рис. 40 – Сосуд с табличкой с любовными заклинаниями, найденный в доме главного плакальщика в Исине (Старовавилонский период).

или иначе, все известные «частные библиотеки» Месопотамии на деле представляют собой именно фонды рукописей.

Старовавилонский период

Я уже рассказывал об открытиях в старовавилонском Уре, где в домах служителей храма Нанны-Сина были найдены архивы и фонды рукописей XVIII в. до н. э.⁶¹⁶; ниже мы увидим, что подобные находки происходят также из Ниппура, а также, в меньших количествах, из других городов (рис. 40). Одно из самых интересных открытий было сделано в области среднего течения Диялы, при раскопках городища Тель-Хаддад (древний Ме-Туран)⁶¹⁷. Если «литературные» тексты были обнаружены по всему городищу, то

магические сочинения – только на участке Area II, где, скорее всего, находился частный дом. Возможно, он принадлежал заклинателю, но его имени мы пока не знаем, поскольку серьезного анализа архивных документов из этого здания еще не проводилось. Многие проблемы пока остаются не решенными. Так, П. Михаловский констатирует, что «в Старовавилонский период магические тексты редко встречаются на юге Месопотамии, однако здесь, в Ме-Туране, они были обнаружены в том же доме, что и “литература”» и задается вопросом: «Возможно ли, что это собрание – первая известная нам профессионально-справочная библиотека?»⁶¹⁸. К слову, почти все тексты из этого здания написаны на шумерском языке, что еще раз указывает на распространение «классической» шумерской культуры далеко за пределы Шумера.

Вторая половина II тысячелетия до н. э.

В Вавилонии второй половины II тыс. до н. э. не найдено почти никаких свидетельств о существовании библиотек. Это, без сомнения, археологическая случайность: известно, что в эту эпоху грамотные люди вели активную деятельность и, в частности, началось составление многих «классических» серий. Станным образом, все известные библиотеки того времени были найдены далеко на западе, в Сирии – это несколько собраний в Угарите и одно в Рап’ану, а также более недавние открытия (1972–1976 гг.) в Эмаре на Евфрате⁶¹⁹, где множество «библиотечных» текстов обнаружено в здании М₁⁶²⁰. Назначение этого здания вызывает оживленные споры: руководитель раскопок считал его «храмом гадателя», но эта гипотеза полностью противоречит как сирийским, так и месопотамским традициям. С архитектурной точки зрения здание представляет собой обычный жилой дом: вероятно, в нем находились архивы семьи гадателя и тексты, связанные с профессиональной деятельностью этой семьи.

I тысячелетие до н. э.

Когда царь Ашшурнацирапал II перенес столицу Ассирии в Кальху (Нимруд), город Ашшур потерял свое политическое значение, но оставался важнейшим религиозным центром вплоть до его разрушения мидянами в 614 г. до н. э. В городе был найден дом семьи заклинателей, живших в VII в. до н. э., где сохранились богатые фонды рукописей, принадлежавших Кицир-Ашшуру, а также его сыну и одному из племянников. Всего в здании при первых раскопках (а также в 1990-е годы) обнаружено около 1200 табличек и фрагментов⁶²¹, содержащих главным образом обряды, заклинания и медицинские сборники, т. е. тексты, имевшие непосредственное отношение к роду занятий владельцев. Кроме того, среди табличек есть записи молитв, исторические, литературные и лексические сочинения. Другая подобная библиотека, принадлежавшая Курди-Нергалу, была найдена в 1951 г. англо-турецкой экспедицией в Султан-тепе (древняя Хуцирина)⁶²².

Эти фонды рукописей в значительной степени составлялись из копий текстов, выполненных владельцами во время их обучения письму. Когда нам известна их специальность, мы видим, что ученики копировали как напрямую относящиеся к ней тексты, так и другие произведения: нельзя забывать, что для древних различные дисциплины сливались в единую «мудрость»⁶²³, которой ведали боги Эа и Набу. Поэтому в своей работе владельцы собраний пользовались далеко не всеми табличками, и Ашшурбанипал смог без больших затруднений конфисковать часть фондов рукописей у вавилонских ученых: им пришлось отдать только те таблички, которые не были связаны с их профессией⁶²⁴.

ХРАМОВЫЕ БИБЛИОТЕКИ

Оценка роли храмов в создании и сохранении письменной традиции в Месопотамии сталкивается со многими затруднениями. Одно из них заключается в том, что нам крайне редко

известен точный археологический контекст найденных табличек. Кроме того, те случаи, когда тексты бесспорно происходят из здания храма, показывают, что принадлежность таблички к храмовой библиотеке никогда не указывалась в колофонах. Таким образом, таблички невозможно отнести к тому или иному храму по их содержанию.

Псевдобibliothеки храмов II тысячелетия до н. э.

Часто пишут, что храмовые библиотеки существовали в Вавилонии уже в Старовавилонский период, в частности в городах Ниппур и Шадуппум, однако все подобные примеры в действительности представляют собой ошибки интерпретации. Самый известный из таких случаев – «библиотека» Ниппура, найденная, как считал Х. Хильпрехт, в храме Энлиля начала II тыс. до н. э. (именно важностью сделанного Хильпрехтом открытия объясняется характерный для его работ энтузиазм)⁶²⁵. Но дальнейшие исследования показали, что этот богатый находками участок, получивший при раскопках название *Tablet Hill* («Холм табличек»), на самом деле представлял собой жилой квартал: обнаруженные здесь многочисленные «литературные» тексты оказались упражнениями учеников, которые со времен Самсу-илуны занимались в частных домах представителей духовенства⁶²⁶. Это объяснение приводит к очень важным выводам: очевидно, что сознательного стремления «спасти шумерскую литературу от забвения» никогда не существовало; более того, эта «литература» была прежде всего устной⁶²⁷. Корпус произведений на шумерском языке дошел до нас исключительно благодаря учебным копиям: до сих пор не найдено ни одной рукописи, которую можно было бы считать качественно выполненным «учительским экземпляром»! По этой причине современные издания шумерских текстов не могут опираться на так называемые «стеммы», как это делается в случае с копиями античных произведений: экземпляры имеющихся в нашем распоряжении шумерских произведений чаще всего представляют собой не копии других рукописей, а записи текстов по памяти или под диктовку учителя. Позднее ситуация изменится.

Нередко в литературе упоминается библиотека храма Нисабы и Хайи в Шадуппуме⁶²⁸. В действительности часть табличек этого собрания происходит из главного храма города, посвященного богу-покровителю Шадуппума Бель-гашеру⁶²⁹.

Храмы Набу: библиотеки или хранилища приношений?

Покровительницей шумерских писцов была богиня Нисаба: считалось, что она дарует мудрость и направляет руку писца. Часто случалось, что ученик, переписавший текст по заданию учителя, заканчивал копию краткой доксологией *‘nisaba za.mi* («хвала Нисабе»). В некоторых доксологиях спутником Нисабы называется бог Хайя. Только начиная со второй половины II тыс. до н. э. в семьях писцов засвидетельствованы посвящения Набу, сыну Мардука и городскому богу Борсиппы, который позднее превратился в покровителя всех писцов⁶³⁰; начиная с касситской эпохи символическим изображением Набу стал стиль, атрибут его главной функции. Среди учеников распространился обычай посвящать этому богу таблички, подобно тому, как раньше они приносились в дар Нисабе и Хайе (рис. 41)⁶³¹.

Храм Набу в Кальху (Нимруде)

Раскопки храма Набу в Кальху (Нимруде) велись в 1955–1957 и 1985–1986 гг. Напротив целл Набу и Ташмету, с другой стороны двора, были обнаружены три помещения, обозначенные как NT11, NT12 и NT13: именно в них были обнаружены многочисленные «литературные» таблички. Скорее всего, первоначально библиотекой служило помещение NT12 размерами 8×4 м, располагавшееся прямо напротив входа в целлу Набу и построенное, вероятно, во время реконструкции храма по приказу Адад-нирари III около 800 г. до н. э. В первый раз храм был разрушен во время разграбления Кальху между 616 и 612 г. до н. э. К несчастью, в Ахеменидскую эпоху на этом месте были вырыты ямы: прекрасная новоассирийская библиотека, скрытая под развалинами здания, превратилась в груду более или менее поврежденных фрагментов,

которые и были найдены в помещении NT12 и по соседству с ним. Очевидно, что у нас нет никаких сведений о том, каким образом таблички сохранялись в храме. Зеркально противоположный случай связан с храмом Набу в Дур-Шаррукине (Хорсабад), где были обнаружены помещения с нишами для хранения табличек – увы, уже пустыми (рис. 42)⁶³².

Библиотека в Кальху обладала классическим составом⁶³³. Как и следовало ожидать, львиная доля табличек приходилась на гадательные тексты: астрологические (№ 1–30) и тератологические (31–35) предсказания, знамения из повседневной жизни (36–49), гемерологии и менологии (50–60), гадания по внутренностям (61–63), «медицинские» предсказания (64–69), физиогномические сочинения (70–79) и другие типы гадательных текстов (64–69, 80–89). Кроме того, в библиотеке имелись магические и медицинские тексты (90–164), молитвы и гимны (165–184), обряды (185–190) и т. д. «Литературные» произведения (197–207) составляли меньшинство, особенно в сравнении с примерной равной по объему библиотекой из Султан-тепе. Наконец, немалую часть собрания образовывали лексические списки (208–245). Ни у одной из этих табличек нет колофона, который указывал бы на принадлежность храму Набу: все сохранившиеся колофоны называют имена заклинателей и писцов, многие из которых были членами семьи Набу-зукуп-кена.

Храм Набу ša ħarê в Вавилоне

В этом храме не было найдено ничего, кроме посвященных табличек, а также текста новогоднего обряда, обнаруженного в печи помещения 15, и молитвы богу Эа⁶³⁴. Эти находки не имеют ничего общего с тысячами табличек-упражнений, найденными под полом того же здания (см. гл. 2) и, вероятно, представляют собой единственные следы утраченной храмовой библиотеки (рис. 43).

Библиотека храма Шамаша в Сиппаре

У читателя может возникнуть впечатление, что библиотеки существовали только в храмах Набу, божественного покровителя

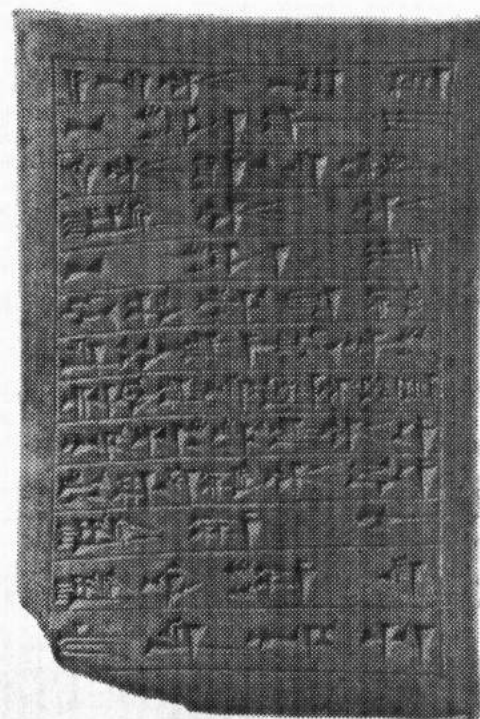

Рис. 41 – Нововавилонская копия одной из надписей Хаммурапи. Колофон (на обороте) указывает, что копия была выполнена в Вавилоне писцом по имени Римут-Тула с оригинала, найденного в храме Энамтила. Писец посвятил табличку богу Набу и отдал ее в храм Эзида в Борсиппе, где она и была обнаружена О. Рассамом в XIX в.

писцов, но это не так: известны, например, таблички с колофонами библиотеки Иштар в Уруке. Но самый знаменитый пример – храм Шамаша в Сиппаре, открытый экспедицией Багдадского университета в 1985–1987 гг.⁶³⁵ В храмовом помещении размерами 4,4×2,7 м были найдены конструкции для хранения табличек, аналогичные обнаруженным американскими археологами в Хорсабаде⁶³⁶, – своего рода соты из ниш шириной в шесть «клеток» в торцевых и в четыре «клетки» в боковых стенах и высотой от двух

до четырех «клеток». Размеры каждой ниши составляли 17 см в высоту, 30 см в ширину и 70 см в глубину. Таблички в них располагались не как книги на полках в современных библиотеках, а как карточки в картотеках: в одну нишу помещалось до 60 текстов. К сожалению, многие ниши оказались пустыми: всего в хранилище было найдено около 800 табличек⁶³⁷.

Библиотека не содержала ничего неожиданного: многочисленные и уже известные лексические списки, гимны и молитвы. Не удивляет и бедный набор «литературных» текстов: собрание включало несколько рукописей мифа об Атрахасисе, *Lugal.e* и *Enūta eliš*. Необычная черта этой библиотеки (впрочем, свойственная той эпохе) – интерес к прошлому⁶³⁸: в храме найдены копии более древних памятников, обычно выполненные модернизированной письменностью. Речь идет прежде всего о старовавилонских царских надписях – это посвятельная надпись царя Ларсы Забайи, пролог к законам Хаммурапи и две других его надписи, а

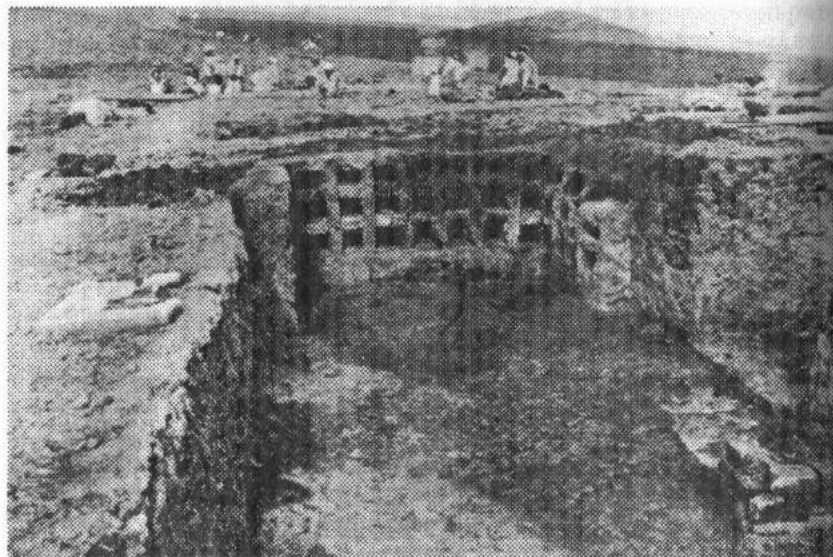

Рис. 42 – Ниши для табличек в храме Набу в Хорсабаде (американские раскопки 1936 г.).

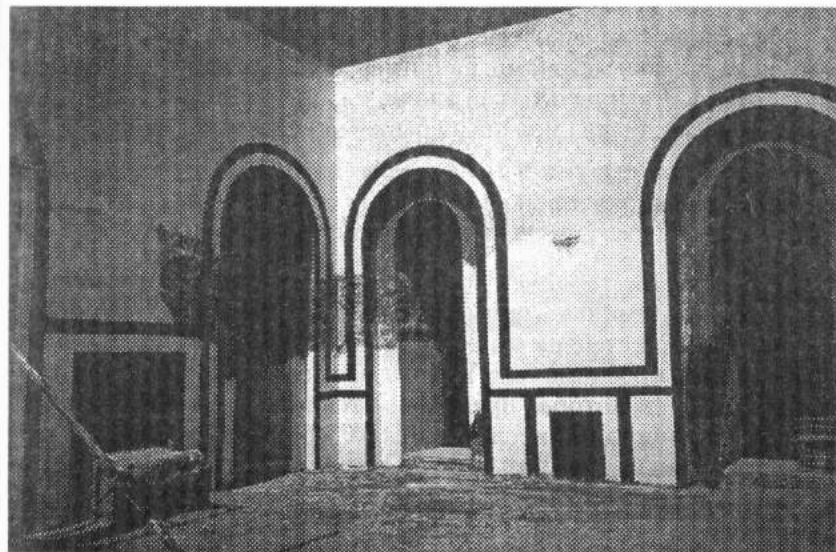

Рис. 43 – Храм Набу *ša harē* в Вавилоне. Школьные таблички были использованы как строительный материал при реконструкции здания в правление Навуходоносора.

также надпись старовавилонского царя Аммитаны. Среди других подобных копий – двуязычные письма царей Куригальзу и Навуходоносора I и несколько апокрифических документов. Новые (т. е. не известные по другим рукописям) тексты, найденные в храме, сводятся к одной молитве, одному гимну и двум плачам. Не исключено, что в хранилищах какого-нибудь музея однажды обнаружатся их копии: именно так произошло со «Сказкой о ниппурском бедняке» из библиотеки Султан-тепе, у которой вскоре нашлись и другие рукописи.

Собрание табличек из храма Шамаша – единственный известный нам пример библиотеки, найденной в почти нетронутом состоянии. К сожалению, у нас нет никаких сведений о том, как она использовалась. Мы по-прежнему не знаем ответа на многие вопросы: кто имел доступ к табличкам? с какой целью? как был организован процесс чтения?

Раскопки других известных нам храмовых библиотек велись ненаучными методами: например, большая часть табличек из библиотеки Эсагилы поздней эпохи, находящихся сегодня в Британском музее, была куплена на рынке древностей в XIX в.⁶³⁹

Древние читатели

У всех ли табличек находились читатели? Этот вопрос, который уже возникал применительно к архивным документам (гл. 3), в равной степени относится и к текстам библиотек. Странным образом, проблема того, кто был читателем древнемесопотамских библиотек, которая представляется мне ключевой, почти не привлекала внимания исследователей. Многие колофоны содержат проклятия в адрес возможного похитителя таблички⁶⁴⁰. Часто встречающаяся в них угроза особенно ужасна для писца:

«У того, кто заберет табличку, пусть Шамаш заберет глаза!».

А в некоторых случаях виновник считался достойным смерти:

«Пусть Набу тут же убьет унесшего эту табличку!».

Как видно, библиотечные правила не предусматривали «абонементов». Это подтверждает колофон одной из табличек Селевкидской эпохи, происходящей из святилища *Bit-Rēš* в Уруке⁶⁴¹:

«Боящийся Ану и Анту пусть почитает (эту табличку) и уважает ее, пусть не крадет ее и не уносит по рассеянности; (или) пусть вернет ее в дом хозяина на следующий день!».

А колофон таблички из Султан-тепе содержит следующее предписание⁶⁴²:

«Не обращай с табличкой дурно, не вноси беспорядок в библиотеку!».

Эти слова вызывают в памяти некоторых современных библиотекарей, которые с неприязнью относятся к читателям, будто бы портящим «их» книги⁶⁴³... Впрочем, эти колофоны нельзя рассматривать вне общего контекста: точно такие же проклятия и предписания касались и любых других посвященных богам предметов. Например, следующий колофон попросту запрещает посягать на любое имущество Эанны, урукского храма Иштар⁶⁴⁴:

«К знатоку, который не изменит ни строчки и (вновь) поместит (эту табличку) в библиотеку (*girginakku*), да будет благосклонна Иштар! Но того, кто вынесет (ее) из Эанны, да преследует гнев Иштар!».

Храмовые таблички обладали статусом приношений, находящихся под божественной защитой, что подтверждается словами одного из колофонов из библиотеки Ашшурбанипала. Мотив подвига, который раньше никому не удавалось совершить, напоминает о «классических» памятных надписях, а проклятия, завершающие колофон, украсили бы любую стелу⁶⁴⁵:

«Дворец Ашшурбанипала, царя Вселенной, царя Ассирии, верного Ашшуру и Мулиссу, которому боги Набу и Ташмету дали великий разум, того, кто обладает ясным взором. Самое сложное в искусстве писца, дело, которое не смог постичь ни один из прежних царей, мудрость Набу, клинописные знаки, сколько их ни на есть, — я записал это на таблички, проверил и сличил, и поместил их в мой дворец для чтения и зачитывания. Верный тебе не узнает стыда, о царь богов Ашшур! Того же, кто унесет (эту табличку) или впишет свое имя вместо моего, пусть яростно и гневно проклянут Ашшур и Мулиссу и пусть его имя и семья исчезнут из страны!».

Наконец, отметим, что в месопотамских текстах нет ни одного упоминания о том, чтобы кто-нибудь обратился в библиотеку за нужным сочинением.

Следует обратить особое внимание на два факта. Первый из них – очевидная культурная зависимость Ассирии от Вавилона, в возникновении которой сыграли ключевую роль два исторических момента. Один из них относится к XIII в. до н. э., когда царь Тукульти-Нинурта I одержал победу над Каштилиашем IV и в качестве военной добычи вывез из Вавилона в Ашшур множество табличек⁶⁴⁶. Другой ключевой момент – создание библиотеки Ашшурбанипала, о которой подробно рассказывалось выше. Политическое господство вполне может сочетаться с культурной зависимостью – вспомним знаменитые слова Горация о римлянах: «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила». Аналогия, как всегда, небыстречна, но очень показательна.

Второй важнейший факт связан с явлением, которое часто ускользает от внимания специалистов, – медленным упадком месопотамской культуры начиная с XII в. до н. э. Ее постепенное угасание длилось более тысячелетия. Одновременно сокращался географический ареал шумеро-аккадской письменности: к западу от Евфрата какое-то время сохранялись очаги клинописной цивилизации, обязанные своим существованием политическому господству ассирийских, а затем вавилонских царей, но о центрах, подобных Эбле III тыс. до н. э., уже не могло быть и речи. Корпус текстов постепенно приобретал застывшие формы: так, известно, что в лексические списки не вносились изменения с конца II тыс. до н. э. Именно тогда создаются первые комментарии: каким бы увлекательным ни был этот литературный жанр, появившийся здесь впервые в истории человечества, он все же свидетельствует о закрытости письменного корпуса. Не менее красноречив тот факт, что все библиотеки I тыс. до н. э. содержат одинаковый набор произведений. Это было обнаружено после открытия библиотеки Султан-тепе в 1951–1952 гг. и ее сравнения с библиотекой Ашшурбанипала; более поздние находки в храме Шамаша в Сиппаре только подтвердили прежние выводы. Такое единообразие очень облегчает реконструкцию текстов: каждое новое открытие приносит новые рукописи уже известных произведений, позволяющие заполнить лакуны (впрочем, *ни один* из памятников месопотамской литературы пока не восстановлен целиком и полностью).

Эта ситуация разительно отличается от положения в первой половине II тыс. до н. э.: аккадские литературные тексты той эпохи часто известны в единственной рукописи, а процесс «канонизации» еще не начинался⁶⁴⁷. Парадоксально, но периоды самого активного письменного творчества оказались документированы хуже всего. К концу I тыс. до н. э. культура Месопотамии умирала в святилищах, служивших ей последним убежищем. Это не значит, что последние поколения писцов, владевших клинописью, бездействовали, но все их усилия обречены были оставаться бесплодными.

Глава 7
Послания богам и потомкам

Тексты, о которых мы говорили до сих пор, решали главным образом практические задачи – одни облегчали управление складами и земельными владениями, другие помогали купцам совершать сделки, третьи хранились в домах как свидетельства о правах собственности; наконец, письма служили для общения на расстоянии. Мы также пришли к заключению, что так называемые «литературные» тексты были всего лишь побочным продуктом учебного процесса и сохранялись в библиотеках только в исключительных случаях. Последняя глава книги посвящена третьей категории источников – «историографическим» памятникам. Так принято называть тексты, созданные древними для увековечения «имени» заказчика⁶⁴⁸, как послания, обращенные вовне, божествам или будущим поколениям. Мы попытаемся проследить развитие этого жанра от закладных надписей и посвящений III тыс. к анналам и хроникам I тыс. до н. э.

ПОСВЯТИТЕЛЬНЫЕ И ЗАКЛАДНЫЕ НАДПИСИ

Посвятительные и закладные надписи часто рассматриваются как единая категория «памятных надписей», что не вполне верно. Термин «надпись» часто применяется для противопоставления таких текстов хозяйственным и административным

документам, но в случае с месопотамской цивилизацией такое противопоставление лишено смысла. В большинстве цивилизаций повседневные записи велись чернилами на мягких и гибких материалах – папирусе, пергаменте, бумаге, – тогда как надписи, рассчитанные на века, высекались на твердой поверхности камня или металла. В Месопотамии же надписями (эпиграфикой) должны считаться все тексты, так как письменность была трехмерной во всех случаях. Различие состояло только в выборе материала: обычные тексты писались на глине, а камень и металл использовались для особо торжественных случаев или тогда, когда текст желали сохранить как можно дольше. В конце мифа Lugal.e рассказывается о том, какую судьбу назначил каждому из видов камня бог Нинурта. К диориту, основному материалу для статуй, он обратился с такими словами⁶⁴⁹:

«Царь, который захочет сохранить свое имя для жизни далеких дней и изготовить свое изображение для далеких дней, установит тебя (диорит) в храме Энинну, исполненном великолепия, в месте возлияний, где ты исполнишь свое предназначение (как статуя)».

Жители Месопотамии хорошо осознавали долговечность камня по сравнению с глиной, о чем свидетельствует следующий пример: надпись на межевом камне («кудурру») времен Меродах-Баладана I рассказывает, как получатель дара от царя Нази-Марутташа велел переписать царский указ на глиняную стелу (*narû ša hašbi*), которую поместил на хранение в храм. Полтора века спустя стена храма рухнула и разрушила стелу – тогда наследник получателя дара приказал заново вырезать текст указа на камне⁶⁵⁰.

Вотивные предметы

Посвятительные надписи, обращенные к божеству, наносились на вотивные предметы; внутри этой категории особое место занимают приношения по обету.

Приношения по обету

Суть этого явления хорошо известна: божеству обещают какой-либо дар в обмен на исполнение желания. Если просьба не осталась без ответа, обещание приходится выполнять: подарок божеству и представляет собой приношение по обету (*ex voto*).

Просьбы могли быть самыми разными – от выздоровления до успеха торгового предприятия, но чаще всего мы сталкиваемся с приношениями правителей, желавших победы над врагом. Например, после взятия Мари Шамши-Адад принес в дар покровителю города богу Итур-Меру трон с посвятительной надписью⁶⁵¹:

«Когда Итур-Мер услышал мою молитву и просьбу и целиком отдал мне страну Мари, Берега Евфрата и все земли под своей властью, я исполнил данный мной обет: возвел ради великолепия бога великий трон из клена, на котором искусными людьми вырезано и отделано золотом его имя».

Приближенные царя давали обеты схожего содержания⁶⁵²:

«[Богине Иштар], которая [...], внимающей молитвам, своей госпоже – Изаму, музыкантша, просившая за своего господина Ясмах-Адду: когда моя госпожа Иштар [услышала] мои молитвы и [выполнила] мою просьбу, я посвятила ей статую – отделанную искусными людьми статую».

Иногда богам приходилось требовать обещанное. Например, Шамаш через прорицателя напомнил Зимри-Лиму об обязательствах перед другим божеством⁶⁵³:

«Бог Нергал, господин Хубшалума, во время разгрома (врагов) держался на твоей стороне и на стороне твоего войска. Вели сделать все, что ты обещал, в том числе большой бронзовый меч, и пусть это принесут Нергалу, господину Хубшалума».

Выбор предмета для посвящения тому или иному божеству обычно был связан с его «специализацией». Богу-

защитнику Нергалу часто преподносили меч или палицу, а богине-целительнице Гуле в благодарность за выздоровление дарили собаку, священное животное всех божеств – покровителей медицины в древности⁶⁵⁴.

Таким образом, приношением по обету не обязательно служила статуя или другой неодушевленный предмет – для этого использовались и живые существа. Например, после победы над врагом царь мог принести в дар богам часть добычи, в том числе захваченных рабов⁶⁵⁵. Известно немало случаев, когда правители посвящали божеству одну из своих дочерей, становившуюся жрицей или служительницей культа. Так, все в том же письме Шамаш требовал от Зимри-Лима принести в дар трон и дочь царя⁶⁵⁶:

«Это (говорит) Шамаш. Я – владыка страны. Пусть в Сиппар, город жизни, немедленно отправят великий трон для жилища моего изобилия и твою дочь, которую я пожелал для себя».

До нас дошло несколько более поздних писем от этой девушки, уже ставшей *naditum* Шамаша⁶⁵⁷. Служительницы культа этой категории считались вторыми супругами бога, главной женой (*kallatum*) которого была богиня Айя.

Наказание за неисполнение обета было суровым. Так, в одном из своих писем к Ясмах-Адду гадатель Аскудум рассказывает⁶⁵⁸, что совершил гадание, чтобы узнать причины болезни сына некоего Бинума, и получил следующий ответ: «Обет богу Сину». Оставалось выяснить, кто именно забыл выполнить обещание и навлек на подданных гнев бога – сам Ясмах-Адду или его отец Шамши-Адад. Другой пример происходит из города Шубат-Энлиль, где некий Эа-малик предостерегал нового царя Тилль-Абну, напоминая о судьбе его преждевременно погибшего предшественника⁶⁵⁹:

«В былые времена Мутия, прежде чем взойти на свой трон, несколько раз давал такой обет: “Если я взойду на мой трон, то дам Белет-Нагар, моей госпоже серебра, золота, посуды серебряной, посуды золотой и женщин [...]”. Вот что он обещал не один раз. Но когда этот человек взошел на трон, то не позаботился о богине и не пришел ее навестить».

Рис. 44 – Статуя Ур-Нингирсу с посвящением богу Нингишзиде. Голова статуи принадлежит музею Метрополитен (Нью-Йорк), остальная часть – Лувру (Париж); восстановленный экспонат выставляется в двух музеях поочередно. Париж, музей Лувра – (С) Фотография RMN / © Jacques L'Hoir / Jean Popovitch

Далее Эа-малик советует новому царю выполнить все просьбы, с которыми к нему в последнее время обращалась богиня.

Вотивные предметы

Помимо приношений по обету, существовала и другая форма посвящений: в храм помещалась статуя или другой предмет, представляющий дарителя, с текстом молитвы к божеству. Известный пример такой надписи – посвящение на статуе, дарованной сыном и приемником знаменитого Гудеа (рис. 44)⁶⁶⁰:

«Для Нингизиды, своего бога, Ур-Нингирсу, правитель Лагаша, сын Гудеа, правителя Лагаша, построившего храм Эннинну для Нингирсу, изготовил свою статую. Он назвал эту статую “Я любимец моего бога – пусть моя жизнь будет долгой!” и поместил ее в его храм».

Иногда в храм посвящалась статуя, изображавшая не самого царя, а одного из его предков: например, царь Ларсы Син-иддинам велел изготовить статую своего отца Нур-Адада, поместил ее во дворе храма Шамаша и «посвятил ради собственной жизни». Отец должен был заступаться за сына перед богами, о чем говорит надпись на статуе⁶⁶¹:

«Ты, статуя, справедливый пастырь, стой день за днем в святилище Эбббар, дабы продлить дни моей жизни!».

Обычно богам посвящались статуи, но среди вотивных предметов также встречаются оружие, троны и даже, например, редкие драгоценные раковины. Посвящения могли исходить и от простых подданных – в таких случаях надписи чаще всего содержат молитву о благополучии правителя. Яркий пример – знаменитая вотивная статуя собаки из Телло, посвященная Нинисине, одному из воплощений богини Гулы (рис. 45)⁶⁶²:

«Для Нинисины, владычицы, доброй [...], мудрой целительницы, своей госпожи, ради жизни Суму-Эля, царя Ура, Абба-дуга, жрецу-лумах, сын Урукагины, главного музыканта Гирсу, посвятил с воз-

Рис. 45 – Статуя, посвященная Нинисине (одно из имен богини Гулы) ради благополучия царя Суму-Эля. На спине собаки находится небольшой сосуд, вероятно, служивший для приготовления травяных снадобий («сосуд с травой жизни», о котором говорит надпись).

Париж, музей Лувра – (С) Фотография RMN / © Hervé Lewandowski

данием хвалы (эту статую) по имени “Верный пес, несущий сосуд с травой жизни”».

Посвящение вотивных предметов «за жизнь» нового царя могло быть знаком покорности со стороны побежденных. Именно для этого служила статуя, известная как «Адорант из Ларсы» (рис. 46). Посвятительная надпись на ней гласит⁶⁶³:

«Для Амуррума, своего бога, ради жизни Хаммурапи, царя Вавилона, Лу-Нанна, [...], сын Син-ле'и, изготовил ради его жизни ста-

тую из меди (в позе) просителя с лицом, отделанным золотом, и посвятил ее ему как (изображение) его слуги».

Итак, частное лицо просит бога Амуррума защитить царя. Случай интересен тем, что проситель был жителем царства Ларсы, захваченного Хаммурапи: очевидно, что приношение было демонстрацией лояльности новому правителю.

Но мотивы просителей не всегда были политическими. Так, до нас дошла трогательная просьба одной из супруг царя Ларсы Рим-Сина о выздоровлении дочери. Царица посвятила богине Иштар диоритовый кубок с надписью⁶⁶⁴:

«Для спасения Лириш-гамлум из рук вредных и злобных существ, чтобы перенести болезни асакку и ашбур из ее тела на [демона], который ничего не боится, чтобы изгнать [...], что в ее глазу, чтобы защитить ее жизнь, я, служанка, почитающая (Иштар), посвятила (этот сосуд) ради жизни Лириш-гамлум, моей дочери, и ради моей собственной жизни».

Как создавались надписи на votивных предметах? У нас есть свидетельства о том, что в составлении текста напрямую участвовали правители⁶⁶⁵. Зимри-Лим, желая отправить в Халаб собственное скульптурное изображение для храма бога грозы, писал управляющему дворца⁶⁶⁶:

«И что касается нанесения посвятительной надписи [на статую], срочно пришли мне надпись, которую сделал [такой-то], и ту, что сделал Наб-Эштар, чтобы я их посмотрел. Я отправлю тебе надпись, которую выберу».

Текст, выбранный царем, был передан мастерам для гравирования на статуе. Забавно, что таблички, найденные при раскопках дворца, содержат как раз те черновики надписи, которые были отвергнуты! Об этом очень важно помнить, чтобы избежать ошибок при интерпретации этих текстов.

Рис. 46 – «Адорант из Ларсы»: проситель изображен преклонившим правое колено, с правой рукой на уровне рта; лицо и ладони статуи отделаны золотом. Постамент содержит рельефное изображение человека в такой же позе перед божеством на троне: статуя представляет собой своего рода мизансцену. Париж, музей Лувра – (С) Фотография RMN / © Franck Raux

Закладные надписи

Разница между посвятельными и закладными надписями довольно условна: храмы в Месопотамии считались одной из разновидностей votивных приношений. Надпись ассирийского царя Салманасара I (XIII в. до н. э.) свидетельствует об этом самым очевидным образом⁶⁶⁷:

«Для бога Ашшура, своего господина, я, Салманасар, поставленный (на царство) богом Энлилем, наместник бога Ашшура, сын Арик-ден-или, наместника бога Ашшура, (пере)строил храм бога Ашшура, моего господина, полностью, от основания до водосточков, и сделал его больше, чем прежде. Ради моей жизни, благополучия моего потомства и благополучия Ассирии я посвятил его богу Ашшуру, моему господину».

Подобные надписи чаще всего составлялись по случаю возведения зданий, прежде всего храмов, а также дворцов, укреплений и т. д.; иногда поводом служило основание нового города, который нередко называли именем царя. Другое важнейшее событие, отмечавшееся закладными надписями, — создание каналов, которые были основой благополучия страны, зависевшей от поливного земледелия⁶⁶⁸. Крупные сооружения обычно получали собственные имена⁶⁶⁹: так, храм Мардука в Вавилоне по-шумерски назывался Эсагиль, «Храм с возвышенной главой», а дворец, построенный Синаххерибом в Ниневии, был назван «Дворцом, не имеющим равных». Стена, возведенная вокруг Сиппара по приказу Хаммурапи, носила сложное имя «По велению Шамаша, да не будет у Хаммурапи соперника!». Каналам давались, например, такие названия: «Бог Набиум (приносит) изобилие» или «Самсуилуна — источник изобилия».

Закладные надписи наносились на разные материалы. Часто в стены сооружения вмуровывались кирпичи с текстом, который оттискивался матрицей (рис. 47) или вырезался вручную — в последнем случае одна и та же надпись могла иметь несколько вариантов. В закладных капсулах зданий находили таблички из камня или металла, а также медные статуэтки⁶⁷⁰. Нередко надписи

Рис. 48 — Конус с закладной надписью, упоминающей правителя Лагаша Гудеа (XXII в. до н. э.).

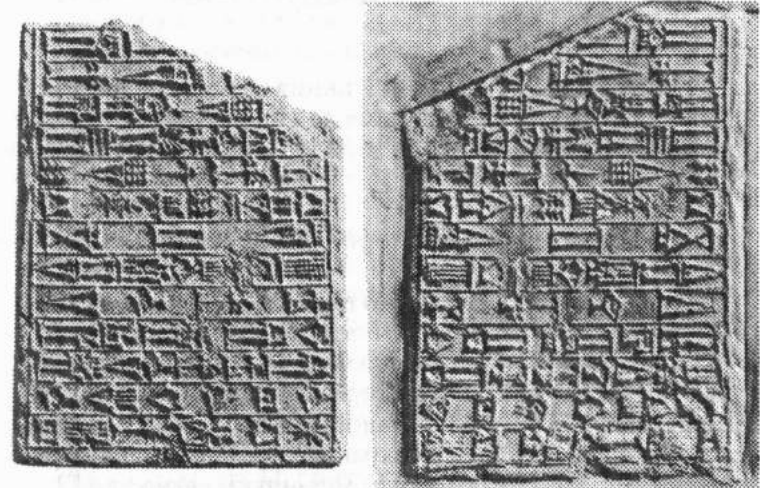

Рис. 47 — Матрица для кирпичей и ее оттиск (справа). Надпись принадлежит царю Ларсы Син-иддинаму и была составлена в ознаменование перестройки храма Шамаша (RIME 4, p. 162, №4). Матрица найдена в Ларсе экспедицией А. Парро; кирпичи с ее оттисками были обнаружены позднее (на снимке — современный отпечаток).

Париж, музей Лувра — (С) Фотография RMN / © Franck Raux

наносились на гнезда, в которых поворачивались дверные оси, а в III тыс. до н. э. часто применялись небольшие конусы (рис. 48), позднее превратившиеся в «гвозди» с широкой шляпкой.

Закладные надписи обычно состоят из четырех частей⁶⁷¹. Вначале указываются имя и эпитеты божества, которому посвящено сооружение (или предмет), затем – имя и эпитеты дарителя, чаще всего царя. В третьей части, имеющейся не всегда, более или менее кратко рассказывается о событиях, сопутствовавших приношению. Объект и условия приношения называются в заключительной части. Затем иногда следуют проклятия против того, кто посягнет на вотивный предмет или на саму надпись. На практике встречаются самые разные варианты этой схемы.

РАЗВИТИЕ АННАЛИСТИКИ

Постепенно мемориальная функция царских надписей стала выходить на первый план, что привело к появлению новых литературных жанров – ассирийских анналов и вавилонских хроник.

Ранние формы мемориальных записей

Начиная со Староаккадского периода мемориальную функцию выполняла система датировочных формул, широко применявшаяся в Вавилонии. Перед наступлением нового года царская канцелярия отправляла в различные города таблички с формулой для его обозначения⁶⁷². Эти формулы иногда бывали очень длинными и на практике использовались в сокращенном виде. Например, полное название 7-го года правления Самсу-илуны звучит так⁶⁷³:

«Год, когда царь Самсу-илуна посвятил Мардуку могучее оружие, великий знак, сверкающий предмет, отделанный червонным золотом и серебром, достойный храма, и заставил его сверкать в Эсаги-ле, как звезда в небесах».

В повседневных документах писцы чаще всего применяли очень краткий вариант формулы:

«Год оружия и изображения».

Некоторые датировочные формулы дошли до нас только в сокращенных версиях. Кроме того, иногда писцы пользовались неофициальными формулами – они часто интересным по содержанию, но очень трудны для хронологической привязки.

Датировочные формулы обычно рассказывают о деяниях правителя, среди которых главное место занимают военные подвиги. Например, 28-й год Самсу-илуны обозначался следующим образом⁶⁷⁴:

«Год, когда царь Самсу-илуна, по приказу бога Энлиля и благодаря мудрости и могуществу, данными ему Мардуком, победил Ядих-абума и Мути-Хуршану, враждебных ему царей, и разгромил их своим яростным оружием».

Такие формулы представляют собой бесценный источник для реконструкции военно-политических событий: в них говорится о военных победах над врагами, взятии и разрушении городов, дипломатических связях (например, о династических браках). Другими важными сюжетами датировочных формул считались строительные мероприятия правителя (сооружение каналов, укреплений, храмов), посвящение статуй и других драгоценных предметов, а также назначение высокопоставленных служителей культа, например «великих жриц» (*entum*). Случалось, что важная военная победа так и не попадала в годовые формулы: так произошло, например, с взятием Ура, который царь Ларсы Гунгунум отвоевал у царя Исина.

Два письма из Мари составляют единственное пока свидетельство о самой процедуре выбора датировочной формулы. Они, в частности, показывают, что приношение божеству считалось более подходящим сюжетом для обозначения года, нежели крупное политическое событие. Первое письмо было отправлено Зимри-Лиму его «министром экономики»⁶⁷⁵:

«(...) Другое: начавшийся год следует назвать “Годом, когда Зимри-Лим отправился на помощь Вавилону во второй раз, в страну Ларсы”».

Одновременно тот же чиновник отправил более подробное послание личному секретарю царя⁶⁷⁶:

«Скажи Шу-нухра-Халу: это (говорит) Ясим-Суму. Что касается названия года, которое ты прислал мне – “Год, когда Зимри-Лим посвятил великий трон для Дагана”, – то этот трон пока не посвящен. Вот табличка, которую я отправил царю – название года: “Зимри-Лим отправился на помощь Вавилону во второй раз, в страну Ларсы”. Обрати внимание царя на эту табличку и напиши мне, как быть».

Мы знаем, что в конечном счете была выбрана формула, предложенная Шу-нухра-Халу: «Год, когда Зимри-Лим посвятил великий трон для Дагана». К счастью, военная кампания против Ларсы с участием войск Мари очень хорошо документирована другими источниками. Итак, политическую историю царства нельзя написать по одним только датировочным формулам правителей, но историк, вынужденный обходиться без такой хронологической основы, как списки формул, находится в незавидном положении.

В Ашшуре отсчет времени велся иначе: каждый год обозначался по имени особого чиновника-*limtum*, титул которого обычно переводится как «эпоним». Порядок следования эпонимов указывался в особых списках, которые иногда сопровождался комментариями⁶⁷⁷. В них рассказывалось о важнейших политических событиях эпонимального года, например⁶⁷⁸:

«Во время (эпонимата) Шаррум-Адада правитель Элама одержал победу над Ипик-Ададом, а царь Шамши-Адад взшел (на трон) дома своего отца».

Надписи староассирийских царей отличаются лаконизмом и обычно повествуют о строительных мероприятиях в столице.

Но начиная с правления Адад-нирари I (1305–1274 гг. до н. э.) их содержание становится богаче⁶⁷⁹: краткий перечень событий, иногда приводившийся в конце закладных надписей, постепенно расширялся, и к концу II тыс. до н. э. сформировался жанр ассирийских анналов.

Анналы царей Ассирии

Ассирийские анналы представляют собой отчеты об одной или нескольких военных кампаниях, составленные от первого лица: автором повествования считался сам царь. Типология текстов этого жанра весьма разнообразна. Некоторые анналы рассказывают о единственном походе и высечены на скале или стеле, воздвигнутой в покоренной области; другие повествуют сразу о нескольких кампаниях и вырезаны на цилиндрах или призмах, заложенных в фундамент здания (рис. 49); наконец, иногда анналы высекались на плитах, выставленных для всеобщего обозрения. Такие повествования составлялись несколько раз на протяжении одного правления: с ходом времени рассказы о более ранних событиях постепенно сокращались. Помимо собственно анналов, существовали так называемые «фасты», в которых кампании группировались по географическому признаку. Такие документы намного менее удобны для исторических реконструкций, так как последовательность описываемых ими событий невозможно восстановить без помощи других источников, которые далеко не всегда сохранились до наших дней.

Сведения, содержащиеся в анналах и «фастах», долгое время воспринимались буквально. Например, В. Шейль писал об анналах Тукульги-Нинурты II⁶⁸⁰:

«О чем еще остается мечтать, когда в исторических документах содержатся сведения наподобие этих: “В месяц нисан, 28-го дня, в эпонимат Надилу, я вышел из Ашшура и разбил лагерь на равнине; я покинул равнину и пересек Тартар; я разбил лагерь и т. д.”? Очевидно, что это пример идеального документа для исторической науки».

Сегодня столь наивный позитивизм не может не вызывать улыбки. За прошедшие десятилетия исследователи научились читать такие источники критически, занимаясь не столько самими событиями, сколько особенностями их описания⁶⁸¹. Например, ввести неподготовленного читателя в заблуждение может уже ведение рассказа от первого лица: в ряде случаев до нас дошла переписка между царем и военачальниками, которые в действительности возглавляли военный поход⁶⁸². Тем не менее, царские надписи нельзя считать «выдуманными» или «лживыми». Особенности их стиля отражают одну из существенных черт монархии – высшую ответственность правителя за все происходящее в царстве, которая и заставляла его приписывать себе самому действия подчиненных, следовавших его приказам.

Практика «переиздания» анналов позволяет сравнивать версии, относящиеся к разным моментам одного и того же царствования, и анализировать способы составления текста одним или несколькими авторами. Об этом явлении нельзя забывать в тех случаях, когда до нас дошли только версии анналов, относящиеся к концу правления: в них о событиях начала царствования рассказывается очень кратко. Наконец, следует помнить, что в основе этих текстов лежит прежде всего теологическое видение истории, и многие события объясняются сверхъестественными причинами. Так, судьба восставших арабов в анналах Асархаддона удивительно точно соответствует проклятиям, которые содержались в договорах, заключенных и затем нарушенных арабами.

Критический подход к анналам не должен выливаться в излишний скептицизм⁶⁸³: гиперкритический метод много раз приводил исследователей к ошибочным заключениям. Так, иногда находят оригинальные документы, к которым восходят тексты, ранее считавшиеся «легендарными»⁶⁸⁴. Отношение к царским надписям как к литературному жанру, который требует соответствующей методологии, не мешает *также* использовать их для реконструкции политической истории⁶⁸⁵. Впрочем, такие расхожие термины, как «источник» и «сведения», в значительной степени иллюзорны: историк сам создает предмет своего исследования. Так или иначе он должен принимать во внимание

Рис. 49 – Призма Ашшурбанипала. Главный сюжет этой версии анналов – осада Суз (648 г. до н. э.).
Париж, музей Лувра – (С) Фотография RMN / © Franck Raux

все доступные тексты, в том числе произведения нарративных жанров⁶⁸⁶.

Вавилонские хроники

Жанр хроники существовал в Вавилонии I тыс. до н. э., цари которой не оставили annalov. Хроники охватывают период с VIII до III в. до н. э., но оставляют множество лакун, что связано как с хронологическими рамками табличек, так и с плохой сохранностью некоторых из них. Эти тексты отличаются выраженным типологическим единством и характерным сухим стилем: о событиях рассказывается очень лаконично. Например, взятие Иерусалима войсками Навуходоносора в 597 г. до н. э. описывается следующим образом⁶⁸⁷:

«На 7-й год, в месяц кислев, царь Аккада (Вавилона) собрал свои войска, пошел на Хатти (Сирия–Палестина) и расположился перед городом Яхуду (Иерусалим). В месяц адар, 2-го дня, он взял город и захватил царя. Он назначил туда царя по своему выбору, забрал тяжелую добычу и вернулся в Вавилон».

Как видно, в хрониках повествование ведется не от первого лица; более того, они явно составлялись не по приказу царя, так как нередко упоминают и о поражениях. У нас нет точных сведений об авторах и назначении этих текстов: ясно лишь, что историк не должен поддаваться искушению увидеть в составителях хроник своих древних коллег.

ОБЩЕДОСТУПНЫЕ НАДПИСИ

Самый яркий пример таких надписей – победные стелы: правители выставляли их на всеобщее обозрение в знак своего господства. Скальные рельефы, встречающиеся в окружающих

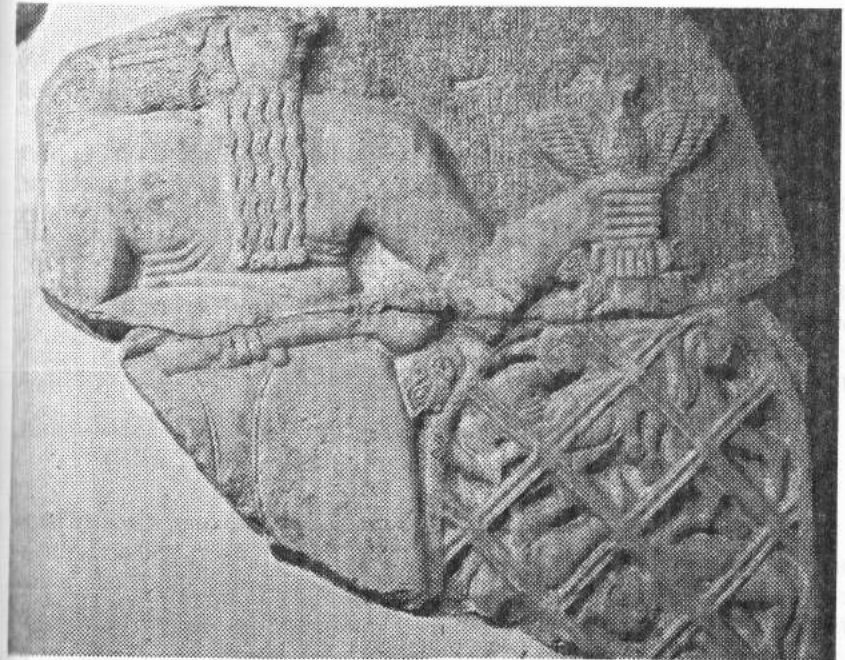

Рис. 50 – «Стела коршунов», лицевая сторона. Бог Нингирсу изображен держащим сеть, которая опутала врагов Эаннатума, царя Лагаша. Телло, Раннединастический период III (около 2400 г. до н. э.).

Париж, музей Лувра – (С) Фотография RMN / © Les frères Chuzeville

Месопотамию горах, демонстрировали местному населению превосходство царя-победителя. Чаще всего месопотамские стелы включают и изображения, и текст, благодаря которым смысл сообщения был понятен всем вне зависимости от уровня грамотности. На лицевой стороне знаменитой «Стелы коршунов» изображен бог Нингирсу, держащий сеть с пленными врагами (рис. 50) – символ победы, которая была подарена богом царю Эаннатуму и о которой рассказывает надпись. Эффективность этого способа коммуникации очевидна на примере рельефа царя Анум-хирби на горе Адалур, описанного в надписи Салманасара III, который правил восемью столетиями позднее. Изображение

Анум-хибри, вероятно, сопровождалось надписью на аккадском языке, которая и позволила ассирийскому царю определить, кому принадлежала стела. Салманасар III приказал высечь рядом свой собственный рельеф.

Другие монументальные надписи не упоминали о военных победах, но представляли царя как вершителя справедливости. Так, на рынке города Сузы стояла стела с указанием справедливых цен на товары, размерами поденной оплаты работников и т. д.⁶⁸⁸.

«Атта-хушу, пастырь бога Иншушинака, сын сестры Шильхахи, создал стелу справедливости и установил ее на рынке. Того, кто не знает справедливой цены, пусть научит Шамаш!».

Те же функции выполняла и стела с законами Хаммурапи, эпилог которых содержит следующий призыв (рис. 7 и 19)⁶⁸⁹:

«Обиженный человек, у которого жалоба возникнет, к моему, царя справедливости, изображению пусть придет, пусть прочитает надпись на моей стеле, пусть услышит мои драгоценные слова, а мой памятник пусть разъяснит ему его дело, пусть он увидит свое решение, пусть успокоит свое сердце!».

Не следует забывать, что этот текст имел прежде всего символическое значение: найти на стеле Хаммурапи параграф, касающийся конкретного правового случая, крайне сложно из-за полного отсутствия какой-либо разметки⁶⁹⁰. Впрочем, это не должно вызывать излишнего скептицизма: известно, что доступ во дворы храмов, в одном из которых стояла стела с законами, имели не только служители культа. В 1-й главе уже говорилось, что ученики приходили во двор храма Энлиля в Ниппуре, чтобы копировать надписи на стелах и статуях.

Некоторые исследователи полагают⁶⁹¹, что функции мемориальных надписей не предполагали наличия читателей – об этом, казалось бы, свидетельствует тот факт, что многие из этих текстов были скрыты от человеческих глаз⁶⁹². Такая точка зрения имеет два недостатка. Во-первых, многие из проклятий обращены против тех, кто зароев стелу с надписью в землю. Чаще всего такие

формулы встречаются на межевых камнях-*кудурру*, один из которых, например, проклинает⁶⁹³

«того, кто бросит эту стелу в колодец, разобьет ее камнем, сожжет огнем, зароев в землю или спрячет там, где ее не увидеть».

Следовательно, по крайней мере некоторые из монументальных надписей были предназначены именно для чтения: об этом же говорят такие примеры, как надпись на повозке Нергала в Мари (гл. 1) и стела с законами Хаммурапи. Во-вторых, даже те из надписей, которые сознательно скрывались от человеческих глаз, ждали своего читателя – богов, умевших видеть и под землей, или потомков, которым предстояло найти надпись во время реконструкции здания.

Послания потомкам

С начала II тыс. до н. э. месопотамские правители считали закладные надписи лучшим средством защиты своего имени от забвения. В это время появляются новые формы носителей для таких текстов – конусы и цилиндры. Древнейшая из подобных надписей происходит из царства Ларса, где при раскопках храма богини Ниншубур в Гирсу был найден конус царя Рим-Сина со следующим текстом⁶⁹⁴:

«Я навеки поместил сюда мою закладную надпись, провозглашающую мое царственное имя».

Несколько позже эта практика распространилась и на Севере. Одна из надписей Шамши-Адада, найденная в храме Ашшурра, содержит такие слова⁶⁹⁵:

«Когда этот храм разрушится, кто-нибудь из царей, моих сыновей, кто будет его восстанавливать, пусть умастит мои закладные надписи (*temmennum*) и стелы (*narûm*), принесен жертву и вернет их на место».

В действительности, эта традиция возникла в более ранние времена: так, царь Мари Яхдун-Лим заложил в фундамент храма Шамаша, помимо кирпичей с собственной надписью, целый ряд предметов, восходящих к Раннединастической эпохе⁶⁹⁶. Шамши-Адад стал первым из царей, оставившим письменные свидетельства о такой практике. В одной из его надписей рассказывается о восстановлении храма Иштар и обнаруженных им закладных надписях царя Аккада Маништушу⁶⁹⁷:

«Клянусь, что я не выбросил стелы и закладные надписи Маништушу, но вернул их на место. Рядом с ними я поместил мои собственные стелы и закладные надписи. Поэтому богиня Иштар, моя госпожа, дала мне царствование, что постоянно обновляется. В будущем, когда храм обветшает, когда Экитушкуга, (заново) выстроенная мной, разрушится, пусть ее восстановит царь, поставленный Энлилем. Так же как я не выбросил стелы и закладные надписи Маништушу, пусть он не выбрасывает мои стелы и закладные надписи, но вернет их на место».

У нас есть не одно подтверждение того, что месопотамские правители строго следовали этим предписаниям⁶⁹⁸. Большинство таких случаев относится к I тыс. до н. э. и прежде всего связано с именем вавилонского царя Набонида, который даже получил у исследователей несколько анахронистическое прозвище «царь-археолог» (рис. 51)⁶⁹⁹. Во время частичной реконструкции храма Шамаша в Ларсе, проведенной в правление Навуходоносора II, были найдены надписи, самая древняя из которых относилась к временам касситского царя Бурнабуриаша. Набониду повезло больше: ему на помощь пришел своего рода «космический пылесос», о котором современным археологам остается только мечтать⁷⁰⁰:

«По приказу Мардука, великого господина, ветры с четырех сторон света поднялись великой бурей и унесли песок, покрывавший город и этот храм. У Эбаббара, могучего храма, дома песен (радосты), жилища Шамаша и Айи, у и зиккурата, его величественного высокого храма, вечного святилища, палаты их радости, стали

Рис. 51 – Табличка времени вавилонского царя Набонида (555–539 гг. до н. э.), лицевая сторона которой содержит копию (вероятно, слепок с формы) каменной надписи аккадского царя Шар-кали-шарри (2217–2193 гг. до н. э.).

видны их основания и различимы их очертания. Я увидел там надпись с именем Хаммурапи, древнего царя, который за семь столетий до Бурнабуриаша перестроил для Шамаша Эбббар и зиккурат на древних основаниях. (Проведя гадания, Набонид начал строительные работы). Я в точности восстановил в прежнем виде и обновил Эбббар для Шамаша и Айи, моих повелителей. Алебастровую табличку с именем Хаммурапи, древнего царя, которую я увидел внутри, я поместил рядом с моей собственной надписью на вечное хранение».

Набонида нельзя заподозрить в преувеличении: во время раскопок Ларсы были действительно найдены все упоминаемые им надписи, а стратиграфия храма в самом деле включает слои от Новоавилонского периода до касситской эпохи⁷⁰¹.

Во введении мы рассказывали о царе Урука Энмеркаре, который, по мнению древних, изобрел клинопись для общения на расстоянии (переписки). Один из более поздних текстов упрекает Энмеркара в том, что он не использовал письменность для общения во времени – иными словами, не оставил памятной надписи⁷⁰²! В «Кутийской легенде» – апокрифическом тексте, приписываемом царю Нарам-Сину, – говорится⁷⁰³:

«Энмеркар не составил надписи (*narûm*) и не оставил (таковой) для меня: сам он не создал своего “имени”, и я не могу молиться за него».

Напротив, сам Нарам-Син оставил отчет о своих подвигах, которые должны служить примером для будущих царей, – об этом рассказывается в заключительной части легенды⁷⁰⁴:

«Кем бы ты ни был – наместником, правителем или кем-то другим, кого боги призовут на царство, – для тебя я приготовил ларец с табличками и написал стелу (*narûm*). В Куте, в Эмесламе, в целле Нергала я оставил ее для тебя: прочти эту стелу!».

Понятие «стела», «мемориальная надпись» (*narûm*) со временем стало обозначать апокрифические тексты. Эти псевдоав-

тобиографии относятся к жанру назидательной литературы: их главным назначением было воспитание будущих царей⁷⁰⁵.

Переписка с богами

Как уже говорилось, боги считались главными читателями посвященных и закладных надписей. Но у людей были и другие способы письменного общения с божествами. Проще всего было отправить им... письмо. Например, до нас дошел черновик послания, которое Зимри-Лим адресовал богу Реки⁷⁰⁶:

«Скажи богу Реки, моему господину: это (говорит) Зимри-Лим, твой слуга. Вот, я отправил моему господину золотой сосуд. Ранее я посылал моему господину сведения, и он подал мне знак. Пусть мой господин разъяснит мне знак, который он мне подал. Пусть мой господин не пренебрегает защитой моей жизни! Пусть мой господин не отворачивается от меня! Пусть мой господин не отворачивает от меня свою благосклонность!».

По форме это письмо ничем не отличается от обычного послания одного царя другому, более могущественному. То же касается и содержания: просьба о защите, сопровождаемая подарком, представляет собой расхожий прием эпистолярной риторики этой эпохи. Зная, что резиденцией бога Реки был город Хит, несложно понять назначение этого послания: царь Мари желал сохранить контроль над Хитом вопреки притязаниям вавилонского правителя Хаммурапи. Зимри-Лим просил бога о благоприятном знамении («знаке»), которое означало бы согласие на присоединение Хита к царству Мари. У нас нет никаких свидетельств о том, каким образом «доставлялись» подобные письма, но скорее всего их читали вслух перед статуей божества, точно так же как личный секретарь зачитывал послания правителю. Известно, что письма богам адресовали не только цари, но и рядовые подданные.

У нас есть точные сведения о способах, которые боги, в свою очередь, использовали для ответа на письма людей. Один из них связан с гадательной практикой: правитель или другой человек

обращался к гадателю, который формулировал запрос (*tāwītum*) во время жертвоприношения ягненка и просил у покровителей гадания Шамаша и Адада написать ясный ответ на печени жертвы⁷⁰⁷. В одной из молитв к Шамашу говорится⁷⁰⁸:

«Ты пишешь на плоти во внутренностях ягненка, ты указываешь (на них) свое решение».

Для некоторых гаданий, выполненных по приказу Хаммурапи и его потомков, составлялись письменные протоколы, которые копировались в качестве образцов вплоть до Новоассирийского периода⁷⁰⁹. Вопросы к божествам в подробностях касались тактики поведения, которую следовало избрать⁷¹⁰:

«Хаданшу-ликшуд, сын Син-нерари, занимающий должность начальника пехоты, – должен ли он пойти во главе строя или в центре (досл.: “в пупке”)?».

Читая эти тексты, понимаешь, почему гадатели обязаны были хранить профессиональную тайну – об этом свидетельствует присяга, которую они приносили при вступлении в должность⁷¹¹:

«Тайные слова, которые для проведения гадания Зимри-Лим, мой господин, скажет мне или моему собрату-гадателю так, что я услышу или во время гадания узнаю о них по действиям моего собрата-гадателя, – я сохранию эти слова в тайне».

Обращение к богам с вопросами неизбежно вело к раскрытию замысла – будь то начало войны или заключение мирного договора. Жалуясь на утечки секретной информации, один из военачальников Мари писал⁷¹²:

«Если уж отчет гадателей не тайна, то что тогда тайна?».

Конечно, боги могли обращаться к людям и по собственной инициативе – например, при помощи таких небесных знамений, как солнечные или лунные затмения и другие астрономические

явления. Расшифровкой «небесных писем» (*šītir šamē*)⁷¹³ занимались астрологи, игравшие важную роль при правителях I тыс. до н. э. Гадатели полагали, что между двумя видами божественных писем существует прямая связь, о чем свидетельствует серия «Если печень – отражение неба»: боги могли писать людям как знаками на печени ягненка, так и небесными знаменьями, например, посылая кометы.

Наконец, иногда боги отправляли послания на обычных клинописных табличках. До нас дошли письма, где в качестве отправителя указано то или иное божество, например, послания богини Киритум царю Эшнунны Ибаль-пи-Элю⁷¹⁴. Но самое интересное свидетельство сохранилось в архивах Мари: благодаря ему нам известен посредник между божеством и правителем. Одно из писем рассказывает о гадателе, просившем прислать писца, которому он мог бы продиктовать послание Шамаша, предназначавшееся Зимри-Лиму⁷¹⁵. Самое интересное, что до нас дошло и само письмо с этим посланием, отправленное в Мари⁷¹⁶.

История Месопотамии в значительной мере написана на основе мемориальных надписей правителей. На ранних этапах развития ассириологической науки исторические очерки представляли собой не более чем пересказы таких текстов: в качестве примера можно привести знаменитую «Историю Ассирии» А. Олмстеда, опубликованную в 1923 г. Впрочем, ассириологи не должны принимать всю вину на себя: так, «Греческая история» Г. Глотца (1925 г.) написана по точно такой же методике. Развитие критического источниковедения позволило «декодировать» эти надписи: они по-прежнему служат основой для исторических реконструкций, но их данные проверяются и дополняются при помощи документальных источников – межгосударственных договоров, переписки и т. д.⁷¹⁷ Главное – понимать жанровые особенности текстов каждого типа, что позволит безошибочно интерпретировать их содержание.

Заключение

В заключение попытаемся ответить на фундаментальный вопрос: оказывало ли чтение и письмо в Месопотамии принципиальное воздействие на отношения человека с окружающим миром⁷¹⁸? Вероятно, мы не должны преувеличивать скорость, с которой эти отношения могут изменяться под влиянием такого нововведения, как письменность. Огромная масса дошедших до нас клинописных текстов (более 500 тыс. по доступным на сегодняшний день музейным каталогам!) не должна затемнять простую истину: информация и знания в месопотамской цивилизации долгое время передавались прежде всего устным путем. Например, культовые обряды крайне редко фиксировались на письме до начала I тыс. до н. э. Одним из главных ритуалов шумеро-аккадской религии было «омовение (или «открытие») уст» божественных статуй, которое позволяло богам вселиться в то, что до этого было всего лишь неодушевленным изделием⁷¹⁹. Этот обряд упоминается в текстах начиная с III тыс. до н. э., к той же эпохе относятся таблички с некоторыми заклинаниями, связанными с этим ритуалом⁷²⁰, однако его полная запись была обнаружена лишь в библиотеке Ашшурбанипала⁷²¹. Самые подробные обрядовые тексты вообще принадлежат к Селевкидской эпохе⁷²²: вероятно, стремление спасти древние ритуалы от забвения было по крайней мере отчасти вызвано контактами с греческой культурой.

С этой точки зрения очень показательны различные традиции передачи профессиональных знаний у гадателей. Месопотам-

ская идеология, отзвуки которой мы находим у эллинистического автора Бероса, отказывала людям в самой способности совершать открытия: на заре времен знания людям передал допотопный мудрец Оаннес. Берос уточняет⁷²³: «С того времени не было открыто ничего другого». В одном из текстов говорится, что покровители гадания Шамаш и Адад вначале доверили это тайное искусство допотопному царю Сиппара по имени Энмедуранки. Тот поведал о нем жителям Ниппура, Сиппара и Вавилона, которые затем передавали тайну от отца к сыну. Таким образом, всякий гадатель, обучающий одного из своих сыновей, был всего лишь последним звеном длинной цепочки, восходящей к самим богам⁷²⁴. Ту же концепцию отражает медицинский текст, завершающийся следующим образом⁷²⁵:

«Проверенные и испытанные мази и припарки согласно спискам, составленным со слов древних допотопных мудрецов, переданным в городе Шуруппак во 2-й год Энлиль-бани, царя Исина (1859 г. до н. э.), Энлиль-мубаллитом, мудрецом (*apkallu*), родом из Ниппура».

Но возникает вопрос, каким образом знания были сохранены во время Потопа, когда традиция должна была прерваться. Эпос об Эрре поясняет, что великий Потоп пощадил город Сиппар и, следовательно, устная традиция здесь не прерывалась⁷²⁶:

«Сиппар, вечный город, куда господин Земли не пустил воды Потопа».

Другая версия содержится в рассказе о Потопе, принадлежащем Беросу⁷²⁷:

«Кронос (Энки) явился Ксисутру (Зиусудре) во сне и открыл ему, что на 15-й день месяца десия человечество будет уничтожено великим потопом. Затем он приказал ему закопать все таблички, от первой до последней, сокрыв их в Сиппаре, городе Солнца».

Во время Потопа, когда ковчег коснулся вершины гор и Кси-

сутр вознесся на небеса, зазвучал голос, приказавший его спутникам воздать хвалу богам:

«Затем голос приказал им вернуться в Вавилонию, в город Сиппар, и, поскольку такова была их судьба, выкопать зарытые там таблички и передать их человеческому роду».

Эволюция идеи очевидна – от устной передачи знания к письменной традиции: примечательно, что последний текст принадлежит эллинистической эпохе.

Растущее значение письменности проявлялось также в распространении «благочестивых подделок», изготовлявшихся духовенством начиная с VI в. до н. э. Один из примеров – знаменитый «крестообразный монумент Маништушу», имитирующий надпись XXIII в. до н. э. с царским указом о дарениях великому храму Эбббар в Сиппаре⁷²⁸. Текст был сфальсифицирован в начале правления Набонида (VI в. до н. э.), скорее всего по заказу сиппарского жречества, чье святилище нуждалось в помощи царя⁷²⁹. В эллинистические времена духовенство Урука изготовило еще одну подделку, но на сей раз в менее корыстных целях⁷³⁰: во время реорганизации культа в Уруке, когда Ану сменил Иштар в роли главного божества и был построен новый храм Бит-Реш, было составлено лжепророчество. Табличка утверждает, что новые обрядовые правила были «найжены» в Эламе⁷³¹: очевидно, что задачей фальсификаторов было представить нововведения как возвращение к забытым прежним традициям.

Процесс письменной фиксации устной традиции пришелся на те времена, когда рождались и развивались алфавитные письменности (конец II – I тыс. до н. э.), и это не было случайным совпадением. Как мне кажется, месопотамские ученые осознали, что клинопись не выдержит соперничества с алфавитным, прежде всего арамейским, письмом. Но вместо того чтобы попытаться упростить клинопись, они сделали ее еще более сложной, введя дополнительные значения знаков и играя их чтениями: понять старовавилонский гадательный текст намного проще, чем его же копию, написанную по правилам I тыс. до н. э.⁷³² Практика игры чтениями знаков привела к появлению литературы комментариев, напоминающей более позднюю каббалистическую традицию⁷³³.

Это, в свою очередь, превратило клинопись в тайное знание, передававшееся от посвященного к посвященному⁷³⁴. Подлинным мудрецом стал считаться тот, кто владеет самыми сокровенными тайнами. В начале эпоса о Гильгамеше таким мудрецом предстает сам герой, отправившийся на поиски бессмертия⁷³⁵:

«О [постигшем] премудрость, о все пронизавшем: сокровенное видел он, тайное ведал, принес нам весть о днях до потопа».

Прежде главная задача письменности состояла в том, чтобы передать устное сообщение – либо во времени (административные и юридические тексты, мемориальные надписи), либо на расстоянии (письма). Иными словами, клинопись служила прежде всего средством коммуникации. Даже тексты, целенаправленно создававшиеся для будущего, не ставили целью передачу знаний: гимны и мемориальные надписи должны были сохранить в веках имя царя⁷³⁶! Гимн Lipit-Eštar B, воспевающий достоинства правителя в роли писца, заканчивается доксологией⁷³⁷:

«Хвала тебе никогда не исчезнет с глиняных (табличек) Школы (é.dub.ba),
Чтобы писцы могли петь тебе славу
И воздавать тебе великие почести.
Хвала тебе никогда не прекратится в Школе».

Этот текст переписывался множество раз, так как входил в базовую программу обучения писцов (см. гл. 2): каждый начинающий ученик в очередной раз воздавал хвалу правителю.

В начале поздней версии эпоса о Гильгамеше⁷³⁸ говорится, что легендарный царь Урука сам решил записать рассказ о своих тщетных поисках бессмертия. В те времена клинопись больше не была средством коммуникации (для этого служило арамейское письмо) – ее назначением была передача тайного знания, восходящего к допотопным мудрецам.

СОКРАЩЕНИЯ

AbB	Altbabylonische Briefe
ABL	Assyrian and Babylonian Letters
AfO	Archiv für Orientforschung
AnSt	Anatolian Studies
AoF	Altorientalische Forschungen
ARM	Archives royales de Mari
ASJ	Acta sumerologica Japonensia
AuOr	Aula Orientalis
BAK	H. Hunger. <i>Babylonische und assyrische Kolo- phone</i> . Neukirchen-Vluyn, 1968
BaM	<i>Baghdader Mitteilungen</i>
BiOr	<i>Bibliotheca Orientalis</i>
CAD	Chicago Assyrian Dictionary
CDLJ	<i>Cuneiform Digital Library Journal</i>
CDOG 2	J. Renger (Hrsg.). <i>Babylon: Focus mesopotamischer Geschichte (Wiege früher Gelehrsamkeit. Mythos in der Moderne. Colloquien der Deutschen Orient-Gesellschaft. 2)</i> . Saarbrücken, 1999
CRRAI 30	K. R. Veenhof (ed.). <i>Cuneiform Archives and Libraries. Papers read at the 30e Rencontre Assyriologique Internationale Leiden, 4–8 July 1983</i> . Leiden, 1986
CRRAI 32	K. Hecker & W. Sommerfeld (Hrsg.). <i>Keilschriftliche Literaturen. Ausgewählte Vorträge der XXXII. Rencontre Assyriologique Internationale</i> . Berlin, 1986
CRRAI 33	J.-M. Durand (éd.). <i>La femme dans le Proche-Orient antique. Compte rendu de la XXXIIIe Rencontre Assyriologique Internationale (Paris, 7-10 juillet 1986)</i> . Paris, 1987
CRRAI 34	<i>XXXIVe Rencontre assyriologique internationale, 6–10/VII/1987 Istanbul</i> . Ankara, 1998

- CRRAI 35 M. deJ. Ellis (ed.). *Nippur at the Centennial. Papers read at the 35e Rencontre Assyriologique Internationale, Philadelphia 1988*. Philadelphia, 1992
- CRRAI 38 D. Charpin et F. Joannès (éd.). *La circulation des biens, des personnes et des idées dans le Proche-Orient ancien. Actes de la XXXVIIIe Rencontre Assyriologique Internationale (Paris, 8–10 juillet 1991)*. Paris, 1992
- CRRAI 39 H. Watzoldt & H. Hauptmann (Hrsg.). *Assyrien im Wandel der Zeiten*. Heidelberg, 1997
- CRRAI 40 K. R. Veenhof (ed.). *Houses and Households in Ancient Mesopotamia. Papers read at the 40e Rencontre Assyriologique Internationale, Leiden, July 5–8, 1993*. Leiden, 1996
- CRRAI 45/1 T. Abusch et al. (ed.). *Historiography in the Cuneiform World. Proceedings of the XLVe Rencontre Assyriologique Internationale. Part I*. Bethesda, 2001
- CRRAI 45/2 W. W. Hallo & I. J. Winter (ed.). *Seals and Seal Impressions. Proceedings of the XLVe Rencontre Assyriologique Internationale. Part II*. Bethesda, 2001
- CRRAI 49 D. Collon & A. George (ed.). *Nineveh. Papers of the XLIXe Rencontre Assyriologique Internationale, London, 7–11 July 2003*. London, 2005
- CRRAI 51 R. D. Biggs et al. (ed.). *Proceedings of the 51st Rencontre Assyriologique Internationale held at the Oriental Institute of the University of Chicago July 18–22, 2005*. Chicago, 2008
- CRRAI 52 H. Neumann et al. (Hrsg.). *Krieg und Frieden im Alten Vorderasien*. Wiesbaden (в печати)
- CRAIBL *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*
- CT Cuneiform Texts
- CTN Cuneiform Texts from Nimrud

- FM Florilegium Marianum
- HUCA Hebrew Union College Annual
- JAOS Journal of the American Oriental Society
- JCS Journal of Cuneiform Studies
- JESHO Journal of the Economic and Social History of the Orient
- JNES Journal of Near Eastern Studies
- LAPO 16, 17, 18 J.-M. Durand. *Les Documents épistolaires du palais de Mari. I–III*. Paris, 1997–2000
- Mél. Artzi J. Klein & A. Skaist (eds.). *Bar-Ilan Studies in Assyriology dedicated to Pinhas Artzi*. Ramat-Gan, 1990
- Mél. Astour G. D. Young et al. (eds.). *Crossing Boundaries and Linking Horizons. Studies in Honor of M. C. Astour on His 80th Birthday*. Bethesda, 1997
- Mél. Birot J.-M. Durand & J.-R. Kupper (éds.). *Miscellanea babylonica. Mélanges offerts à Maurice Birot*. Paris, 1985
- Mél. Böhl M. A. Beek et al. (eds.). *Symbolae biblicae et mesopotamicae Francisco Mario Theodorico De Liagre Böhl dedicatae*. Leiden, 1973
- Mél. Borger S. Maul (Hrsg.). *Festschrift für Rykle Borger zu seinem 65. Geburtstag am 24. Mai 1994*. Groningen, 1998
- Mél. De Meyer H. Gasche et al. (éds.). *Cinquante-deux réflexions sur le Proche-Orient ancien offertes en hommage à Léon De Meyer*. Gand, 1994
- Mél. del Olmo Lete M. Molina et al. (eds.). *Arbor scientiae. Estudios del Próximo Oriente Antiguo dedicados a Gregorio del Olmo Lete con ocasión de su 65 aniversario*. Barcelona, 1999–2000
- Mél. Finet M. Lebeau & P. Talon (éds.). *Reflets des deux fleuves. Volume de mélanges offerts à André Finet*. Louvain, 1989
- Mél. Garelli D. Charpin & F. Joannès (éds.). *Marchands, diplomates et empereurs. Études sur la civili-*

- sation mésopotamienne offertes à Paul Garelli. Paris, 1991
- Mél. Greenfield Z. Zevit et al. (ed.). *Solving Riddles and Untying Knots. Biblical, Epigraphic, and Semitic Studies in Honor of Jonas C. Greenfield*. Winona Lake, 1995
- Mél. Hallo M. E. Cohen et al. (ed.). *The Tablet and the Scroll. Near Eastern Studies in Honor of W. W. Hallo*. Bethesda, 1993
- Mél. Hunger *Festschrift für Hermann Hunger zum 65. Geburtstag gewidmet von seinen Freunden, Kollegen und Schülern*. Wien, 2007
- Mél. Jacobsen S. J. Lieberman (ed.). *Sumerological Studies in Honor of Thorkild Jacobsen on his Seventieth Birthday*. Chicago, 1975
- Mél. Kienast G. Selz (Hrsg.). *Festschrift für Burkhard Kienast zu seinem 70. Geburtstage dargebracht von Freunden, Schülern und Kollegen*. Münster, 2003
- Mél. Klein Y. Sefati et al. (eds.). "An Experienced Scribe Who Neglects Nothing". *Ancient Near Eastern Studies in Honor of Jacob Klein*. Bethesda, 2005
- Mél. Kraus G. van Driel et al. (ed.). *Zikir šumim. Assyriological Studies Presented to F. R. Kraus on the Occasion of his Seventieth Birthday*. Leiden, 1982
- Mél. Kupper Ö. Tunca (éd.). *De la Babylonie à la Syrie, en passant par Mari. Mélanges offerts à Monsieur J.-R. Kupper à l'occasion de son 70e anniversaire*. Liège, 1990
- Mél. Lambert A. R. George & I. L. Finkel (eds.). *Wisdom, Gods and Literature. Studies in Assyriology in Honour of W. G. Lambert*. Winona Lake, 2000
- Mél. Larsen J. G. Dercksen (ed.). *Assyria and Beyond. Studies Presented to Mogens Trolle Larsen*. Leiden, 2004
- Mél. Leichty A. K. Guinan et al. (eds.). *If a Man Builds a Joyful House: Assyriological Studies in Honor of Erle Verdun Leichty*. Leiden-Boston, 2006
- Mél. Moran T. Abusch et al. (eds.). *Lingering Over Words. Studies in Ancient Near Eastern Literature in Honor of William L. Moran*. Atlanta, 1990
- Mél. D. Oates L. Al-Gailani Werr et al. (eds.). *Of Pots and Plans. Papers on the Archaeology and History of Mesopotamia and Syria Presented to David Oates in Honour of his 75th Birthday*. London, 2002
- Mél. Orthmann J.-W. Meyer et al. (Hrsg.). *Beiträge zur Vorderasiatischen Archäologie Winfried Orthmann gewidmet*. Frankfurt, 2001
- Mél. Reiner F. Rochberg-Halton (ed.). *Language, Literature, and History: Philological and Historical Studies presented to Erica Reiner*. New Haven, 1987
- Mél. Röllig B. Pongratz-Leisten, H. Kühne & P. Xella (Hrsg.). *Ana šadī Labnāni lū allik. Beiträge zu altorientalischen und mittelmeerischen Kulturen. Festschrift für Wolfgang Röllig*. Neukirchen-Vluyn, 1997
- Mél. Ruzé P. Sineux (éd.). *Le législateur et la loi dans l'Antiquité. Hommage à Françoise Ruzé*. Caen, 2005
- Mél. Sjöberg H. Behrens et al. (eds.). *DUMU-E₂-DUB-BA-A. Studies in Honor of Å. W. Sjöberg*. Philadelphia, 1989
- Mél. von Soden M. Dietrich & O. Loretz (Hrsg.). *Vom Alten Orient zum Alten Testament. Festschrift für Wolfram Freiherrn von Soden zum 85. Geburtstag am 19. Juni 1993*. Neukirchen-Vluyn, 1995
- Mél. Stève L. de Meyer et al. (eds.). *Fragmenta Historiae Elamicae: Mélanges offerts à M.-J. Stève*. Paris, 1986

- Mél. Vanstiphout P. Michalowski & N. Veldhuis (eds.). *Approaches to Sumerian Literature. Studies in Honour of Stip (H. L. J. Vanstiphout)*. Leiden–Boston, 2006
- Mél. Veenhof W. H. van Soldt et al. (eds.). *Veenhof Anniversary Volume. Studies Presented to Klaas R. Veenhof on the Occasion of his Sixty-fifth Birthday*. Leiden, 2001
- Mél. Walker C. Wunsch (ed.). *Mining the Archives. Festschrift für Christopher Walker on the Occasion of His 60th Birthday*. Dresden, 2002
- Mél. Wilcke W. Sallaberger et al. (Hrsg.). *Literatur, Politik und Recht in Mesopotamien. Festschrift C. Wilcke*. Wiesbaden, 2003
- Mém. Cagni S. Graziani (ed.). *Studi sul Vicino Oriente dedicati alla memoria di Luigi Cagni*. Napoli, 2000
- Mém. Diakonoff L. Kogan et al. (eds.) *Memoriae Igor M. Diakonoff*. Winona Lake, 2005
- Mém. Jacobsen T. Abusch (ed.). *Riches Hidden in Secret Places. Ancient Near Eastern Studies in Memory of Thorkild Jacobsen*. Winona Lake, 2002
- Mém. Sachs E. Leichty et al. (eds.). *A Scientific Humanist. Studies in Memory of Abraham Sachs*. Philadelphia, 1988
- MSL Materialien zum sumerischen Lexicon
 NABU *Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires*
 NAPR Northern Akkad Project Reports
 OBO 160/4 D. Charpin, D. O. Edzard & M. Stol. *Mesopotamien: die altbabylonische Zeit* (Orbis Biblicus et Orientalis 160/4). Freiburg–Göttingen, 2004
- OBTR S. Dalley et al. *The Old Babylonian Tablets from Tell al Rimah*. London, 1976
- Or *Orientalia*
 RA *Revue d'Assyriologie et d'Archéologie orientale*
 RHDFF *Revue historique de droit français et étranger*

- RIM Royal Inscriptions of Mesopotamia
 RIA Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie
- SAA State Archives of Assyria
 SAAB *State Archives of Assyria Bulletin*
 SCCNH Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians
- ShA 1 J. Eidem & J. Laessoe. *The Shemshara Archives*. Vol. 1. The Letters. Copenhagen, 2001
- TIM Texts in the Iraq Museum
 UF *Ugarit-Forschungen*
 VAB Vorderasiatische Bibliothek
 WO *Die Welt des Orients*
 ZA *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*
 ZAR *Zeitschrift für Altorientalische und Biblische Rechtsgeschichte*

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. G. P. Verbrugghe & J. M. Wickersham. *Berosos and Manetho, Introduced and Translated. Native Traditions in Ancient Mesopotamia and Egypt*. Ann Arbor, 1996. Стр. 44.

2. H. L. J. Vanstiphout. *Epics of Sumerian Kings. The Matter of Aratta*. Atlanta, 2003. Стр. 84–85, стк. 501–506.

3. Мы вернемся к этому вопросу в гл. 5. Пока же отметим, что сегодня проблема видится по-другому: мы придаем первостепенное значение изобразительным характеристикам протоклинописи, которая превратилась в фонетическое письмо лишь с течением времени. Подробнее см.: M. W. Green. The Construction and Implementation of the Cuneiform Writing System. *Visible Language* 15/4 (1981): 345–372.

4. Строки 318–324 эпоса интерпретируются как рассказ об изобретении под воздействием божественного вдохновения, см.: B. Foster. The Transmission of Knowledge. D. C. Snell (ed.). *A Companion to the Ancient Near East*. Oxford, 2005. Стр. 245–252.

5. См., например, P. Michalowski. Writing and Literacy in Early States: A Mesopotamian Perspective. D. Keller-Cohen (ed.). *Literacy: Interdisciplinary Conversations*. Cresskill, 1994. Стр. 49–70 (стр. 54).

6. См., например, M. Van De Mieroop. On Writing a History of the Ancient Near East. *BiOr* 54 (1997): 285–305.

Глава 1

7. См., например, *The Muse Learns to Write: Reflections on Orality and Literacy from Antiquity to the Present*. New Haven, 1986, или W. V. Harris. *Ancient Literacy*. Cambridge (Mass.), 1989.

8. J. Sasson et al. (ed.). *Civilizations of the Ancient Near East*. New York, 1995.

9. См. J. Klein. *Three Šulgi Hymns. Sumerian Royal Hymns Glorifying King Šulgi of Ur*. Ramat-Gan, 1981. Стр. 188–189, строка 19.

10. Строки 13–20 цитируются и комментируются в работах N. Veldhuis. *Elementary Education at Nippur*. Groningen, 1997 (стр. 24–25) и K. Volk. *Methoden altmesopotamischer Erziehung nach Quellen der altbabylonischen Zeit*. *Saeculum* 47 (1996): 178–216.

11. H. L. J. Vanstiphout. Lipit-Eštar's Praise in Edubba. *JCS* 30 (1978): 33–61 (стр. 36–37, строки 18–22).

12. См. J. Fincke. The Babylonian Texts of Nineveh. Report on the British Museum's Ashurbanipal Library Project. *AfO* 50 (2003–2004): 111–149 (стр. 120–122), а также новейшую работу: A. Livingstone. Ashurbanipal: Literate or Not? *ZA* 97 (2007): 98–118.

13. M. Streck. *Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige bis zum Untergange Niniveh's*. Leipzig, 1916. Стр. 252 (Asb. L⁴i 10–18); см. A. Livingstone. *ZA* 97: 100.

14. Известно палеографическое упражнение, один фрагмент которого был найден в Ниневии, а другой – в Нимруде (CTN IV 229); см. *рис.* 3, стр. 35.

15. B. Pongratz-Leisten. *Herrschaftswissen in Mesopotamien*. Helsinki, 1999. Стр. 312 (Gilgameš SB I 13' и 18').

16. SAA X 39.

17. CT 53 147 = SAA XVI 19; фотография: A. Livingstone, *ZA* 97: 107, *рис.* 2.

18. H. Hunger. *Babylonische und assyrische Kolophone*. Neukirchen-Vluyn, 1968. Стр. 97, № 318.

19. P. Villard. L'éducation d'Assurbanipal. *Ktèma* 22 (1997): 135–149 (стр. 148–149). См. также новейшую работу J. Fincke в *AfO* 50 (2003–2004): 119–122.

20. U. Seidl. Assurbanipals Griffel. *ZA* 97 (2007): 119–124. Точнее, речь идет о разновидности стиля, предназначенного для письма на восковых табличках – вероятно, наиболее престижном писчем материале.

21. Scribal Concepts of Education. С. Н. Kraeling & R. M. Adams (eds.). *City Invincible*. Chicago, 1960. Стр. 94–123 (в особенности стр. 111).

22. Образ грамотного правителя присутствует и в гимнах, обращенных к его преемнику Ишме-Дагану, а также к царю Энлил-бани (ср. N. Veldhuis. *Elementary Education at Nippur*. Стр. 25). Действительно ли они умели читать и писать или эти тексты попросту списаны с других гимнов? Ишме-Даган также объявляет себя чемпионом по бегу – в выражениях, очень напоминающих гимны Шульги. Возможно, мотив царя-писца был заимствован из тех же произведений.

23. G. Frame & A. R. George. The Royal Libraries of Nineveh: New Evidence for King Ashurbanipal's Tablet Collecting. *CRRAI* 49, стр. 265–284 (стр. 279).

24. P.-A. Beaulieu. *The Reign of Nabonidus King of Babylon 556–539 B. C.* New Haven–London, 1989. Стр. 79.

25. Id. *ibid.* Стр. 79, примеч. 10 и стр. 217.

26. Ср. коммент. П.-А. Болье: «Коротко говоря, автор *Verse Account* обвиняет Набонида в насаждении “знания” и “мудрости”, чуждых вавилонской культуре, которые якобы превосходят древнейшие и наиболее почитаемые месопотамские письменные памятники» (id. *ibid.*, стр. 218). Добавим, что автор *Verse Account* отказывает Набониду не во владении искусством писца (*tupšarrūtu*) как таковом, а в умении писать клинописью (букв.: “бить стилем”, *miḫiṣ qan tuppi*). Действительно, в Нововавилонский период в Месопотамии была широко распространена арамейская письменность, но для ученых текстов продолжали использовать клинопись. Не владея этим письмом, невозможно было получить прямой доступ к месопотамской религиозной традиции.

27. Другая, лояльная Набониду традиция, напротив, наделяет его этим знанием, см.: P. Machinist & H. Tadmor. *Heavenly Wisdom. Mél. Hallo*, стр. 146–151, особенно стр. 149b.

28. Scribal Concepts of Education, стр. 98.

29. См. *Le Clergé d'Ur au siècle d'Hammurabi (XIXe–XVIIIe siècles av. J.-C.)*. Genève–Paris, 1986 (гл. 6).

30. M. Tanret. *Per aspera ad astra. L'apprentissage du cunéiforme à Sippar-Amnānum pendant la période paléobabylonienne tardive*. Gand, 2002. Сиппар-Амнанум находился на месте городища Телль-эд-Дер, в 7 км от Сиппара-Яхрурум (городище Телль-Абу-Хабба).

31. Добавлю, что скорее всего ремеслу gala.maḫ Ур-Уту устно обучал его отец. Это отчасти объясняет, почему археологов постигло столь сильное разочарование: среди найденных табличек не оказалось ни одного текста религиозного содержания...

32. Scribal Concepts of Education, стр. 119.

33. J. Renger. Überlegungen zum akkadischen Syllabar. *ZA* 61 (1971): 23–43 (стр. 33).

34. M. T. Larsen. *The Old-Assyrian City-State and its Colonies*. Copenhagen, 1976. Стр. 305. Тем не менее автор добавляет: «Вопреки этим наблюдениям, следует предполагать, что у крупных контор были собственные писцы».

См. его же работу: What They Wrote on Clay в сборнике: K. Schousboe & M. T. Larsen (ed.). *Literacy and Society*. Copenhagen, 1989, стр. 133, и A. M. Ulshöfer. *Die altassyrischen Privatorkunden*. Stuttgart, 1995. Стр. 35.

35. M. T. Larsen. The Babylonian Lukewarm Mind: Reflections on Science, Divination and Literacy. *Mél. Reiner*, стр. 203–226, особенно стр. 220, примеч. 51.

36. C. Wilcke. *Wer las und schrieb in Babylonien und Assyrien. Überlegungen zur Literalität im Alten Zweistromland*. München, 2000.

37. Исследователь интересовался главным образом фонетической записью шумерской речи в контрактах периода III династии Ура.

38. См. прежде всего стр. 32 (анализ положения посвященных-*naditum* в городе Сиппар в Старовавилонский период). Сегодня у нас есть новые данные по этому вопросу: М. Танре выделил среди школьных табличек из дома Ур-Уту (см. выше) небольшую группу явно более ранних упражнений. Вероятно, они принадлежали посвященной-*naditum*, жившей в этом доме до отца Ур-Уту. Это первые свидетельства о том, как женщины этого статуса обучались грамоте.

39. Более подробно об этом говорится в моей книге *La correspondance à l'époque amorrite. Écriture, acheminement et lecture des lettres d'après les archives royales de Mari*, которая сейчас готовится к печати.

40. Water beneath Straw: Adventures of a Prophetic Phrase in the Mari Archives. *Mél. Greenfield*, стр. 599–608, особенно стр. 607, примеч. 21.

41. «Хаматиль, писец, слуга (царя) Яхдун-Лима»: легенда печати опубликована в *MARI* 3 (1984): 257.

42. D. Charpin & D. Beyler. Les sceaux de Yasim-sûmû. *MARI* 6 (1990): 619–624.

43. «Писец» (*mār bīt tup-pi*) в M.13021 (см.: J.-M. Durand, *MARI* 3, стр. 127, примеч. 14); «управляющий» (*šatammum*) в ARM XXI 398: 1.

44. Те же два титула, *mār bīt tup-pi* и *šatammum*, носил также некий Мебишум: см.: S. Maul. FM II, стр. 47, примеч. с.

45. См.: J. Eidem. *The Shemshāra Archives 2. The Administrative Texts*. Copenhagen, 1992 и мою рецензию на эту работу в *Syria* 71 (1994): 456–460.

46. ARM III 21 (= LAPO 17 741).

47. A.2463: 10–11 (неизданный текст, на который мне указал М. Гишар).

48. Ж.-М. Дюран отмечает, что опубликованные им письма Дариш-либура (*Le Culte d'Addu d'Alep et l'affaire d'Alahtum*. Paris, 2002) легко

узнать с первого взгляда по характерным почерку и расположению текста. Возможно, все они написаны рукой самого чиновника во время его поездки в Халаб. Впрочем, нельзя исключить, что Дариш-либур пользовался услугами местного писца.

49. FM VIII 47: 18'–21'.

50. A.2671+A.4006. Текст цитируется в работе: J.-M. Durand. *Administrateurs de Qaṭṭunân*. FM II, стр. 83–114 (стр. 91, примеч. 20).

51. Выше и ниже приведены лишь отдельные примеры: полный обзор данных будет представлен в моей книге, которая упоминалась выше.

52. ARM XXVI/2 429: 7–9. Мы изменили перевод для строки 8 («[т]ы, вели их тебе прочитать»), таким образом, соответствующее примечание к тексту утрачивает силу.

53. Неизданный текст A.1231.

54. См. присягу Суму-хаду (J.-M. Durand. LAPO 16 51).

55. A.4215 (= LAPO 16 65): 27–28.

56. Ср.: J.-R. Kupper. Lettres “barbares” de Shemshāra. *NABU* 1992/105.

57. См. замечания Ж.-М. Дюрана в ARM XXVI/1, стр. 62–63.

58. ARM XXVI/2 344.

59. ARM XXVI/2 333: 3–6.

60. Эти письма написаны довольно неаккуратно и отклоняются от нормы по многим показателям (силлабарий, порядок слов и т. д.). См. мою работу: *Lakkadien des lettres d'Ilân-surâ*. *Mél. Finet*, стр. 31–40, особенно стр. 38–39 (в то время я не рассматривал эту гипотезу).

61. M. T. Larsen. *Mél. Reiner*, стр. 220, примеч. 51.

62. A.2583; цитируется в работе J.-M. Durand. ARM XXVI/1, стр. 63, примеч. 314.

63. J. M. Sasson. About “Mari and the Bible”. *RA* 92 (1998): 117–118, примеч. 82.

64. Об этом случае рассказывается ниже, стр. 157, примеч. 443.

65. J. M. Sasson. About “Mari and the Bible”, стр. 117.

66. См. A.2671+A.4006 (цитировалось выше, стр. 44, примеч. 50).

67. Подробнее см. в моем исследовании *Données nouvelles sur la région du Petit Zab au XVIIIe siècle av. J.-C.* *RA* 98 (2004): 151–178 (стр. 177).

68. D. Fleming. *Time at Emar. The Cultic Calendar and the Rituals from the Diviner's House*. Winona Lake, 2000. Стр. 26.

69. См.: J.-M. Durand. ARM XXVI/1, стр. 53–54 и 62–63. Ср. также лестные высказывания Дж. Сассона о матери царя Зимри-Лима: «Из

переписки Адду-дури очевидно следует, что она умела читать предзнаменования без обращения к профессионалам» (FM II, стр. 304).

70. См. выше, стр. 46, примеч. 62.

71. Неизданный текст А.3611⁺: 5–10.

72. ARM XVIII 16⁺: 43–48 (см.: J.-M. Durand. LAPO 16 92).

73. Подробнее см. гл. 7, стр. 247–249.

74. См.: В. Lion. Dame Inanna-ama-mu, scribe à Sippar. RA 95 (2001): 7–32, а также В. Lion & E. Robson. Quelques textes scolaires paléobabyloniens rédigés par des femmes. JCS 57 (2005): 37–54.

75. N. Ziegler. *Le Harem de Zimri-Lim* (FM IV). Paris, 1999.

76. Например, Шима-илат в ARM XXII 322: 58 (опись приданого Шиматум). Возможно, женщина-писец была и в окружении царевны Киру (MARI 3, стр. 167, примеч. 41).

77. Эта женщина по имени Аттар-пальги упоминается как заемщица денег, принадлежавших богине Мулиссу, в двух договорах, датирующихся постканоническим эпонимом, между 648 и 612 г. до н. э. (CTN III 39: 4 и конверт 5, а также 40: 3).

78. Gilgameš VII 204–205 (A. R. George. *The Babylonian Gilgamesh Epic*. Oxford, 2003. Стр. 644–645 и коммент. на стр. 851).

79. См. мою заметку: Le scribe accroupi en Mésopotamie. NABU 2007, № 61.

80. См., например, R. Borger. *Mesopotamisches Zeichenlexikon*. Münster, 2003.

81. D. O. Edzard. Keilschrift. RIA 5, стр. 544–568 (стр. 561b).

82. A. Goetze. *Old Babylonian Omen Texts*. New Haven – London, 1947.

83. S. Parpola. The Man Without a Scribe and the Question of Literacy in the Assyrian Empire. *Mél. Röflig*, стр. 315–324. Письмо было опубликовано как ABL 151, а затем переиздано как SAA XV 17.

84. *Loc. cit.*, стр. 321, примеч. 17.

85. Для сравнения: в ту же эпоху репертуар переписки такого высококвалифицированного писца, как Мари-Иссар, составлял 225 знаков (170 силлабограмм и 55 логограмм).

86. The Man Without a Scribe, стр. 321–322. Впрочем, удивляет, что в статье С. Парполы нет ни одного упоминания о существовавшей в ту эпоху конкуренции между клинописью и арамейской алфавитной письменностью (см. гл. 3).

87. A. Livingstone. Ashurbanipal: Literate or Not? ZA 97 (2007): 98–118.

88. SAA XVI 28; я в основном следуя новой интерпретации письма, продолженной А. Ливингстоном.

89. О ситуации в III тыс. до н. э. см.: G. Visicato. *The Power and the Writing. The Early Scribes of Mesopotamia*. Bethesda, 2000.

90. Рабы, представители другого социального полюса, иногда тоже получали образование писца. Свидетельства такого рода для I тыс. до н. э. приводятся в работе: M. Dietrich. Babylonische Sklaven auf der Schreiberschule. Anspielungen auf *tupšarrūtu*-Lehrverträge in OIP 114, 83 und YOS 19, 110. *Mél. Veenhof*, стр. 67–81.

91. Я согласен со следующими выводами Дж. С. Купера: «Действительно, грамотность – это общественный феномен, масштаб которого не связан со сложностью системы письма, как показывают примеры современной поголовно грамотной Японии, пользующейся тысячами знаков кандзи и двумя формами письма кана, и средневековой, в основном неграмотной Европы с ее простейшим алфавитом» (J. S. Cooper. Babbling on: Recovering Mesopotamian Orality. M. E. Vogelzang & H. P. J. Vanstiphout (eds.). *Mesopotamian Epic Literature: Oral or Aural?* Lawiston, 1992. Стр. 103–122 (стр. 110)). Отметим, что эта аргументация противоречит рассмотренным выше гипотезам о распространении грамотности среди староассирийских писцов.

92. Единственное доступное мне исследование этого явления – статья А. К. Грэйсона (Murmuring in Mesopotamia. *Mél. Lambert*, стр. 301–308). Я согласен не со всеми выводами автора.

93. Современное состояние вопроса и библиография представлены в работе: G. Cavallo & R. Chartier (éds.). *Histoire de la lecture dans le monde occidental*. Paris, 1997 (см. прежде всего главу: J. Svenbro. La Grèce archaïque et classique: l'invention de la lecture silencieuse (стр. 47–77)). Ср. также работу А. К. Гаврилова *Techniques of Reading in Classical Antiquity. Classical Quarterly* 47 (1997): 56–73. Эта статья содержит мощную аргументацию в пользу того, что чтение «про себя» существовало задолго до эпохи блаженного Августина.

94. ARM XXVI/2 396.

95. См. S. M. Maul. FM II, стр. 50, № 18, примеч. h.

96. A.2701, опубликовано в моей работе “Lies natürlich...” À propos des erreurs de scribes dans les lettres de Mari. *Mél. von Soden*, стр. 43–56 (стр. 48–50).

97. Многочисленные примеры того, что в Старовавилонский период глагол *amārum* мог иметь значение «читать», приводятся в CAD A₂ 18.

98. См. примеры в CAD T 111b.
 99. Примеры см.: CAD Š₂ 166b.
 100. M. Roth. *Law Collections from Mesopotamia and Asia Minor*. Atlanta, 1995. Стр. 134 (xlvi: 3–17). См. мой комментарий в статье Le statut des «codes de lois» des souverains babyloniens. *Mél. Ruzé*, стр. 93–108 (стр. 101).
 101. FM II 17. См. комментарий к этому тексту: С. Wilcke. *Wer las und schrieb in Babylonien und Assyrien*. München, 2000. Стр. 24.
 102. K. Radner. *Die Macht des Namens*. Wiesbaden, 2005. Стр. 84.
 103. Гимн ремеслу писца, опубликованный А. Шёбергом (In Praise of the Scribal Art. *JCS* 24 (1972): 126–131), не свидетельствует о пренебрежительном отношении к другим профессиям.
 104. *ṣuṣarrūtam wuddi lamdāni* (ССТ 4 6°: 5, цитируется в CAD T 163a).
 105. ^oNA *bānu šīri ṣuṣarrūti*, ср. CAD T 162b; впрочем, употребление слова *šīrum* в этом значении представляет собой исключение.
 106. На этот факт справедливо обращает внимание П. Михаловский: Writing and Literacy in Early States: A Mesopotamian Perspective. D. Keller-Cohen (ed.). *Literacy: Interdisciplinary Conversations*. Cresskill, 1994. Стр. 49–70.
 107. H. P. J. Vanstiphout. School Dialogues. W. W. Hallo & K. P. Younger Jr. (eds.). *The Context of Scripture*. 1. Leiden, 1997. Стр. 589, стк. 20.

Глава 2

108. A. Sjöberg. Der Vater und sein Missratener Sohn. *JCS* 25 (1973): 105–169 (стк. 115–116).
 109. См. коллективную статью «Sumer» в: *Supplément au Dictionnaire de la Bible* 72–73. Paris, 1999–2002 (стр. 78–359), а также издание: J. Bauer, R. K. Englund & M. Krebernik. *Mesopotamien. Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit*. Freiburg & Göttingen, 1998.
 110. Новейшая работа по этой проблеме: N. Veldhuis. How Did They Learn Cuneiform? Tribute/Word List C as an Elementary Exercise. *Mél. Vanstiphout*, стр. 181–200.
 111. См. H. Waetzoldt. Keilschrift und Schulen in Mesopotamien und Ebla. *Erziehungs- und Unterrichtsmethoden im historischen Wandel* (Schriftenreihe zum Bayrischen Schulmuseum Ichenhausen 4). Bad Heilbrunn, 1986. Стр.

- 36–50; A. Archi. Transmission of the Mesopotamian Lexical and Literary Texts. *Quaderni di Semitistica* 18 (1992): 1–40.
 112. F. Pomponio. “Archives” and the Prosopography of Fara. *ASJ* 5 (1983): 127–145.
 113. B. R. Foster. Shuruppak and the Sumerian City State. *Mém. Diakonoff*, стр. 71–88 (стр. 88).
 114. M. Civil. An Early Dynastic School Exercise from Lagaš. *BiOr* 40 (1983): 559–566.
 115. H. Waetzoldt. *JAOS* 111 (1991): 638.
 116. Их перечень приводит Х. Ветцольд *apud* P. D. Gesche. *Schulunterricht in Babylonien im ersten Jahrtausend v. Chr.* Münster, 2001. Стр. 15–16.
 117. Этим же объясняется, по крайней мере отчасти, почти полное отсутствие частных архивов периода III династии Ура.
 118. В то же время нельзя не отметить, что реформа письменности была проведена в правление Ур-Намму (H. Waetzoldt. *JAOS* 111 (1991): 638), и именно он, а не Шульги стоит за созданием свода законов, носящего имя последнего в ассириологической традиции. Возможно, мы слишком многое приписываем Шульги по той простой причине, что именно в его царствование административная документация стала такой многочисленной.
 119. G. Visicato. *The Power and the Writing. The Early Scribes of Mesopotamia*. Bethesda, 2000.
 120. Шумерский термин *é.dub.ba.a* обычно переводится как «дом табличек» в соответствии с его аккадским эквивалентом *bīt tuppim*, но вопрос о значении конечного -а в этом словосочетании остается нерешенным. Недавно был предложен перевод «дом, который назначает таблички» или «дом, где назначаются таблички» (см.: K. Volk. *ZA* 90 (2000): 3).
 121. См. гл. 1, стр. 32–33, примеч. 10.
 122. Гимн Šulgi В, строки 272–275. Эта и две следующие цитаты даются по шумерскому тексту из базы данных *Electronic Text Corpus of Sumerian Literature* (www.etcs.lorinst.ox.ac.uk).
 123. Гимн Šulgi Е, стк. 53–61.
 124. Гимн Šulgi Е, стк. 240–257.
 125. См. в работе: D. Charpin. *Le Clergé d'Ur au siècle d'Hammurabi (XIXe–XVIIIe siècles av. J.-C.)*. Genève–Paris, 1986.
 126. Перевод этих трех текстов опубликован в статье: H. Vanstiphout. School Dialogues. W. W. Hallo & K. P. Younger Jr. (eds.). *The Context of Scripture*. Vol. 1. Leiden, 1997. Стр. 589–590.

127. Это название, как и другие, придумано уже в наше время: в месопотамской традиции произведение обозначалось по его первым словам (инципиту); подробнее см. гл. 6, стр. 190.

128. M. Civil. Sur les «livres d'écolier» à l'époque paléo-babylonienne. *Mél. Birot*, стр. 67–78 (стр. 72, Edubba D: 22–25).

129. Edubba A: 6–10, перевод М. Сивиля, loc. cit., стр. 75.

130. Edubba A: 75–76, перевод М. Сивиля, loc. cit., стр. 75–76.

131. См. гл. 1, стр. 50.

132. D. Charpin. L'archivage des tablettes dans le palais de Mari: nouvelles données. *Mél. Veenhof*, стр. 13–30 (стр. 30, примеч. 56). Этот аргумент дополняет доводы архитектурного порядка, которые приводит Ж. Маргерон в своих работах: *Recherches sur les palais mésopotamiens à l'Âge du Bronze*. Paris, 1982 (стр. 345–349) и *Quelques remarques concernant les archives retrouvées dans le palais de Mari*. *CRRAI* 30, стр. 141–152 (особенно стр. 144).

133. D. Charpin. *Le Clergé d'Ur au siècle d'Hammurabi*. Стр. 434–485.

134. M. Tanret. *Per aspera ad astra. L'apprentissage du cunéiforme à Sippar-Amnānum pendant la période paléobabylonienne tardive*. Gand, 2002.

135. См. мою работу *Le Clergé d'Ur*, стр. 420–434.

136. См. очень подробный анализ в: E. Robson. The Tablet House: a Scribal School in Old Babylonian Nippur. *RA* 95 (2001): 39–66.

137. M. Civil. *MSL* 12, стр. 27–28.

138. A. Cavigneaux. Schultexte aus Warka. *BaM* 13 (1982): 21–30.

139. Согласно указаниям В. Заллабергера, *ZA* 86, стр. 179, примеч. 16.

140. A. George. In Search of the é.dub.ba.a: The Ancient Mesopotamian School in Literature and Reality. *Mél. Klein*, стр. 127–137.

141. См.: D. Charpin. The Functions of Mesopotamian Temples. *BiOr*, в печати.

142. Дается по изданию: N. Veldhuis. *Elementary Education at Nippur*. Groningen, 1997. Стр. 47.

143. E. Robson. *Mesopotamian Mathematics, 2100–1600 B. C. Technical Constants in Bureaucracy and Education*. Oxford, 1999.

144. См., например, J. Klein & T. Sharlach. A Collection of Model Court Cases from Old Babylonian Nippur (CBS 11324). *ZA* 97 (2007): 1–25.

145. M. Civil. Sur les «livres d'écolier» à l'époque paléo-babylonienne. *Mél. Birot*, стр. 67–78 (стр. 70 и 72, стк. 43–48).

146. M. Civil. Lexicography. *Mél. Jacobsen*, стр. 123–157 (стр. 145, примеч. 36). Библиографические данные о каталогах приводятся в рабо-

те: H. P. J. Vanstiphout. On the Old Babylonian Edubba. J. W. Drijvers & A. A. MacDonald (eds.). *Centres of Learning: Learning and Location in Pre-Modern Europe and the Near East*. Leiden, 1995. Стр. 3–16 (стр. 9, примеч. 20), а также: A. Shaffer. A New Look at Some Old Catalogues. *Mél. Lambert*, стр. 429–436.

147. H. P. J. Vanstiphout. How Did They Learn Sumerian? *JCS* 31 (1979): 118–126.

148. S. Tinney. On the Curricular Setting of Sumerian Literature. *Iraq* 61 (1999): 159–172. Этому автору принадлежат обозначения «тетрада» и «декада».

149. Диалог Энки-мансума и Гирни-исы, стк. 12.

150. B. R. Foster. Late Babylonian Schooldays: An Archaizing Cylinder. *Mél. Kienast*, стр. 79–87 (стр. 86).

151. H. P. J. Vanstiphout. The Old Babylonian Literary Canon: Structure, Function and Intentio. G. Dorleijn & H. P. J. Vanstiphout (eds.). *Cultural Repertoires: Structure, Function, and Dynamics*. Leuven, 2003. Стр. 1–28.

152. См.: P. Michalowski. Königsbriefe. *RIA* 6, стр. 51–59. Ожидается издание монографии этого автора под названием *Royal Correspondence of Ur*.

153. См. многочисленные примеры в работе: K. Radner. *Die Macht des Namens*. Wiesbaden, 2005. Стр. 244–250. Для предшествующего периода см.: J. Klein. On Writing Monumental Inscriptions in Ur III Scribal Curriculum. *RA* 89 (1986): 1–7.

154. G. Buccellati. Through a Tablet Darkly. A Reconstruction of Old Akkadian Monuments Described in Old Babylonian Copies. *Mél. Hallo*, стр. 58–71.

155. См. библиографические указания в издании: H. P. J. Vanstiphout. On the Old Babylonian Edubba. Стр. 8, примеч. 16.

156. K. Volk. Methoden altmesopotamischer Erziehung nach Quellen der altbabylonischen Zeit. *Saeculum* 47 (1996): 178–216.

157. H. P. J. Vanstiphout. The Twin Tongues. Theory, Technique, and Practice of Bilingualism in Ancient Mesopotamia. H. P. J. Vanstiphout et al. (eds.). *All Those Nations... Cultural Encounters within and with the Near East*. Groningen, 1999. Стр. 141–159.

158. См., например: W. Sallaberger. Das Ende des Sumerischen. Tod und Nachleben einer altmesopotamischen Sprache. P. Schrijver & P.-A. Mumm (Hrsg.). *Sprachtod und Sprachgeburt*. Bremen, 2004. Стр. 108–140; C. Woods. Bilingualism, Scribal Learning, and the Death of Sumerian. S. Sanders (ed.),

Margins of Writing, Origins of Culture: New Approaches to Writing and Reading in the Ancient Near East. Chicago, 2006. Стр. 91–120; P. Michalowski. *The Lives of the Sumerian Language*. Там же. Стр. 159–184.

159. D. Charpin. Le sumérien, langue morte parlée. *NABU* 1994/6.

160. G. Rubio. Šulgi and the Death of Sumerian. *Mél. Vanstiphout*, стр. 167–179.

161. См. комментированное издание этого текста в статье: N. Ziegler & D. Charpin. Amurritisch lernen. *Mél. Hunger*, стр. 55–77.

162. См.: J.-M. Durand. *LAPO* 16 22.

163. «Книга, по которой учатся читать по-латыни, есть Псалтирь; но к этим занятиям могут приступать лишь те, кто в совершенстве умеет читать по-французски» (J.-B. de La Salle. *Conduites des écoles chrétiennes*. Avignon, 1720. Глава 3, статья 8 «О чтении по-латыни»).

164. Пословица № 47 из «Собрания 2» (B. Alster. *Proverbs of Ancient Sumer. The World's Earliest Proverb Collections*. Bethesda, 1997. Стр. 54).

165. См.: A. George. *Mél. Klein*, стр. 128 и примеч. 2.

166. См., например: W. Sallaberger. "Wenn Du mein Bruder bist...". *Interaktion und Textgestaltung in altbabylonischen Alltagsbriefen*. Groningen, 1999. Стр. 149–154.

167. M. Civil. Bilingual Teaching. *Mél. Berger*, стр. 1–7.

168. Edubba D 36–38 (M. Civil. Sur les «livres d'écolier», стр. 70).

169. N. Veldhuis. *AfO* 44–45 (1997–1998): 362b – о группе школьных текстов, найденных в яме у храма Эанна («Scherbenloch»).

170. N. Veldhuis. Kassite Exercises: Literary and Lexical Extracts. *JCS* 52 (2000): 67–94.

171. G. Beckman. Mesopotamians and Mesopotamian Learning at Hattuša. *JCS* 35 (1983): 97–114.

172. K. van der Toorn. Cuneiform Documents from Syria-Palestine: Texts, Scribes, and Schools. *ZDPV* 116 (2000): 97–113. О ситуации в Угарите см.: W. H. van Soldt. *Babylonian Lexical, Religious and Literary Texts, and Scribal Education at Ugarit and its Implications for the Alphabetic Literary Texts*. M. Dietrich & O. Loretz (Hrsg.). *Ugarit: ein ostmediterranes Kulturzentrum im Alten Orient. Ergebnisse und Perspektiven der Forschung*. Münster, 1995. Стр. 171–212.

173. Y. Cohen. Kidin-Gula – The Foreign Teacher at the Emar Scribal School. *RA* 98 (2004): 81–100.

174. M. Civil. The Texts from Meskene-Emar. *AuOr* 7 (1989): 5–25.

175. На эту тему написана диссертация: P. D. Gesche. *Schulunterricht in Babylonien im ersten Jahrtausend v. Chr.* Münster, 2001. Стр. 8–27 (дополнительно см.: N. Veldhuis. On the Curriculum of the Neo-Babylonian School. *JAOS* 123 (2003): 627–633; A. George. *AfO* 50 (2003–2004): 403–406).

176. Они были опубликованы только несколько десятилетий спустя: M. Civil, O. R. Gurney & D. A. Kennedy. *The Sag-Tablet. Lexical Texts in the Asmolean Museum*. Rome, 1986. Стр. 45–69 и илл. I–XXVII; O. Gurney. *Literary and Miscellaneous Texts in the Ashmolean Museum, Oxford*. № 103–141. Ср. S. Maul. *BiOr* 48 (1991): 858–860.

177. A. Cavigneaux. *Textes scolaires du temple de Nabû ša ḫarê*. Baghdad, 1981 (опубликованы 250 текстов); исследование того же автора: *Nabû ša ḫarê und die Kinder von Babylon (CDOG 2)*. Berlin, 1999. Стр. 385–391.

178. A. Cavigneaux. *Textes scolaires*. Стр. 49. См. также работу того же автора: Un colophon de Type Nabû ša ḫarê. *ASJ* 18 (1996): 23–30.

179. См.: H. Hunger. *Spätbabylonische Texte aus Uruk*. I. Berlin, 1976; E. von Weiher. *Spätbabylonische Texte aus Uruk*. II–V. Berlin, 1983–1998.

180. Таблички, опубликованные в издании П. Геше (*Schulunterricht in Babylonien*) хранятся в Британском музее и были приобретены в XIX в., поэтому их точное происхождение и тем более археологический контекст неизвестны; большинство табличек, скорее всего, найдены в Вавилоне и Сиппаре. Недавно при раскопках в Ниппуре были обнаружены школьные тексты второй половины VIII в. до н. э. (S. W. Cole. *The Early Neo-Babylonian Governor's Archive from Nippur*. Chicago, 1996): списки знаков и слов (№ 114–123), учебные перечни собственных имен (№ 124–127) и рукопись «Наставления правителю» (№ 128).

181. В письме SAA X 160: 49 перечисляются пять профессий в следующем порядке: писцы (*tupšarrū*), плакальщики (*kalū*), заклинатели (*āšipū*), гадатели (*bārū*), врачи (*asū*). Впрочем, чаще всего медицина не считалась отдельной областью знания, хотя иногда в текстах различают «врачевание» (*asūtu*) и «работа заклинателя» (*āšipūtu*).

182. См. гл. 6.

183. N. Veldhuis. Reading the Signs. H. P. J. Vanstiphout et al. (eds.). *All Those Nations...* Groningen, 1999. Стр. 161–174.

184. R. Leiderer. *Anatomie der Schafsleber im babylonischen Leberorakel. Eine makroskopisch-analytische Studie*. München, 1990.

185. SAA X 160: 36–43. О датировке этого письма правлением Асархаддона см.: J. Fincke. *AfO* 50, стр. 118, примеч. 56.

186. SAA XVI 65. Известно также о запрете давать ребенку имя царствующего правителя или его предков: L. Kataja. A Neo-Assyrian Document on Two Cases of River Ordeal. *SAAB* 1 (1987): 65–68.

187. J. A. Brinkman. The Use of Occupation Names as Patronyms in the Kassite Period: A Forerunner of Neo-Babylonian Ancestral Names? *Mél. Leichty*, стр. 23–43.

188. F. Rochberg-Halton. Canonicity in Cuneiform Texts. *JCS* 36 (1984): 127–144.

189. D. B. Weisberg. An Old Babylonian Forerunner to *šumma ālu*. *HUCA* 40 (1969): 87–104.

190. F. Joannès. Un précurseur paléo-babylonien de la série *šumma ālu*. *Mél. De Meyer*, стр. 305–312.

191. См. введение к работе: S. M. Freedman. *If a City Is Set on a Height. The Akkadian Omen Series Šumma Alu ina Mēlē Šakin*. Vol. 1. Tablets 1–21. Philadelphia, 1998.

192. I. L. Finkel. Adad-apla-iddina, Esagil-kīn-apli, and the Series SA.GIG. *Mém. Sachs*, стр. 143–159.

193. J. Friberg. *Mathematik*. RIA 7, стр. 531–585 (о «стагнации» см.: стр. 583).

194. W. G. Lambert. The Laws of Hammurabi in the First Millennium. *Mél. Finet*, стр. 95–98.

195. Ср.: R. Borger. *Geheimwissen*. RIA 3, стр. 188–191. См. также статьи в: J. Servier (éd.). *Dictionnaire critique de l'ésotérisme*. Paris, 1998 (список статей о клинописной Месопотамии на стр. 1404).

196. K. van der Toorn. Why Wisdom Became a Secret: On Wisdom as a Written Genre. R. J. Clifford (ed.). *Wisdom Literature in Mesopotamia and Israel*. Atlanta, 2007. Стр. 21–29.

Глава 3

197. G. Tessier. *La diplomatie* (3e éd.). Paris, 1966. Стр. 14.

198. См. общий обзор в изд.: H. J. Nissen, P. Damerow & R. K. Englund. *Archaic Bookkeeping. Writing and Techniques of Economic Administration in the Ancient Near East*. Chicago & London, 1993. Ср. также: Ph. Talon & K. Van Lerberghe (éds.). *En Syrie aux origines de l'écriture*. Turnhout, 1998. Из новых работ см.: R. K. Englund. Texts from the Late Uruk Period в изд.:

J. Bauer, R. K. Englund & M. Krebernik. *Mesopotamien. Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit*. Freiburg & Göttingen, 1998. Стр. 15–233.

199. M. J. Geller. The Last Wedge. *ZA* 87 (1997): 43–95. Существует и более критическая точка зрения: A. Westenholz. *ZA* 97 (2007): 294–309.

200. Общее представление об этом может дать, например, каталог выставки в Гран-Пале (Париж) в 1982 г.: B. André-Leicknam, Ch. Ziegler (éds.). *Naissance de l'écriture*. Paris, 1982.

201. См., например: J. N. Postgate. Middle Assyrian Tablets: the Instruments of Bureaucracy. *AoF* 13 (1986): 10–39 (к сожалению, без иллюстраций); K. Radner. The Relation Between Format and Content of Neo-Assyrian Texts. R. Mattila (ed.). *Nineveh 612 B. C.. The Glory and Fall of the Assyrian Empire*. Helsinki, 1995. Стр. 63–77.

202. Странно, что глина (*īdu*) очень редко упоминается в аккадских текстах как писчий материал: ссылки в CAD T 109 занимают менее четверти страницы.

203. Этот письменный прибор стал поводом для появления многих авантюрных гипотез – см.: обзор проблемы в 3-м издании книги: G. R. Driver. *Semitic Writing*. London, 1976 (стр. 23–26). Из более новых работ следует упомянуть следующие: H. W. F. Saggs. The Reed Stylus. *Sumer* 37 (1981): 127–128; M. Powell. Three Problems in the History of Cuneiform Writing: Origins, Direction of Script, Literacy. *Visible Language* 15/4 (1981): 419–440 (рис. 1–11).

204. M. Tanret. *Per aspera ad astra*. Gand, 2002. Стр. 25–26 (полезные замечания о способах удержания стиля в руке).

205. В литературных текстах упоминаются стили из золота и серебра. Идет ли речь о действительно существовавших предметах роскоши или мы имеем дело с обычной метафорой? Во дворце Угарита и на городище Хаммам-эт-Туркман были найдены бронзовые стили, см.: например: E. Bleibtreu. *Bemerkungen zum Griffel des Tontafelschreibers*. *Mél. Kienast*, стр. 1–5.

206. ARM XXVIII 105: 9–10.

207. См.: D. J. W. Meijer. A Scribal Quarter? *Mél. Larsen*, стр. 387–393.

208. M. Civil. Bilingual Teaching. *Mél. Borger*, стр. 1–7 (BM 54746: 5'–10').

209. Ниже следует краткое изложение моего исследования: Corrections, ratures, annulations: la pratique des scribes mésopotamiens. R. Laufer (éd.). *Le texte et son inscription*. Paris, 1989. Стр. 57–62.

210. См., например: F. N. H. Al-Rawi & S. Dalley. *Old Babylonian Texts from Private Houses at Abu Habbah Ancient Sippir Baghdad University Excavations*. London, 2000 (№ 3 [несколько текстов], 49 и 50).

211. См. D. Bonreterre. Pour une étude des dermatoglyphes digitaux sur des tablettes cunéiformes. *Akkadica* 59 (1988): 26–29.

212. Иногда на больших табличках характеристики письма меняются к концу текста: это явление объясняется высыханием глины. Добавления, сделанные на твердеющей поверхности таблички, очень легко отличить от остального текста.

213. О проблеме обжига табличек в древности см.: K. R. Veenhof. Cuneiform Archives. An Introduction. *CRRAI* 30, стр. 1, примеч. 2, а также J. Fincke. *A/O* 50 (2003–2004): 126.

214. См. безупречную аргументацию Ж. Маргерона в работе: Notes d'archéologie et d'architecture orientales. 7. Feu le four à tablettes de l'ex-«cour V» du palais d'Ugarit. *Syria* 72 (1995): 55–69.

215. В некоторых публикациях, претендующих на «естественнонаучный» подход, указывается оттенок табличек по цветовым таблицам. Очевидно, что такая точность не имеет никакого смысла.

216. X. Faivre. Le recyclage des tablettes cunéiformes. *RA* 89 (1995): 57–66.

217. См.: K. E. Slanski. *The Babylonian Entitlement narûs (kudurrus). A Study in Their Form and Function*. Boston, 2003; дополнения: D. Charpin. La commémoration d'actes juridiques: à propos des *kudurrus* babyloniens. *RA* 96 (2002): 169–191; J. A. Brinkman. Babylonian Royal and Land Grants, Memorials of Financial Interest, and Invocation of the Divine. *JESHO* 49 (2006): 1–47.

218. См., например, K. E. Slanski. Representation of the Divine on the Babylonian Entitlement Monuments (*kudurrus*). Part I: Divine Symbols. *A/O* 50 (2003–2004): 308–323.

219. Нерешенным остается вопрос, какой письменностью и на каком языке был написан текст на диптихе с остатками воска, найденном среди фрагментов затонувшего корабля близ Улу-Буруна у берегов Турции, см. серию статей в *AnSt* 41 (1992). Единственное упоминание о «восковой табличке» (*tuppa ša iškuri*) обнаружено в архивах из Угарита (PRU VI 18: 23).

220. См.: M. Stol. Einige kurze Wortstudien. *Mél. Borger*, стр. 343–352 (особенно стр. 343–344).

221. S. Parpola. Assyrian Library Record. *JNES* 42 (1983): 1–29.

222. См.: D. J. Wiseman. Assyrian Writing-Boards. *Iraq* 17 (1955): 3–13; M. Howard. Technical Description of the Ivory Writing-Boards from Nimrud. *Iraq* 17 (1955): 14–20. Стиль, которым писали на этих восковых табличках, отличался от обычного стиля для письма на глине, ср.: U. Seidl. Assurbanipals Griffel. *ZA* 97 (2007): 119–124.

223. V. Donbaz & M. W. Stolper. *Istanbul Muraşû Texts*. Leiden, 1997. Стр. 101, № 27: 8 (восемь пергаментов составляют часть займа, включающего в себя также земли и скот).

224. CAD M дает единственный пример употребления слова *magallatu*; другие тексты, где оно встречается, перечислены в заметке: *RA* 72 (1978): 96.

225. См. M. Stolper. Inscribed in Egyptian. M. Brosius & A. Kuhrt (eds.). *Studies in Persian History: Essays in Memory of David M. Lewis*. Leiden, 1998. Стр. 133–143; E. Reiner. Runaway – Seize Him. *Mél. Larsen*, стр. 475–482.

226. Общий обзор с хорошими иллюстрациями представляет собой работа С. В. F. Walker. *Cuneiform, Reading the Past*. London, 1987. Превосходное (хотя и несколько более техническое) описание содержится в статье Д. О. Эдгарда Keilschrift в *RIA* 5, стр. 544–568.

227. Пособия по палеографии обычно начинаются в лучшем случае с западносемитских алфавитов. А. Ден верно отметил: «Ученого, занимающегося шумерскими цилиндрами, не называют палеографом. Это закрепленное практикой, но досадное ограничение (...) Лишь три области палеографии смогли оформиться как самостоятельные научные дисциплины – греческая палеография, римско-латинская палеография, палеография западного Средневековья и Возрождения» (Introduction à la paléographie. Ch. Samaran (éd.). *L'Histoire et ses méthodes*. Paris, 1961. Стр. 530).

228. Известные примеры – публикация табличек периода III династии Ура, принадлежащая Н. Шнайдеру, или собрание новоассирийских актов: С. Н. Johns, *Assyrian Deeds and Documents*. 4 vol. Cambridge, 1898–1913.

229. R. Labat. *Manuel d'épigraphie akkadienne (signes, syllabaires, idéogrammes)*. 1re éd. Paris, 1948. 5^{ed} revue et corrigée par F. Malbran-Labat. Paris, 1976. Эта работа отчасти основана на пособии: Ch. Fossey. *Manuel d'assyriologie*. Tome deuxième. Évolution des cunéiformes. Paris, 1926.

230. То же относится к справочнику: М.-J. Steve. *Syllabaire élamite. Histoire et paléographie*. Neuchâtel–Paris, 1992. Эта работа посвящена ограниченному в географическом и культурном отношении региону.

231. См. P. T. Daniels. *Cuneiform Calligraphy*. R. Mattila (ed.). *Nineveh 612 B. C...* Helsinki, 1995. Стр. 81–90.

232. Пионерское исследование в этой области: R. D. Biggs. *On Regional Cuneiform Handwritings in Third Millennium Mesopotamia*. *Or* 42 (1973): 39–46. Из новых работ см.: W. Sallaberger. *Die Entwicklung der Keilschrift in Ebla*. *Mél. Orthmann*, стр. 436–445.

233. Для Старовавилонского периода см.: введение к работе: A. Goetze. *Old Babylonian Omen Texts*. New Haven & London, 1947; это исследование до сих пор остается незаменимым, хотя некоторые его выводы, без сомнения, устарели.

234. J. J. Finkelstein. The Hammurapi Law Tablet BE XXXI 22. *RA* 63 (1969): 11–27 (стр. 21–22, примеч. 2). Заметка содержит очерк эволюции письма на протяжении трехсотлетнего царствования I династии Вавилона (XIX–XVII вв. до н. э.).

235. Я все же предпринял такую попытку в своей статье *Lakkadien des lettres d'Iân-surâ*. *Mél. Finet*, стр. 31–40.

236. См. классические работы: Ch. Rüster. *Hethitische Keilschrift-Paläographie*. Wiesbaden, 1972; Ch. Rüster & E. Neu. *Hethitische Keilschrift-Paläographie II* (14./13. Jh. v. Chr.). Wiesbaden, 1975.

237. См.: B. R. Foster. *Archives and Empire in Sargonic Mesopotamia*. *CRRAI* 30, стр. 46–52 (стр. 49).

238. О значении эшнунской традиции для реформы письменности в Мари см.: D. Charpin & N. Ziegler. *Mari et le Proche-Orient à l'époque amorrite: essai d'histoire politique*. Paris, 2003. Стр. 40, примеч. 99.

239. Тексты T.509 et 510, опубликованные в работе: J.-M. Durand. *La situation historique des Šakkanakku: nouvelle approche*. *MARI* 4 (1985): 147–172.

240. Большинство современных монет уже не отвечают этому правилу.

241. Это справедливо подчеркивает М. В. Грин в своей работе: *The Construction and Implementation of the Cuneiform Writing System*. *Visible Language* 15/4 (1981): 345–372.

242. Другой по-прежнему не решенный вопрос связан с ориентацией письма. Й. Марцан провел очень интересные эксперименты, результаты которых были представлены на коллоквиуме в Багдаде в марте 2001 г. (доклад пока не опубликован).

243. См., например, иллюстрации к книге: J. G. Westenholz et al. *Cuneiform Inscriptions in the Collection of The Bible Lands Museum, Jerusalem. The Emar Tablets*. Groningen, 2000.

244. J. Eidem. *The Clay They Wrote On – Old Babylonian Letters as Artefacts*. *Mél. Oates*, стр. 74–81.

245. См. M. Stol. *AbB IX*, стр. 126, примеч. 197а.

246. K. Radner. *The Relation Between Format and Content*. Стр. 72.

247. Наблюдения о почерке писца также касаются и формы табличек: в этом случае их изготавливали сами писцы. О том, писались ли письма под диктовку, см. гл. 5.

248. K. R. Veenhof. “Dying Tablets” and “Hungry Silver”: Elements of Figurative Language in Akkadian Commercial Terminology. M. Mindlin et al. (eds.). *Figurative Language in the Ancient Near East*. London, 1987. Стр. 41–75 (стр. 67, примеч. 21); K. R. Veenhof. *Archives of Old Assyrian Traders*. M. Brosius (ed.). *Ancient Archives...* Oxford, 2003. Стр. 78–123 (стр. 91).

249. Как отмечает Б. Кинаст, перед запечатыванием в конверт табличка покрывалась тонким слоем муки (*ZAR* 2 (1996): 120), но мне неизвестно, проводился ли анализ мелкой белой пыли, которая иногда высыпается из разбитого конверта.

250. См.: W. Sallaberger. “Wenn Du mein Bruder bist...”. *Interaktion und Textgestaltung in altbabylonischen Alltagsbriefen*. Groningen, 1999. Стр. 26.

251. Заметим, что текст на конверте почти всегда перевернут по отношению к тексту на табличке. Это иногда позволяет полностью восстанавливать документы, от которых сохранилась только половина.

252. О подобном случае см.: D. Charpin. *Lettres et procès paléobabyloniens*. F. Joannès (éd.). *Rendre la justice en Mésopotamie*. Paris, 2000. Стр. 69–111 (стр. 72).

253. См.: K. Van Lerberghe & G. Voet. On “Quasi-Hüllentafeln”. *NAPR* 6 (1991): 3–8.

254. Ниже следует краткое изложение моего исследования: *Des scellés à la signature: l'usage des sceaux dans la Mésopotamie antique*. A.-M. Christin (éd.). *Écritures. II*. Paris, 1985. Стр. 13–24.

255. Согласно Y. Metman. *Sigillographie*. Ch. Samaran (éd.). *L'Histoire et ses méthodes*. Paris, 1961. Стр. 393–446 (стр. 393).

256. См. превосходное общее введение: D. Collon. *First Impressions. Cylinder Seals in the Ancient Near East*. London, 1987 (новое исправленное издание, 2005). На эту тему были проведены две конференции, см.: McG. Gibson & R. D. Biggs (eds.). *Seals and Sealing in the Ancient Near East*. Malibu, 1977; W. W. Hallo & I. J. Winter (eds.). *CRRAI* 45/2.

257. Иногда печать прокатывалась по всей поверхности таблички.

258. Y. Metman. Sigillographie. Стр. 393.
259. Назвать следует прежде всего работы Д. Бейера, Ф. Блохера, Г. Кольбо, К. Рейкела, Д. Стейн и Б. Тессье.
260. См., например, A. Hattori. Seal Practices in Ur III Nippur. CRRAI 45/2, стр. 71–99.
261. Пионерская работа Ж. Нугейроля посвящена «международным» архивам Угарита, которые в значительной степени состоят из текстов, написанных в других городах, прежде всего в хеттской столице Хаттусе и в Каркемише: J. Nougayrol. *Textes accadiens des archives sud (Archives internationales)* (PRU IV). Paris, 1956. Стр. 2–6. К сожалению, руководитель раскопок в Угарите К. Шеффер взялся лично комментировать материальные характеристики табличек и сохранил за собой право издания фотографий, которых так не хватает в книге Ж. Нугейроля. В результате, они были опубликованы в беспорядке в различных изданиях, в основном в Ugaritica III (стр. 1–93) и Ugaritica V (стр. 606–768).
262. Другие примеры, приводятся, например, в работе: S. Sanders (ed.). *Margins of Writing, Origins of Culture: New Approaches to Writing and Reading in the Ancient Near East*. Chicago, 2005.
263. См., например, исследование договоров о продаже начала Староавилонского периода, происходящих из области между Сиппаром и Эшшунной: A. Skaist. The Sale Contracts from Khafajah. *Mél. Artzi*, стр. 255–276.
264. См.: M. Streck. *Das Amurritische Onomastikon der altbabylonischen Zeit*. Band 1. Münster, 2000 и мою рецензию на эту работу в *AfO* 51 (2005–2006): 282–292.
265. См.: N. Ziegler & D. Charpin. Amurritisch lernen. *Mél. Hunger*, стр. 55–77.
266. См.: G. Wilhelm. *Untersuchungen zum Hurro-Akkadischen von Nuzi*. Neukirchen-Vluyn, 1970. В истории нередки случаи, когда письменность заимствуется вместе с языком, для записи которого она служила прежде. Адаптация письма к языку новых пользователей происходит не сразу: вероятно, хурриты не считали необходимым использовать свой родной язык в документах, в отличие, например, от писем (см. следующее примечание).
267. G. Wilhelm. A Hurrian Letter from Tell Brak. *Iraq* 53 (1991): 153–168. Конечно, самый известный хурритский текст – это знаменитое «митаннийское письмо» царя Тушратты к фараону (EA 24), найденное в Эль-

- Амарне, тогдашней столице Египта. См. перевод Г. Вильгельма в издании W. L. Moran. *The Amarna Letters*. Baltimore–London, 1992. Стр. 63–71.
268. См.: T. Richter. Qatna in the Late Bronze Age. Preliminary Remarks. SCCNH 15 (2005): 109–126.
269. Некоторые исследователи предпочитают считать, что второй пицц изображен рисующим на листе папируса или пергамента, см.: U. Seidl. Assurbanipals Griffel. *ZA* 97 (2007): 119–124 (стр. 119, примеч. 4).
270. См. M. Dietrich. *The Neo-Babylonian Correspondence of Sargon and Sennacherib*. Helsinki, 2003. № 2.
271. Случай, когда клинописные знаки писали чернилами на коже, очень редки и относятся к позднейшим эпохам (см. выше, примеч. 223 и 224). Напротив, число найденных глиняных табличек с арамейскими надписями постоянно возрастает. Несколько таких текстов было недавно найдено в Телль-Шуюх-Фаукани недалеко от Каркемиша и в Телль-Шейх-Хамаре на нижнем Хабуре (A. Lemaire. *Nouvelles tablettes araméennes*. Genève–Paris, 2001).
272. Ср.: J. Fincke. The Babylonian Texts of Nineveh... *AfO* 50 (2003–2004): 118.
273. Ср. M. Luukko & G. Van Buylaere. *The Political Correspondence of Esarhaddon*. Helsinki, 2002. Стр. XVII.
274. См. гл. 4.
275. J. N. Postgate. *Fifty Neo-Assyrian Legal Documents*. Warminster, 1976. К сожалению, из-за недостатка средств в этом издании не были опубликованы фотографии, вследствие чего необходимо иллюстрированное переиздание этого пособия.
276. См. классическую работу M. San Nicolò. *Die Schlussklauseln der altbabylonischen Kauf- und Tauschverträge* (München, 1922), а также новое, исправленное и дополненное издание X. Печо (München, 1974).
277. A. Skaist. *The Old Babylonian Loan Contract. Its History and Geography*. Ramat-Gan, 1994. К сожалению, попытка оказалась не слишком удачной – см.: рецензии: M. Van De Mieroop. *JAOS* 116 (1996): 763–764 и D. Charpin. *AfO* 44–45 (1997–1998): 347–349.
278. G. Kestemont. *Diplomatique et droit international en Asie occidentale, 1600–1200 av. J. C.* Louvain-la-Neuve, 1974 (название этой книги вызывает у многих читателей ошибочное впечатление, что она посвящена дипломатии, а не дипломатике). Переводы текстов в этом издании часто отличаются анахроничной модернизацией.

279. AbB IX 264: 7. См. очень интересное исследование: W. Sallaberger. "Wenn Du mein Bruder bist...": *Interaktion und Textgestaltung in altbabylonischen Alltagsbriefen*. Groningen, 1999.

280. S. Dalley et al. *The Old Babylonian Tablets from Tell al Rimah*. London, 1976. № 107: 12.

281. D. Charpin & J.-M. Durand. *Documents cunéiformes de Strasbourg conservés à la Bibliothèque Nationale et Universitaire*. Paris, 1981. № 107: 15.

282. K. Van Lerberghe & G. Voet. *Sippar-Amnānum. The Ur-Utu Archive*. Vol. 1. Gand, 1991. № 77: 26.

283. A. Finet. Les symboles du cheveu, du bord du vêtement et de l'ongle en Mésopotamie. *Eschatologie et Cosmologie*. Bruxelles, 1969 (Annales du Centre d'Étude des Religions 3). Стр. 101–130.

284. См., например, K. Van Lerberghe & G. Voet. An Old Babylonian Clone. *Mél. De Meyer*, стр. 159–168.

285. Такие примеры есть в архивах Или-шуккаля из Куталлы, см.: D. Charpin. *Archives familiales et propriété privée en Babylonie ancienne: étude des documents de «Tell Sifr»*. Genève-Paris, 1980. Стр. 104.

286. Для Досаргоновской эпохи и Староаккадского периода (XXV–XXIII в до н. э.) см., например: G. Visicato. *The Power and the Writing. The Early Scribes of Mesopotamia*. Bethesda, 2000. См. также более частные исследования: P. Negri Scafa. The Scribes of Nuzi. *SCCNH* 10 (1999), стр. 63–80; J. Ikeda. Scribes in Emar. K. Watanabe (ed.). *Priests and Officials in the Ancient Near East*. Heidelberg, 1999. Стр. 163–186.

287. J. M. Sasson. Shunukhra-Khalu. *Mém. Sachs*, стр. 329–351.

288. См. мою книгу: *La correspondance à l'époque amorrite. Écriture, acheminement et lecture des lettres d'après les archives royales de Mari* (в печати).

289. Другая точка зрения: M. Tanret. The Works and the Days... On Scribal Activity in Old Babylonian Sippar-Amnānum. *RA* 98 (2004): 33–62 и его же работу Sheqels for the scribe. *NABU* 2005/73.

290. См.: S. J. Lieberman. Nippur: City of Decisions. *CRRAI* 35, стр. 127–136 (стр. 130, примеч. 18). Ранний уход из жизни помешал этому ассириологу опубликовать специальное пособие (*Manual of Sumerian Legal Forms*), которое он готовил к печати. Из новых работ см.: J. Klein & T. Sharlach. A Collection of Model Court Cases from Old Babylonian Nippur (CBS 11324). *ZA* 97 (2007): 1–25.

291. См. B. Landsberger. *Die Serie ana ittišu* (MSL 1). Rome, 1937.

292. См. прежде всего сборник: K. R. Veenhof (ed.). *Cuneiform Archives and Libraries. Papers read at the 30^e Rencontre Assyriologique Internationale Leiden, 4–8 July 1983*. Leiden, 1986, и, для более ранних периодов, работу: O. Pedersen. *Archives and Libraries in the Ancient Near East 1500–300 B. C.* Bethesda, 1998. См. также: P. Matthiae (ed.). *Gli archivi dell'Oriente Antico* (Archivi e Cultura 29). Roma, 1996, а также новейшее издание: M. Brosius (ed.). *Ancient Archives and Archival Traditions. Concepts of Record Keeping in the Ancient World*. Oxford, 2003.

293. В пример можно привести городище Мескене: в ходе регулярных раскопок в 1976 г. было найдено около 450 текстов, однако в последние годы было опубликовано не менее 250 табличек, происходящих из грабительских раскопок на том же городище. Ситуация в послевоенном Ираке едва ли требует комментария.

294. См.: D. Charpin. *Le Clergé d'Ur au siècle d'Hammurabi (XIXe–XVIIIe siècles av. J.-C.)*. Genève-Paris, 1986; M. Van De Mieroop. *Society and Enterprise in Old Babylonian Ur*. Berlin, 1992.

295. См., например: L. Dekiere. La généalogie d'Ur-Utu, gala.maḥ à Sippar-Amnānum. *Mél. De Meyer*, стр. 125–141; C. Janssen. When the House is on Fire and the Children Are Gone. *CRRAI* 40, стр. 237–246.

296. См.: C. Wunsch. *Das Egibi-Archiv. I. Die Felder und Gärten*. Groningen, 2000; K. Abraham. *Business and Politics under the Persian Empire: The Financial Dealings of Marduk-našir-apli of the House of Egibi (521–487 B. C. E.)*. Bethesda, 2004.

297. См. ниже, гл. 4.

298. См. ряд исследований о феномене гибели архивов в Месопотамии в *RA* 89 (1995).

299. M. G. Biga. The Reconstruction of a Relative Chronology for the Ebla Texts. *Or* 72 (2003): 345–367.

300. С этой точки зрения неудачным представляется название в остальном превосходной серии публикаций новоассирийских документов, издаваемой университетом Хельсинки с 1987 г. (State Archives of Assyria).

301. См. обзор А. Арки в сборнике: S. Cluzan et al. (éds.). *Syrie, mémoire et civilisation*. Paris, 1994. Стр. 108–119 (с многочисленными фотографиями).

302. См. обзоры: J.-M. Durand. *Les Documents épistolaires du palais de Mari*. T. I. Paris, 1997. Стр. 25–40; D. Charpin & N. Ziegler. *Mari et le Proche-Orient à l'époque amorrite: essai d'histoire politique* (FM V). Paris, 2003. Стр. 1–28.

303. См. обзорную работу: S. Parpola. The Imperial Archives of Nineveh. R. Mattila (ed.). *Nineveh 612 B. C.* Helsinki, 1995. Стр. 15–25.

304. Конечно, из этого правила существуют исключения – например, архивы Ур-Уту, найденные в его доме в Телль-эд-Дере, древнем Сиппаре-Амнанум; см.: C. Janssen. Inanna-mansum et ses fils: relation d'une succession turbulente dans les archives d'Ur-Utu. *RA* 86 (1992): 19–52, особенно стр. 30–32. Другой пример: S. W. Cole. *The Early Neo-Babylonian Governor's Archive from Nippur*. Chicago, 1996.

305. См. мое исследование: La fin des archives dans le palais de Mari. *RA* 89 (1995): 29–40.

306. Одно из недавних исследований ставит под сомнение подлинность *всей* этой переписки, которую предлагается считать целиком апокрифической: F. Huber. La Correspondance Royale d'Ur, un corpus arosographe. *ZA* 91 (2001): 169–206. Такие выводы основываются прежде всего на лингвистическом анализе документов: по мнению автора, шумерский язык этих писем слишком поздний и не соответствует языковому состоянию, предполагаемому для конца III тыс. до н. э. (см. также OBO 160/4, стр. 59–60, примеч. 145).

307. О переписях в Мари см.: J.-M. Durand. *LAPO* 17, стр. 332–353.

308. Таблички с «международными договорами», относящиеся к более ранним периодам, содержат проекты, а не окончательные тексты соглашений (см. гл. 4).

309. См. комментированные переводы в работе: G. Beckman. *Hittite Diplomatic Texts*. Atlanta, 1996.

310. S. Lackenbacher. *Textes akkadiens d'Ugarit. Textes provenant des vingt-cinq premières campagnes*. Paris, 2002.

311. A. George. Sennacherib and the Tablets of Destiny. *Iraq* 48 (1986): 133–146 (стр. 141).

312. Издание текстов: R. M. Sigris. *Les sattukku dans l'Ešumeša durant la période d'Isin et Larsa*. Malibu, 1984.

313. D. Charpin. Nouveaux documents du bureau de l'huile à l'époque assyrienne. *MARI* 3 (1984): 83–126; и его же работа: Nouveaux documents du bureau de l'huile (suite). *MARI* 5 (1987): 597–599.

314. P. Matthiae. The Archives of the Royal Palace G of Ebla. Distribution and Arrangement of the Tablets according to the archaeological Evidence. *CRRAI* 30, стр. 53–71.

315. B. Lafont. Les textes judiciaires sumériens. F. Joannès (éd.). *Rendre la justice en Mésopotamie. Archives judiciaires du Proche-Orient ancien (IIIe – Ier millénaires avant J.-C.)*. Paris, 2000. Стр. 35–68 (стр. 38, примеч. 2).

316. Перевод и комментарий: D. Charpin. *Lettres et procès*. Стр. 86–88.

317. J. N. Postgate. Administrative archives from the City of Assur in the Middle Assyrian Period. *CRRAI* 30, стр. 168–183 (стр. 170 примеч. 8).

318. M. Tanret. As Years Went by in Sippar-Amnānum... *CRRAI* 45/1, стр. 455–466.

319. J. M. Sasson. Accounting discrepancies in the Mari NĪ.GUB [NĪG.DU] texts. *Mél. Kraus*, стр. 326–341.

320. ARM XIII 14 (*LAPO* 17 652). См. мой комментарий в статье: L'archivage des tablettes dans le palais de Mari: nouvelles données. *Mél. Veenhof*, стр. 13–30.

321. ARM XXIII 428 и 429.

322. AbB IV 22.

323. AbB XIII 46: 11–16. Другие примеры, в том числе публикация датированной копии текста, хранившегося в столичных архивах, даются в статье: M. Stol. A Rescript of an Old Babylonian Letter. *Mél. Veenhof*, стр. 457–465.

324. См. мой доклад: Archivage et classification: Un récapitulatif de créances à Mari sous Zimri-Lim. *CRRAI* 51, стр. 3–16.

325. F. M. Fales. *Aramaic Epigraphs on Clay Tablets of the Neo-Assyrian Period*. Rome, 1986.

326. D. Charpin. Un inventaire général des trésors du palais de Mari. *MARI* 2 (1983): 211–214.

327. См.: N. Ziegler. Aspects économiques des guerres de Samsî-Addu. J. Andraeu et al. (éds.). *Économie antique. La guerre dans les économies antiques*. Saint-Bertrand-de-Comminges, 2000. Стр. 14–33 (стр. 18).

328. AbB IV 118. См. мое исследование: The Functions of Mesopotamian Temples. *BiOr* (в печати).

329. A. Hagenbuchner. *Die Korrespondenz der Hethiter*. Heidelberg, 1989. Стр. 281–289, № 204: 17–20.

330. D. O. Edzard. Die *bukānum*-Formel der altbabylonischen Kaufverträge und ihre sumerische Entsprechung. *ZA* 60 (1970): 8–53. См. также: M. Malul. The *bukannum*-Clause – Relinquishment of Rights by Previous Right Holders. *ZA* 75 (1985): 66–77.

331. В гадательной практике ком земли служил заменой целому городу: когда вопрос гадателя к божествам касался города, куда нельзя было отправиться лично, использовалась земля из этого города (см.: J.-M. Durand. ARM XXVI/1, стр. 41–43). Аналогичная практика состояла в подмене отсутствующего человека прядью его волос (*šārtum*) или бахромой на одежде (*sissiktum*), см. *ibid.*, стр. 40.

332. J. Bottéro. *Annuaire de l'École pratique des hautes études, IVe section* (1970–1971): 112.

333. D. Charpin. *Archives familiales...* Стр. 176–178.

334. Это предположение высказано в работе: K. R. Veenhof. An Old Babylonian Deed of Purchase of Land in the De Liagre Böhl Collection. *Mél. Böhl*, стр. 359–379, особенно стр. 364–368.

335. Ср.: S. Greengus. Old Babylonian Marriage Ceremonies and Rites. *JCS* 20 (1966): 55–72. Аналогичная практика засвидетельствована в Сирии, а именно в Халабе (ARM XXVI/1 10: 15, см. коммент. Ж.-М. Дюрана на стр. 103).

336. Меня не убеждают аргументы Р. Вестбрука против теории С. Грингаса (R. Westbrook. *Old Babylonian Marriage Law*. Horn, 1988. Стр. 49–50).

337. S. Lackenbacher. Note sur l'ardat-lilî. *RA* 65 (1971): 126 (лицевая сторона II: 13–15) и 153.

338. J. J. Finkelstein. Cutting the *sissiktu* in Divorce Procedure. *WO* 8 (1975–1976): 236–240. См. также: K. R. Veenhof. The Dissolution of an Old Babylonian Marriage According to CT 45, 86. *RA* 70 (1976): 153–164.

339. Этот аспект явления не учитывается в книге Р. Вестбрука. У нас нет прямых свидетельств об этой практике, но она имеет параллели (на мой взгляд, явные) в текстах о заключении союзов между царями.

340. S. Lackenbacher. *Textes akkadiens d'Ugarit*. Paris, 2002. Стр. 328–333.

341. См.: F. Thureau-Dangin. Trois contrats de Ras-Shamra. *Syria* 18 (1937): 245–255 (= LAPO 20, стр. 332), и комментарий: S. Lafont.

Nouvelles données sur la royauté mésopotamienne. *RHDFE* 73 (1995): 473–500 (стр. 487).

342. См. список в работе A. D. Kilmer. Symbolic Gestures in Akkadian Contracts from Alalakh. *JAOS* 94 (1974): 177–183, особенно примеч. 24; см. также ссылки в работе: S. Greengus. The Old Babylonian Marriage Contract. *JAOS* 89 (1969): 505–532 (стр. 515, примеч. 7).

343. ARM VIII, стр. 195. См. комментарий: K. R. Veenhof. *BiOr* 23 (1966): 309b–310a.

344. См. его комментарий в *MARI* 1: 89.

345. Засвидетельствованы начиная с III тыс. до н.э.; см.: примеры в работах: I. J. Gelb, P. Steinkeller & R. M. Whiting. *Earliest Land Tenure Systems in the Near East: Ancient Kudurrus*. Chicago, 1991. Стр. 243–244 § 7.12.5.7; P. Steinkeller. *Sale Documents of the Ur-III-Period*. Stuttgart, 1989. Стр. 143. См. общий обзор в работе: M. Malul. *Studies in Mesopotamian Legal Symbolism*. Neukirchen-Vluyn, 1988.

346. S. Çeçen & K. Hecker. *Ina mātika eblum*. Zu einem neuen Text zum Wegerecht in der Kültepe-Zeit. *Mél. von Soden*, стр. 31–41. Ср. перевод в работе С. Michel, LAPO 19, стр. 150, № 87 (нет никаких причин предполагать, что кубок наполнялся кровью: в качестве символа подошла бы любая другая жидкость).

347. Текст цитируется в статье: A. M. Kitz. An Oath, Its Curse and Anointing Ritual. *JAOS* 124 (2004): 315–322.

348. S. Parpola & K. Watanabe. *Neo-Assyrian Treaties and Loyalty Oaths*. Helsinki, 1988. Стр. 52, § 72.

349. Там же, стр. 56, § 94.

350. SAA II, стр. 51: 523.

351. *BiOr* 23 (1966): 313.

352. Ср.: S. Démare[-Lafont]. L'interprétation de Nb 5, 31 à la lumière des droits cunéiformes. *CRRAI* 33, стр. 49–52 (в особенности библиографические ссылки, стр. 49, примеч. 1).

353. N. Oettinger. *Die militärischen Eide der Hethiter*. 1976 (особенно стр. 8–9).

354. ARM I 101: 6; VII 105: 2; XXII 196: 2; XXII 234: 7.

355. ARM XXVI/1 280.

356. Протокол одного старовавилонского процесса содержит запись фразы, которую произносил человек, дававший клятву: «Если меня увидят рядом, пусть со мной поступят как с нарушительницей клятвы име-

нем царя» (текст BM 13912, опубликован в статье М. Anbar. *RA* 69, стр. 121 № 8: 14; перевод в *Lettres et procès*. Стр. 96 № 51).

357. Строки 50 и далее.

358. BM 96998: 41–51 (текст опубликован с превосходным комментарием в статье: K. R. Veenhof. *Fatherhood is a Matter of Opinion. An Old Babylonian Trial on Filiation and Service Duties. Mél. Wilcke*, стр. 313–332); см. также мою заметку: *Šurâgum est-il le fils de son père? À propos d'un procès à Sippar-Amnânum. NABU* 2005/3. Общий обзор см. в работе: E. Dombardi. *Die Darstellung des Rechtsaustrags in den altbabylonischen Prozessurkunden*. Stuttgart, 1996 (стр. 84–86: «Rituale vor den Göttersymbolen»).

359. См. мою работу: *Une alliance contre l'Élam et le rituel du lipit napištim. Mél. Perrot*, стр. 109–118, идеи которой получили развитие в публикациях J.-M. Durand. *LAPO* 16, стр. 429–458 и B. Lafont. *Relations internationales, alliances et diplomatie au temps des rois de Mari. Amurru* 2, стр. 213–328 (стр. 262–293).

360. См. примеры и комментарий: B. Lafont. *Relations internationales...* Стр. 263–271.

361. См. мою работу: *Un souverain éphémère en Ida-Maraş: Išme-Addu d'Ašnakum. MARI* 7 (1993): 165–192, особенно стр. 168–170. С другой стороны, нам известно, что в начале царствования Зимри-Лима для этих целей использовались козы (см. мою заметку: *Le sacrifice de chèvres lors d'alliances sous le règne de Zimri-Lim. NABU* 2003/48).

362. J.-M. Durand. *Unité et diversités au Proche-Orient à l'époque amorrite. CRRAI* 38, 97–128, особенно стр. 116–117.

363. См. текст из Телль-Лейлана L.87–937: 4'–21', который цитирует Я. Эйдем в своей рецензии на *LAPO* 16 (*Syria* 76 (1999): 296–297).

364. FM II 122: 39–44 (я следую переводу Дж. Сассона *apud* B. Lafont. *Relations internationales...* Стр. 250, примеч. 162). См. также M. Guichard. *Au pays de la Dame de Nagar. FM* II, стр. 235–272; M. Guichard & D. Sevaliè. *Akin-amar, Kabiya et la "guerre de Bunû-Eštar". NABU* 2003/6. О роли кубка в церемониях заключения союза см.: B. Lafont. *Relations internationales...*, стр. 267.

365. Другие примеры приводятся в ОВО 160/4, стр. 299.

366. Отметим очень точное замечание Э. Кассен: «Головной убор, тюрбан, парик олицетворяют индивида, украшая его и укрепляя его престиж. Таким образом, эти предметы идеально подходят для церемоний

инвеституры» (*Le semblable et le différent. Symbolismes du pouvoir dans le Proche-Orient ancien*. Paris, 1987. Стр. 279).

367. Возникает вопрос, имеем ли мы дело с образным выражением (так считает М. Гишар в FM III, стр. 240, примеч. h) или с реальным символическим жестом (ср. P. Michalowski. *The Drinking of Gods: Alcohol in Mesopotamian Ritual and Mythology. HANES* 6 (Padova, 1994). Стр. 27–44, особенно стр. 35–37). См. более общую работу: M. Guichard. *Violation du serment et casuistique à Mari* в: S. Lafont (éd.). *Jurer et maudire: pratiques politiques et usages juridiques du serment dans le Proche-Orient ancien (Méditerranées* 10–11, 1997). Стр. 71–84.

368. См. B. Lafont. *Relations internationales*, стр. 271–276. Позднее Ж.-М. Дюран предложил считать, что термин *napištim* мог означать «кровь» (*Assyriologie. Annuaire du Collège de France* 2000–2001, стр. 693–705).

369. Неизданный текст A.2028 цитируется в статье: D. Charpin. *Un traité entre Zimri-Lim de Mari et Ibâl-pî-El II d'Ešnunna. Mél. Garelli*, стр. 39–166 (стр. 163).

370. A.3354+, цитируется в *Mél. Garelli*, стр. 163, примеч. 60; см. другие примеры: B. Lafont, *Relations internationales...* Стр. 277, примеч. 238.

371. D. Charpin. *Guerre et paix dans le monde amorrite et post-amorrite. CRRAI* 52, в печати.

372. ARM XXVI/2 372: 4–26; см.: мой комментарий в ARM XXVI/2, стр. 144–145.

373. D. Charpin. *Un traité entre Zimri-Lim de Mari et Ibâl-pî-El II d'Ešnunna. Mél. Garelli*, стр. 139–166 (новый перевод договора см.: J.-M. Durand. *LAPO* 16 292).

374. До нас дошло девять таких текстов – четыре из Мари и пять из Телль-Лейлана (подробнее см.: B. Lafont. *Relations internationales...* стр. 283–289).

375. См. статью *Une alliance contre l'Élam et le rituel du lipit napištim* в *Mél. Perrot*, стр. 109–118 (особенно стр. 116–118); B. Lafont. *Relations internationales...*, стр. 283–293.

376. См. ARM XXVI/2 372: 56–57.

377. Хаммурапи с большим удивлением воспринял формулировку проклятий в проекте договора с Зимри-Лима, который доставил ему Итур-Асду (текст A.2968+, опубликован в статье: M. Guichard. *La malédiction de cette tablette est très dure!* Sur l'ambassade d'Itûr-Asdû à Babylone en l'an 4 de Zimrî-Lîm. *RA* 98 (2004): 13–32).

378. Отличный пример приводится в письме ARM XXVI/2 404.
379. G. Beckman. *Hittite Diplomatic Texts*. Atlanta, 1996. Стр. 153, № 28A, § 11.
380. G. Beckman. *Hittite Diplomatic Texts*. Стр. 96–97, § 7.
381. G. Beckman. *Hittite Diplomatic Texts*. Стр. 157, № 30, § 10.
382. Ни один из старовавилонских «международных договоров» не скреплен печатями вопреки RIME 4, стр. 753 и 755 (ср. RA 86 (1992): 89).
383. B. R. Foster, *Before the Muses*, Bethesda, 2005, стр. 307: iii 30'.
384. G. Beckman. *Hittite Diplomatic Texts*. Стр. 95. Ср.: E. Edel. *Der Vertrag zwischen Ramses II. von Ägypten und Hattušili III. von Hatti*. Berlin, 1997. Стр. 102, примеч. 32. Автор цитирует статью K. Watanabe. Mit Gottessiegeln versehene hethitische "Staatsverträge". *ASJ* 11 (1989): 261–276 (стр. 261), где говорится о технике нанесения печати на серебряную табличку.
385. G. Beckman. *Hittite Diplomatic Texts*. Стр. 88, № 14, § 2.
386. PRU IV, стр. 54–55 (RS 17.334: 20–23).
387. Ср., например, договор Хаттусили III с Ульми-Тешшубом, правителем Тархунтассы (G. Beckman. *Hittite Diplomatic Texts*. Стр. 107, № 18B, § 14).
388. Ср. упомянутую выше работу Э. Эделя (примеч. 72). Другие примеры: G. Beckman. *Hittite Diplomatic Texts*. Стр. 103.
389. См.: H. Otten. *Die Bronzetafel aus Bogazköy: Ein Staatsvertrag Tuthalijas IV*. Wiesbaden, 1988. Английский перевод: G. Beckman. *Hittite Diplomatic Texts*, стр. 108–117 (№ 18C) (с библиографией).
390. Некоторые международные договоры содержат пункты, обязывающие регулярно перечитывать текст соглашения. См., например: G. Beckman. *Hittite Diplomatic Texts*. Стр. 76, № 11, § 28 (восстановлено); стр. 86, № 13, § 16 (трижды в год). Ср. замечания: V. Когофес. *Hethitische Staatsverträge*. Leipzig, 1931. Стр. 101 и далее.
391. Семь копий с печатью богов (G. Beckman. *Hittite Diplomatic Texts*. Стр. 117, № 18C, § 28).
392. Эти приемы, связанные с соображениями престижа (копирование текста на более благородный, чем глина, материал; передача копии на хранение в храм), напоминают отношение к актам о царских дарениях в Вавилонии той же эпохи: оригинальные таблички с печатью царя копировались на камне и дополнялись текстом проклятий и изображениями – так создавались стелы-кудурру. Следует подчеркнуть,

что этот процесс не затронул царские дарения в Сирии и у хеттов (ср. D. Charpin. La commémoration d'actes juridiques: à propos des *kudurrus* babyloniens. *RA* 96 (2002): 169–191, особенно стр. 174, примеч. 38 [Хаттуса и Угарит] и стр. 181 [Терка]). Вполне возможно, однако, что отсутствие источников объясняется археологической случайностью, и однажды в Сирии или в Анатолии будут найдены каменные или металлические копии таких актов.

393. M. Guichard. "La malédiction de cette tablette est très dure !" ... *RA* 98 (2004): 30.

394. Таковы выводы фундаментального исследования: S. Greengus. The Old Babylonian Marriage Contract. *JAOS* 89 (1969): 505–532.

395. См.: R. Westbrook. *Old Babylonian Marriage Law*. Horn, 1988.

396. Ср. пример семьи Цилли-Эштара из Куталлы (*Archives familiales...*, стр. 62–67).

397. D. Charpin & J.-M. Durand. *Documents cunéiformes de Strasbourg...* Paris, 1981. № 102a: 3.

398. E. Prang. Sonderbestimmungen in altbabylonischen Erbteilungskunden aus Nippur. *ZA* 70 (1981): 36–51.

399. См. текст BM 16764, изданный М. Юрсой в *RA* 91 (1997): 135–145; ср. перевод и комментарий в моей статье: Lettres et procès paléobabyloniens, стр. 94–95, № 49. Процедура восстановления утраченных оригиналов указывает на пределы человеческой памяти в отсутствие письменных документов: в тексте СТ 47 63 вместо имен двух соседей землевладельца оставлены пустые места (стк. 14, 15).

400. См. мой перевод и комментарий этого текста в Lettres et procès paléobabyloniens, стр. 89–90, № 45. Другое описание разрушения комка земли вместо таблички содержится в тексте TIM IV 40 (транслитерация и перевод: W. F. Leemans. *Mél. Garelli*, стр. 327); ср. также текст СТ VI 47a (= МНЕТ II/1 44), упоминаемый А. Годдерис в OLA 109, стр. 149.

401. TCL I 157 (копия); F. Thureau-Dangin. *RA* 7 (1910): 121–127 (транслитерация и перевод); статья сопровождается юридическим комментарием Э. Кюка.

402. См.: G. Boyer. La preuve dans les anciens droits du Proche-Orient. *Mélanges d'histoire du droit oriental*. Paris, 1965. Стр. 181–200; G. Cardascia. Réflexions sur le témoignage dans les droits du Proche-Orient ancien. *RHDFE* 73 (1995): 549–557; B. Kienast. Mündlichkeit und Schriftlichkeit im keilschriftlichen Rechtswesen. *ZAR* 2 (1996): 114–130.

403. См.: E. Dombradi. *Die Darstellung des Rechtsaustrags in den altbabylonischen Prozessurkunden*. Stuttgart, 1996. Стр. 88–89 (о привлечении свидетелей см. стр. 86–88).

404. Полный перевод с комментарием содержится в работе: *Lettres et procès paléobabyloniens*. Стр. 77–78, № 36.

405. D. Charpin. *Archives familiales et propriété privée en Babylonie ancienne*. Paris–Genève, 1980. Стр. 243, № 58: 10–12.

406. СТ 47 63 (копия); перевод и комментарий в работе: *Lettres et procès paléo-babyloniens*. Стр. 74–76, № 34.

407. C. Wilcke. Zu den spät-altbabylonischen Kaufverträgen aus Nord-Babylonien. *WO 8* (1975–1976): 254–285, особенно стр. 267–269; см. также: M. Tanret & K. De Graef. Puzzling with Numbers. The Late Old Babylonian SI.BI Clause. *AfO 50* (2003–2004): 56–80.

408. Подробнее об этой практике см. мою статью *Transmission des titres de propriété et constitution des archives privées en Babylonie ancienne*. *CRRAI 30*, стр. 121–140 (воспроизводится с дополнениями в гл. 5 моей книги *Writing, Law and Kingship: Essays on Old Babylonian Mesopotamia*, в печати).

409. D. Arnaud. *Altbabylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden*. Berlin, 1989. № 111: 19–23 (ср. *RA 88* (1994): 80–81).

410. AbB XI 55.

411. M. Tanret. As Years Went by in Sippar-Amnānum... *CRRAI 45/1*, стр. 455–466.

412. AbB III 82; перевод и комментарий в работе: *Lettres et procès...* Стр. 77, № 35.

413. AbB XI 90: 18–19 и 27–29.

414. H. Klengel. Eine altbabylonische Verlustanzeige. *Orientalia 37* (1968): 216–219; аналогичный пример для периода III династии Ура см. в статье: W. W. Hallo. Seals Lost and Found. McG. Gibson & R. D. Biggs (eds.). *Seals and Sealing in the Ancient Near East*. Malibu, 1977. Стр. 55–60.

415. F. van Koppen. Redeeming a Father's Seal. *Mél. Walker*, стр. 147–172.

416. См. в более общем виде: I. J. Gelb. Typology of Mesopotamian Seal Inscriptions. McG. Gibson & R. D. Biggs (eds.). *Seals and Sealing in the Ancient Near East*. Malibu, 1977. Стр. 107–126.

417. D. Charpin. Les divinités familiales des Babyloniens d'après les légendes de leurs sceaux-cylindres. *Mél. Kupper*, стр. 59–78.

418. См., например, D. Charpin & D. Beyer. Les sceaux de Yasīm-sūmū. *MARI 6* (1990): 619–624: самые ранние оттиски печати этого дворцового чиновника указывают только титул «писец», тогда как в более поздних он называется «счетоводом».

419. Для периода III династии Ура см., например, наблюдения И. Винтер, которые подтверждает Х. Ветцольд (*JAOS 111* (1991): 640b).

420. Об этой практике см.: G. Voet & K. Van Lerberghe. *BiOr 51* (1994):

441. Авторы указывают на хронологические различия: если в начале Старовавилонского периода такие пометки делались под оттиском, перпендикулярно к изображению и тем же почерком, что и основной текст, то позднее – на самих оттисках, вертикально между изображениями, более мелкими знаками.

421. Тем не менее, просопография нередко позволяет определить владельца печати – см. примеры из Сиппара: G. Voet & K. Van Lerberghe. *Sealing in Philadelphia and Elsewhere. Acta Archaeologica Lovaniensia 32* (1993): 43–58.

422. В неизданном тексте АО 11152 продавцом выступает тот же Дамик-илишу, на этот раз воспользовавшийся собственной печатью.

423. D. Charpin & J.-M. Durand. *Documents cunéiformes de Strasbourg...* Paris, 1981. № 107A: 12–13 и 107: 15–16.

424. AbB XI 77: 24.

425. K. Van Lerberghe & G. Voet. A Long Lasting Life. *Mél. Sjöberg*, 525–538.

426. Оттиск печати на тексте BIN VII 64 состоит из трех строк, а на неизданной табличке АО 11147 – всего из двух. Этот и другие аналогичные примеры подтверждают, что печати типа bur.gul изготовлялись (из глины) в момент составления контракта и затем уничтожались (см.: *Archives familiales...* Стр. 14, примеч. d).

427. Для тех же целей иногда служили отпечатки ногтя (*suprum*) или края одежды (*sissiktum*). Цилиндрическая печать все же была одним из «внешних атрибутов богатства»: см.: L. Gorelick & A. J. Gwinnett. The Ancient Near Eastern Cylinder Seal as Social emblem and Status Symbol. *JNES 49* (1990): 45–56.

428. См.: D. Charpin & J.-M. Durand. Notes de lecture: Texte aus dem Sinkāšid Palast. *MARI 7* (1993): 367–375.

429. W. F. Leemans. La fonction des sceaux apposés à des contrats vieux-babyloniens. *Mél. Kraus*, стр. 219–244.

430. R. Harris. On the Process of Secularization under Hammurapi. *JCS* 15 (1961): 117–120.

431. Лучший пример – архивы Ур-Уту, найденные в его доме в Сиппаре-Амнанум: см. библиографический обзор в *ОВО* 160/4, стр. 438–439.

432. Предполагаемый разрыв между Старовавилонским периодом и следующей касситской эпохой, возможно, был менее протяженным, чем считается обычно: см. мою статью *La commémoration d'actes juridiques: à propos des kudurrus babyloniens*. *RA* 96 (2002): 169–191 (особенно стр. 184–185).

Глава 5

433. H. Vanstiphout. Enmerkar's Invention of Writing Revisited. *Mél. Sjöberg*, стр. 515–524; см. выше, «Введение», стр. 17–18.

434. Аналогичное исследование для I тыс. до н.э.: P. Villard. Acheminement et réception de la correspondance royale dans l'empire néo-assyrien. L. Capdetray & J. Nelis-Clément (éds.) *La circulation de l'information dans les États antiques*. Bordeaux, 2006. Стр. 17–32.

435. См. D. Charpin & N. Ziegler. *Mari et le Proche-Orient à l'époque amorrite: essai d'histoire politique*. Paris, 2003. Стр. 20–27.

436. A. R. George. *The Babylonian Gilgamesh Epic*. Oxford, 2003. Стр. 117–119.

437. F. N. H. Al-Rawi & A. R. George. Tablets from the Sippar Library III. Two Royal Counterfeits. *Iraq* 56 (1994): 135–148; ср. *RA* 100 (2006): 191.

438. P. Michalowski. *Letters from Early Mesopotamia*. Atlanta, 1993. Стр. 4. Более радикальная точка зрения: F. Huber. La Correspondance Royale d'Ur, un corpus arosyphé. *ZA* 91 (2001): 169–206.

439. О частной переписке см. прежде всего: W. Sallaberger. "Wenn Du mein Bruder bist..." *Interaktion und Textgestaltung in altbabylonischen Alltagsbriefen*. Groningen, 1999.

440. См.: M. Streck. *Das Amurritische Onomastikon der altbabylonischer Zeit* (Münster, 2000), а также мою рецензию на эту работу в *AfO* 51, 2005/6, стр. 282–292.

441. J.-M. Durand. Unité et diversités au Proche-Orient à l'époque amorrite. *CRRAI* 38, стр. 97–128 (особенно стр. 123–126).

442. N. Ziegler & D. Charpin. Amurritisch lernen. *Mél. Hunger*, стр. 55–

77.

443. ARM XXVI/2 414: 30–33; до нас дошло и само это послание: ARM XXVI/1 194.

444. F. Joannès. ARM XXIII, стр. 87–104 и его же работу *Nouveaux mémoires. Mél. Birot*, стр. 97–113.

445. Этим объясняются высокие литературные достоинства многих писем, ср.: A. Finet. Allusions et Réminiscences comme source d'Information sur la Diffusion de la Littérature. *CRRAI* 32, стр. 13–17.

446. Все письма царей Ларсы написаны на больших табличках, где текст чаще всего занимает не более четверти доступного места. Это может свидетельствовать о том, что послания писались под диктовку.

447. LAPO 16 22. Похожий пример – письмо OBTR 150 (ср. V. Foster. *Letters and Literature: a Ghost's Entreaty. Mél. Hallo*, стр. 98–102).

448. ARM IV 86 (= LAPO 17 772).

449. ARM II 8 (= LAPO 16 43).

450. См. неизданный текст A.3611 (гл. 1, стр. 49, примеч. 71).

451. FM VII 45: 9–14. По всей видимости, Хаммурапи не планировал диктовать текст послания: он собирался изложить Шу-нухра-Халу суть дела, а тот должен был составить письмо самостоятельно.

452. ARM XXVI/1 1.

453. Параллель между искусствами писца (*tupšarrūtum*) и гадателя (*bārūtum*) проводится в неизданном тексте A.2583 (см.: гл. 1, стр. 46, примеч. 62).

454. ARM XXVI/2 394: 3–8.

455. ShA 1 25.

456. ARM XXVI/1 276: 6–10.

457. A.1101 (= LAPO 16 230); ср.: J. M. Sasson. The King and I. A Mari King in Changing Perception. *JAOS* 118 (1998): 453–470, особенно стр. 462.

458. См. гл. 2.

459. Ср. мою заметку: Centre et périphérie. *NABU* 1995/86.

460. *Ana X qibi-ma umma Y-ma*.

461. F. R. Kraus. *Vom mesopotamischen Menschen der altbabylonischen Zeit und seiner Welt*. Amsterdam & London, 1973. Стр. 40.

462. ARM XXVI/2 384: 18'–19'.

463. ARM XXVI/1 127: 18.

464. ARM II 49: 6–11 (= LAPO 16 309).

465. S. Dalley. Old Babylonian Greeting Formulae and the Iltani's Archive from Rimah. *JCS* 25 (1973): 79–88.
466. Неизданный текст А.4320: 13'–17'.
467. ARM X 169 = LAPO 18 1267.
468. ARM XIII 53 = LAPO 16 66.
469. См. текст А.427, опубликованный в статье: D. Charpin. "Lies natürlich..." À propos des erreurs de scribes dans les lettres de Mari. *Mél. von Soden*, стр. 43–56; ср. подробный комментарий J. M. Sasson. The Burden of Scribes. *Mém. Jacobsen*, стр. 211–228.
470. Речь не идет о письмах царя, отправленных во время путешествий дворцовым чиновникам или членам царской семьи.
471. Как, например, «оправдательное письмо» Ясмах-Адду (см.: J.-M. Durand, *MARI* 5: 175) или, согласно Ж.-М. Дюрану, ARM I 109 = LAPO 16 70.
472. J. S. Cooper & W. Heimpel. The Sumerian Sargon Legend. *JAOS* 103 (1983): 67–82, особенно стр. 76–77, стк. 53–56 (вслед за В. Alster. A Note on the Uriah Letter in the Sumerian Sargon Legend. *ZA* 77 (1987): 169–173).
473. См., например, письмо SAA XV 288 и его конверт 289. Последний, помимо оттиска печати отправителя, содержит текст из двух строк: «Полковнику, моему господину: это (говорит) твой слуга Ашшур-рециуа».
474. ARM X 95r.: 7'–11' (= LAPO 18 1225).
475. ARM V 64 (= LAPO 16 231): 4–9.
476. Ср. D. Charpin. Les légendes de sceaux de Mari: nouvelles données. G. Young (ed.). *Mari in Retrospect*. Winona Lake, 1992. Стр. 59–76, особенно стр. 70–71, § 3.2.3.
477. OBTR, стр. 250, № 5.
478. D. Charpin. La commémoration d'actes juridiques: à propos des *kudurrus* babyloniens. *RA* 96 (2002): 169–191 (стр. 180–181).
479. ARM XXVI/2 490: 4–7.
480. Текст М.8762, опубликован в статье D. Charpin. L'archivage des tablettes dans le palais de Mari: nouvelles données. *Mél. Veenhof*, стр. 13–30 (стр. 21).
481. ARM XXVI/2 291: 10–26.
482. B. Lafont. Le fonctionnement de la poste et le métier de facteur d'après les textes de Mari. *Mél. Astour*, стр. 315–334.
483. Voir ARM XXVI/1 29: 4–9.

484. ARM XIII 9 (= LAPO 16 104).
485. Лучший пример – письмо ARM III 59 (= LAPO 16 329); ср. комментарий: B. Lafont. Le fonctionnement de la poste..., стр. 326.
486. ARM XXVI/1 87.
487. ShA 1 2: 39–40.
488. FM III 14: 18–25.
489. F. Joannès. Palmyre et les routes du désert au début du deuxième millénaire av. J.-C. *MARI* 8 (1997): 393–416 (стр. 401, № 2).
490. См., например, ARM XXVI/1 168–172.
491. ARM XXVIII 117: 5–8.
492. М.11368 (Л. Марти, в печати). Отправителем письма был Самия, см.: FM V, стр. 167.
493. ARM XXVIII 103: 11–12.
494. См. примеры, которые приводит Б. Лафон: CRRAI 38, стр. 172.
495. D. Charpin. La circulation des commerçants, des nomades et des messagers dans le Proche-Orient amorrite (XVIIIe siècle av. J.-C.). C. Moatti (éd.). *La mobilité des personnes*. Rome, 2004. Стр. 51–69.
496. См. примеры в статье: D. Charpin & J.-M. Durand. Aššur avant l'Assyrie. *MARI* 8 (1997): 367–392, особенно стр. 378–379.
497. А.16 (= LAPO 18 912): 25–27.
498. C. Günbattı. The River Ordeal in Ancient Anatolia. *Mél. Veenhof*, стр. 151–160.
499. Ср. перевод: B. R. Foster. *Before the Muses*. Bethesda, 2005. Стр. 303 (ii 1'–10').
500. А. 2701: 5–19 (D. Charpin. "Lies natürlich..." À propos des erreurs de scribes dans les lettres de Mari. *Mél. von Soden*, стр. 43–56).
501. ARM XXVIII 49.
502. J. M. Sasson. Shunukhra-Khalu. *Mém. Sachs*, стр. 329–351. О секретаре, читавшем письма новоассирийскому царю Асархаддону, см.: K. Radner. *Die Macht des Namens*. Wiesbaden, 2005. Стр. 7.
503. SAA XVI 32.
504. ARM XVIII 26 (= LAPO 16 124).
505. Отметим, однако, что Дариш-либур не пишет, что прочитал (*šušmūt*) табличку царю. Он сообщает лишь, что передал (*tuhhūt*) письмо Зимри-Лиму. Мне неизвестны другие подобные примеры. Следует ли понимать, что царь прочитал послание самостоятельно?
506. ARM X 105 (= LAPO 18 1238).

507. ARM XXVIII 75: 4–9.
 508. A.4215 (= LAPO 16 65).
 509. ARM XXVIII 109: 5–8.
 510. B. Lafont. Messagers et ambassadeurs dans les archives de Mari. CRRAI 38, стр. 167–183.
 511. ARM XXVI/2 449: 7–12.
 512. ARM XIII 144 (= LAPO 16 304): 19–21.
 513. ARM XXVI/2 521: 42–44.
 514. ARM XXVI/2 307, 308 и 309.
 515. ARM XXVI/2 315: 4–7.
 516. Конечно, были и исключения: до нас дошло письмо, которое Ясмах-Адду получил в Туттуле (Телль-Би'а) – оно осталось и было найдено в этом городе (КТТ 375), вместо того чтобы оказаться в архивах Мари.
 517. В пример можно привести письма ARM X 16 и X 136 (= LAPO 18 1158 и 1157); X 131 (= LAPO 18 1154) и XXVI/1 242. Ср. также A.1285 и ARM XIII 10 (= LAPO 16 136 и 134).
 518. ARM I 16 (= LAPO 16 301): 5–8.
 519. ARM V 78 (= LAPO 17 631): 5–11.
 520. J.-M. Durand. *Mél. Garelli*, стр. 28–29.
 521. M.6182 (= LAPO 16 51): 8–16.
 522. См. ARM II 79 = XXVII 69: 29–33.
 523. См., например, ARM I 24+ (= LAPO 16 330): 3–8 или ARM XXVI/1 25.
 524. ARM X 91 (= LAPO 18 1186): 3'–15'.
 525. ARM I 76 (= LAPO 16 58): 20–29.
 526. ARM V 18 (= LAPO 17 458).
 527. ARM XXVIII 85: 5–12 и 15–20.
 528. ShA 1 50: 29–30.
 529. ShA 1 11: 25–34.
 530. ARM XXVI/2 384: 52'–53'.
 531. Неизданный текст A.836.
 532. FM II 49: 5–10.
 533. FM II 47: 4–11.
 534. ARM X 18 (= LAPO 18 1132): 5'–14'.
 535. VII 8. Русский перевод Г. А. Стратановского дается по изданию: Фукидид. *История*. Л., 1981.

536. Быстрый прогресс наших знаний не может не восхищать: в самом деле, первое старовавилонское письмо было опубликовано (согласно A. Ungnad. VAB VI, стр. 11) всего лишь сто с небольшим лет назад (B. Meissner. *BA* 2 (1893): 557 и далее).

537. D. Charpin. Prophètes et rois dans le Proche-Orient amorrite: nouvelles données, nouvelles perspectives. FM VI, стр. 7–38.

538. A.1248: 29–34 (неизданный текст, цитируется Ж.-М. Дюраном в MARI 4 (1985): 410, примеч. 155).

539. ShA 1 65: 5–12.

540. R. M. Whiting. *Old Babylonian Letters from Tell Asmar*. Chicago, 1987.

541. Удивительно, что старовавилонские писцы связывали с перепиской и изобретение конвертов (см.: выше, стр. 166). В действительности древнейшие из дошедших до нас конвертов служили для защиты договоров.

542. *Epics of Sumerian Kings. The Matter of Aratta*. Atlanta, 2003. Стр. 54.

543. Ср.: P. Michalowski. *Letters from Early Mesopotamia*. Atlanta, 1993. Стр. 2.

544. P. Michalowski. The Libraries of Babel: Text, Authority, and Tradition in Ancient Mesopotamia. G. Dorleijn & H. L. J. Vanstiphout (eds.). *Cultural Repertoires: Structure, Function*. Leuven, 2003. Стр. 105–129.

545. Мы уже говорили об этом в гл. 1 и вернемся к вопросу в заключении. Здесь же стоит привести очень важное замечание П. Михаловского: «Неудивительно, что самые древние письма, найденные в Телль-Мардихе, древней Эбле, составлены на семитском «эблаитском» языке. К этому периоду клинопись была уже адаптирована для записи семитской речи, сформировался достаточно полный силлабарий. Поскольку письма по определению предназначены для отсутствующих лиц, послание должно быть максимально понятным и самодостаточным» («The Libraries of Babel...»).

Глава 6

546. Следует уточнить, что в архивах современных учреждений воля к собиранию и организации присутствует: такие архивы правильнее называть *фондами*. Их формируют и сохраняют специальные службы.

547. J. Reade. Archaeology and the Kuyunjik archives. *CRRAI* 30, стр. 219. В некоторых «библиотечных» табличках проделаны отверстия (рис. 37), которые часто связывают с обжигом: через них должна была испаряться лишняя влага. Эта интерпретация не подкреплена доказательствами.

548. B. Foster. On Authorship in Akkadian Literature. *Annali* 51/1 (1991): 17–32.

549. W. G. Lambert. *Babylonian Wisdom Literature*. Oxford, 1960. Стр. 63.

550. W. G. Lambert. Ancestors, Authors and Canonicity. *JCS* 11 (1957): 1–14. См. также его же работу: A Catalogue of Texts and Authors. *JCS* 16 (1962): 59–77.

551. KAR 114г.: 4, текст цитируется У. Ламбертом в *JCS* 16: 73.

552. *JCS* 16: 66 (K.9717+: 10).

553. См.: A. R. George. *The Babylonian Gilgamesh Epic. Introduction, Critical Edition and Cuneiform Texts*. Oxford, 2003. Стр. 3–54. Увлекательный обзор различных этапов создания эпоса предлагает статья А. Р. Джорджа *Gilgamesh and the Literary Traditions of Ancient Mesopotamia*. G. Leick (ed.). *The Babylonian World*. New York & London, 2007. Стр. 447–457.

554. F. Rochberg-Halton. Canonicity in Cuneiform Texts. *JCS* 36 (1984): 127–144.

555. Исключение составляет колофон, указывающий: «6-я табличка “О все издавшем”, серия о Гильгамеше» (H. Hunger. *Babylonische und assyrische Kolophone*. Neukirchen-Vluyn, 1968 (далее ВАК), стр. 85, № 255). В последнем варианте эпоса в начало пролога были добавлены 28 строк. Старовавилонская версия произведения имела другой инципит: «Велик он более всех царей» (*Šūtur eli šarrī*).

556. ВАК.

557. См.: A. George. The Epic of Gilgameš: Thoughts on Genre and Meaning. J. Azize & N. Weeks (ed.). *Gilgameš and the World of Assyria*. Leuven, 2007. Стр. 37–65 (с обширной аннотированной библиографией).

558. E. Leichty. *The Omen Series Šumma Izbu*. New York, 1970. Стр. 105 (табличка 8, стк. 42').

559. N. P. HeeBel. *Babylonisch-assyrische Diagnostik*. Münster, 2000. Стр. 172 и 181 (табличка *Sakikku* 16: 2).

560. См. общие обзоры: J. Bottéro. Symptômes, signes, écritures en Mésopotamie ancienne. J.-P. Vernant et al. *Divination et Rationalité*. Paris, 1974 (стр. 70–197) и его же работу: *Divination et esprit scientifique*. *La*

Mésopotamie. L'écriture, la raison et les dieux. Paris, 1987. Стр. 157–169. Новейшая библиография приводится в статье S. M. Maul. *Omina und Orakel*. *RIA* 10, стр. 45–88.

561. См.: U. S. Koch. *Secrets of Extispicy. The Chapter Multabiltu of the Babylonian Extispicy Series and Niširti bārūti. Texts mainly from Assurbanipal's Library*. Münster, 2005.

562. См.: E. Reiner, in collaboration with D. Pingree. *Babylonian Planetary Omens. Part Four*. Leiden & Boston, 2005 (с библиографией).

563. S. A. L. Butler. *Mesopotamian Conceptions of Dreams and Dream Rituals*. Münster, 1998; см.: J. Bottéro. L'oniromancie. *Mésopotamie. L'écriture, la raison et les dieux*. Paris, 1987. Стр. 133–156.

564. См.: J. Bottéro. La tétatomancie babylonienne. *Mythes et Rites de Babylone*. Genève–Paris, 1985. Стр. 1–28.

565. См.: M. J. Geller. *Renal and Rectal Disease Texts* (Die babylonisch-assyrische Medizin in Texten und Untersuchungen VII). Berlin, 2005. С 2003 г. издается *Journal des Médecines Cunéiformes* (www.oriental.cam.ac.uk/jmc).

566. S. M. Freedman. *If a City Is Set on a Height. The Akkadian Omen Series Šumma Alu ina Mēlê Šakin*. Vol. 1. Tablets 1–21. Philadelphia, 1998.

567. Серия *Alamdimmū* издана в книге В. Böck. *Mesopotamische Morphoskopie*. Wien, 2000.

568. T. Abusch. *Mesopotamian Witchcraft*. Leiden–Boston–Köln, 2002.

569. S. Maul. *Zukunftsbewältigung. Eine Untersuchung altorientalischen Denkens anhand der babylonisch-assyrischen Löserituale (Namburbi)*. Mainz, 1994. В сжатом изложении см. в работе того же автора: How the Babylonians Protected Themselves against Calamities Announced by Omens. T. Abusch & K. van der Toorn (eds.). *Mesopotamian Magic*. Groningen, 1999. Стр. 123–130.

570. Переиздание серии *iqqur ipuš* анонсировано А. Ливингстоном. В настоящее время доступна его статья: The Magic of Time. T. Abusch & K. van der Toorn (eds.). *Mesopotamian Magic*. Groningen, 1999. Стр. 131–138.

571. См.: N. Ziegler (éd.). *La Musique au Proche-Orient ancien* (Dossiers Archéologie et sciences des origines 310). Dijon, 2006.

572. Корпус так называемых песен *balag* опубликован в книге: M. E. Cohen. *The Canonical Lamentations of Ancient Mesopotamia*. Potomac, 1988 (дополнительно см.: R. Borger. *BiOr* 47 (1990): 5–39).

573. М.-J. Seux. *Hymnes et prières aux dieux de Babylonie et d'Assyrie*. Paris, 1976.
574. М. Civil. Lexicography. *Mél. Jacobsen*, стр. 123–157.
575. Такова новейшая интерпретация трудного для понимания выражения *lišān mithurti*, см.: J. Klein. The Origin and Development of Languages on Earth: The Sumerian Versus the Biblical View. *Mém. Cagni*, стр. 563–584.
576. См., например, J.-M. Durand. Un commentaire à TDP I, AO 17661. *RA* 73 (1979): 153–170 (дополнения: *JCS* 34 (1982): 231–241). Недавно опубликованы еще два примера: I. L. Finkel. On an Izbu VII Commentary. *Mél. Leichty*, стр. 139–148; S. M. Freedman. BM 129092: A Commentary on Snake Omens. Там же, стр. 149–166. Ср.: E. Frahm. *Origins of Interpretation*. Münster (в печати).
577. SAA X 160: 14–16.
578. См. превосходный обзор в недавно вышедшей книге: В. R. Foster. *Akkadian Literature of the Late Period*. Münster, 2007.
579. A. George. The Epic of Gilgameš: Thoughts on Genre and Meaning. Стр. 41.
580. См.: J. Reade. Archaeology and the Kuyunjik archives. *CRRAI* 30, стр. 213–222; C. B. F. Walker. The Kouyunjik Collection of Cuneiform Texts: Formation, Problems, and Prospects. M. F. Fales & B. J. Hickey (ed.). *Austen Henry Layard tra l'Oriente e Venezia*. Roma, 1987. Стр. 183–193; J. E. Reade. Ninive (Nineveh). *RIA* 9, стр. 421–427.
581. L. Battini. La localisation des archives du palais sud-ouest de Ninive. *RA* 90 (1996): 33–40. Автор возвращается к давно забытой гипотезе Г. Смита (1875 г.).
582. D. Charpin. 1872: la Bible avait donc copié! *Dossiers d'Archéologie* 204 (1995): 2–5.
583. C. Bezold. *Catalogue of the Cuneiform Tablets in the Kouyunjik Collection of the British Museum*. London, 1889–1899. 5 vols.
584. L. W. King. *Supplement to the Catalogue of the Cuneiform Tablets in the Kouyunjik Collection of the British Museum*. London, 1914.
585. W. G. Lambert & A. L. Millard. *Second Supplement to the Catalogue of the Cuneiform Tablets in the Kouyunjik Collection of the British Museum*. London, 1968. Эти тексты и фрагменты не получили номеров на К.
586. W. G. Lambert. *Catalogue of the Cuneiform Tablets in the Kouyunjik Collection of the British Museum. Third Supplement*. London, 1992.
587. J. Reade. *RIA* 9, стр. 421.

588. См. ВАК. Значение колофонов справедливо подчеркивается в статье: S. Lieberman. Canonical and Official Cuneiform Texts: Towards an Understanding of Assurbanipal's Personal Tablet Collection. *Mél. Moran*, стр. 305–336 (стр. 317–320).
589. Один из примеров уже приводился в гл. 1, стр. 34, примеч. 18.
590. ВАК, стр. 97, № 317 (Asb. Тип a).
591. ВАК, стр. 100, № 322 (Asb. Тип h).
592. ВАК, стр. 100, № 323 (Asb. Тип i-k).
593. S. J. Lieberman. Canonical and Official Cuneiform Texts... стр. 318.
594. L. Oppenheim. *La Mésopotamie. Portrait d'une civilisation*. Paris, 1970. Стр. 26–29.
595. E. Reiner. Plague Amulets and House Blessings. *JNES* 19 (1960): 148–155.
596. ABL 334 = SAA X 373: 4–13. Ср. другие примеры в работе: G. Frame & A. George. The Royal Libraries of Nineveh. Стр. 278–279.
597. СТ XXII 1 (я опускаю в цитате два длинных перечня текстов). До нас дошли две полностью идентичных копии этого письма – ни одна из них не является оригиналом, но подлинность текста и авторство Ашшурбанипала не ставятся под сомнение: см., например: G. Frame & A. R. George. The Royal Libraries of Nineveh. Стр. 280–281.
598. BM 45642: 8–14 (G. Frame & A. R. George. The Royal Libraries of Nineveh. Стр. 267–269).
599. BM 28825 (G. Frame & A. R. George. The Royal Libraries of Nineveh. Стр. 272–275).
600. S. Parpola. Assyrian Library Records. *JNES* 42 (1983): 1–29. Тексты переизданы в работе: F. M. Fales & J. N. Postgate. *Imperial Administrative Records*. Part I. Palace and Temple Administration. Helsinki, 1992. № 49–56.
601. J. Fincke. The Babylonian Texts of Nineveh. Report on the British Museum's Ashurbanipal Library Project. *AfO* 50 (2003–2004): 111–149.
602. ВАК, стр. 103, № 329 (Asb. Тип q).
603. Досл.: «большие уши».
604. SAA X 155: 5–13.
605. SAA X 101: 7–10.
606. U. Jeyes. Assurbanipal's *bārūtu*. *CRRAI* 39, стр. 61–65.
607. ВАК, стр. 102, № 328 (Asb. Тип o).
608. Призма А (i 23–34). R. Borger. *Beiträge zum Inschriftenwerk Assurbanipals*. Wiesbaden, 1996. Стр. 16 и 208–209 (А § 3).

609. См. текст A.3340, который цитирует Ж.-М. Дюран в ARM XXVI/1, стр. 53–54, а также ARM IV 54 (= LAPO 18 952).
610. J. Reade. RIA 9, стр. 423b.
611. См. А. George. *Mél. Klein*, стр. 133.
612. S. Richardson. gir₃-gen-na and Šulgi's "Library": Liver Omen Texts in the Third Millennium B. C. (I). *CDLJ* 2006/3: 1–9.
613. O. Pedersén. Archives and Libraries in the Ancient Near East 1500–300 B. C. Bethesda, 1998. Стр. 44–55.
614. S. M. Maul. Die Reste einer mittelassyrischen Beschwörerbibliothek aus dem Königspalast zu Assur. *Mél. Wilcke*, стр. 181–194.
615. См. статью Ж. Уи в сборнике Ch. Samaran (éd.). *L'histoire et ses méthodes*. Paris, 1961. Стр. 1091 (цитируется в моей книге *Le Clergé d'Ur*, стр. 430–431).
616. См.: D. Charpin. *Le Clergé d'Ur au siècle d'Hammurabi (XIXe–XVIIIe siècles av. J.-C.)*. Genève-Paris, 1986.
617. A. Cavigneaux. A Scholar's Library in Meturan? With an edition of the tablet H 72 (Textes de Tell Haddad VII). T. Abusch & K. van der Toorn (ed.). *Mesopotamian Magic*. Groningen, 1999. Стр. 251–273.
618. P. Michalowski. The Libraries of Babel: Text, Authority, and Tradition in Ancient Mesopotamia. G. Dorleijn & H. L. J. Vanstiphout (ed.). *Cultural Repertoires: Structure, Function*. Leuven, 2003. Стр. 105–129.
619. Обзор текстов: D. Arnaud. La bibliothèque d'un devin syrien à Meskéné-Emar (Syrie). *CRAIBL* 1980: 375–388; издание текстов: D. Arnaud. *Textes de la bibliothèque. Transcriptions et traductions. Recherches au pays d'Aštata* (Emar 6/4). Paris, 1987. См. также: M. Dietrich. Die akkadische Texte der Archive und Bibliotheken von Emar. *UF* 22 (1990): 25–48.
620. См. обзор: D. Fleming. *Time at Emar. The Cultic Calendar and the Rituals from the Diviner's House*. Winona Lake, 2000 (особенно стр. 13–47).
621. S. M. Maul. Wie die Bibliothek eines Assyrischen Gelehrten wiederersteht. J. Marzahn & B. Salje (Hrsg.). *Wiedererstehendes Assur. 100 Jahre deutsche Ausgrabungen in Assyrien*. Mainz, 2003. Стр. 175–182.
622. См.: O. Pedersén. *Archives and Libraries in the Ancient Near East 1500–300 B. C.* Bethesda, 1998. Стр. 178–179.
623. S. Parpola. Mesopotamian Astrology and Astronomy as Domains of Mesopotamian "Wisdom". H. D. Galter (Hrsg.). *Die Rolle der Astronomie in den Kulturen Mesopotamiens*. Graz, 1993. Стр. 47–59 (доступно на <http://knpr.prs.heacademy.ac.uk/bibliography>).

624. S. Parpola. *JNES* 42: 9.
625. H. V. Hilprecht. *The Earliest Version of the Babylonian Deluge Story and The Temple Library of Nippur*. Philadelphia, 1910.
626. Наиболее подробное исследование вопроса: E. Robson. The Tablet House: a Scribal School in Old Babylonian Nippur. *RA* 95 (2001): 39–66.
627. M. Civil. Reading Gilgameš. *Mél. del Olmo Lete*, стр. 179–189.
628. Например: «в Шадуппуме (Телль-Абу-Хармаль) лексические и литературные тексты были найдены внутри храма Нисабы и ее супруга Хайи, шумерских божеств-покровителей писцового искусства» (С. J. Lucas. The Scribal Tablet-House in Ancient Mesopotamia. *History of Education Quarterly* 19/3 (1979): 305–332, стр. 311).
629. См. *Clergé d'Ur*, стр. 354–355.
630. D. Charpin. Les divinités familiales des Babyloniens d'après les légendes de leurs sceaux-cylindres. *Mél. Kupper*, стр. 59–78.
631. Замена оказалась неполной: Набу и Нисаба иногда упоминаются вместе, как, например, в колофоне KAR 31r.: 27: *Nabû u Nisaba bēlê É tumme* (ср. H. Hunger, BAK, № 192) или охранительной надписи: MU^dAG u^dŠE.NAGA MU *šaṭ-ru l[a tapaššij]* «Именем Набу и Нисабы, не стирай мое написанное имя!» (см.: K. Radner. *Die Macht des Namens*, стр. 170, примеч. 915).
632. G. Loud & C. B. Altman. *Khorsabad*. Part II. The Citadel and the Town. Chicago, 1938 (стр. 46 и также *pus.* 19c [H 5] и 24d [H 15]).
633. D. J. Wiseman & J. A. Black. *Literary Texts from the Temple of Nabû*. London, 1996; см.: W. G. Lambert. Literary Texts from Nimrud. *AfO* 46–47 (1999–2000): 149–155.
634. A. Cavigneaux. *Nabû ša ḫarê* und die Kinder von Babylon. *CDOG* 2, стр. 388.
635. W. Al-Jadir. Découverte d'une bibliothèque dans le temple de la ville de Sippar (Abu Habbah). *CRAI* 34, стр. 707–715 (и *pus.* 207–213).
636. См. мою заметку: Les mots et les choses: *girginakku* «bibliothèque». *NABU* 2007/60.
637. Они изданы Ф. Аль-Раби с различными соавторами в серии статей в журнале *Iraq*. Первая из них вышла в *Iraq* 52 (1990): 1–13.
638. См. гл. 7.
639. См.: P.-A. Beaulieu. The Astronomers of the Esagil Temple in the Fourth Century B. C. *Mél. Leichty*, стр. 5–22. Попытка реконструкции состава библиотеки: Ph. Clancier. *Les bibliothèques en Babylonie au Ier millénaire*

av. J.-C. (thèse de doctorat de l'université Paris 8 «Vincennes-Saint-Denis»), Paris, 2005 (вскоре должно выйти издание этой диссертации, посвященной библиотекам ахеменидской и эллинистической эпох).

640. Примеры см.: в CAD T 18. Исследование – G. Offner. À propos de la sauvegarde des tablettes en Assyro-Babylonie. *RA* 44 (1950): 135–143 – на сегодняшний день выглядит устаревшим и отличается анахроническим подходом. См. также ссылки в ВАК, стр. 12–14.

641. ВАК, стр. 42, № 96: 4.

642. STT 38 iv 12, ср. ВАК, стр. 111, № 354. CAD переводит несколько иначе: «Не обращай с табличкой дурно, дабы не повредить собрание табличек».

643. Я прошу прощения у библиотекарей, читающих эти строки, но мне в самом деле встречались подобные случаи профессиональной деформации личности...

644. ВАК, стр. 46, № 106.

645. ВАК, стр. 97–98, № 318 (Asb. Тип с-е).

646. Их список дается в эпопее о Тукульте-Нинурте (см.: J. Fincke. *A/O* 50: 123–124, примеч. 108).

647. В том, что касается шумерской литературы, канонизация на тот момент как раз уже завершилась: состав произведений в этот период практически неизменен вне зависимости от места находки рукописей.

Глава 7

648. Эта глава во многом обязана своим появлением прекрасной книге: K. Radner. *Die Macht des Namens. Altorientalische Strategien zur Selbsterhaltung* (Wiesbaden, 2005), рецензию на которую я опубликовал под заглавием «La quête de l'immortalité en Mésopotamie» (*RA*, в печати).

649. K. Radner. *Die Macht des Namens*, стр. 116–117.

650. Nazi-Maruttaš MDP 2 86. Цитата и комментарий: K. E. Slanski. *The Babylonian Entitlement narûs (kudurgus)*. Boston, 2003. Стр. 41–42. Мои замечания см.: в *RA* 96 (2002): 176 ad Nazi-Maruttaš MDP 2 86 и стр. 183, примеч. 104.

651. D. Charpin. Inscriptions votives d'époque assyrienne. *MARI* 3 (1984): 42, № 1.

652. D. Charpin. Inscriptions votives d'époque assyrienne. *MARI* 3 (1984): 56, № 7; о чтении титула «музыкантша» (N[AR]) в строке 4', см.: J.-M. Durand *apud* N. Ziegler (FM IV, стр. 78, примеч. 500).

653. ARM XXVI/1 194: 24–31.

654. В храме Гулы в Исине даже обнаружено кладбище собак. Одна из надписей объясняет нам, что на этом месте находилась псарня. Собаки должны были вылизывать язвы больных людей: известно, что собачья слюна содержит два энзима с сильным заживляющим действием. Именно этим объясняется связь собаки с медициной, от Эскулапа до Эпидавра и средневековых церквей, где святой Рох, защитник от чумы, изображался вместе с псом. См. мою статью в *Journal des Médecines Cunéiformes* (в печати).

655. См. *RA* 100: 151.

656. ARM XXVI/1 194: 3–7.

657. J.-M. Durand. *LAPO* 18, стр. 390–402.

658. ARM XXVI/1 84.

659. J. M. Sasson. The Vow of Mutiya, King of Shekhna. *Mél. Astour*, стр. 475–490. Текст опубликован в статье J. Eidem. Northern Jezira in the 18th Century B. C. Aspects of Geo-Political Patterns. *Subartu* 7 (2000): 255–264.

660. RIME 3/1, стр. 185, № 6 (= IRSA стр. 117, ПС4а).

661. VS 17 41: 173–177; текст издан в статье J. J. van Dijk. Une insurrection générale au pays de Larša avant l'avènement de Nūr-Adad. *JCS* 19 (1965): 1–25.

662. Последнее издание: D. Frayne. RIME 4, стр. 134 (Sūmû-El 2001).

663. Надпись издана в RIME 4, стр. 360, № 2002; описание статуэтки, сегодня находящейся в Лувре, дается в книге: A. Spycket. *La statuaire du Proche-Orient ancien*. Leiden & Köln, 1981. Стр. 246–247, рис. 169. Вопреки распространенному мнению, на статуэтке изображен не царь Хаммурапи.

664. D. Frayne. RIME 4, стр. 302–303 (Rīm-Sîn 23).

665. См. D. Charpin. Le rôle du roi dans la rédaction des inscriptions votives. *NABU* 1997/93. Для Новоассирийского периода см.: E. Frahm. *Einleitung in die Sanherib-Inschriften*. Wien, 1997. Стр. 281.

666. ARM XVIII 16+ = LAPO 16 92.

667. См. K. Radner. *Die Macht des Namens*, стр. 134–135.

668. D. Charpin. La politique hydraulique des rois paléo-babyloniens. *Annales, Histoire, Sciences sociales* 57/3 (2002): 545–559.

669. См.: K. Radner. *Die Macht des Namens*, стр. 37–42 (с библиографией).

670. R. S. Ellis. *Foundation Deposits in Ancient Mesopotamia*. New Haven & London, 1968. См. также: G. van Driel. *JAOS* 93 (1973): 67–74.

671. См. E. Sollberger & J.-R. Kupper. *Inscriptions royales sumériennes et akkadiennes*. Paris, 1971. Стр. 24–36. Работа С. Семинары *Le iscrizioni reali sumero-accadiche d'età paleobabilonese. Un'analisi tipologica e storico-letteraria* (Roma, 2004) разочаровывает читателя: см. мои замечания в *RA* 100 (2006): 131–160.

672. M. J. A. Horsnell. *The Year Names of the First Dynasty of Babylon*. Hamilton, 1999. Vol. I, ch. XIII («Promulgation documents»). Следует подчеркнуть, что термин «датировочная формула» (фр. *nom d'année*, англ. *year-name*) не соответствует представлениям самих древних: они использовали в этом случае не слово «имя» (*šutum*), а термин *nibum* «обозначение» (ср. K. Radner. *Die Macht des Namens*, стр. 111).

673. M. J. A. Horsnell, *The Year Names of the First Dynasty of Babylon II*, стр. 187.

674. См. M. J. A. Horsnell, *The Year Names of the First Dynasty of Babylon II*, стр. 220.

675. ARM XIII 27 (= LAPO 16 157).

676. ARM XIII 47 (= LAPO 16 90).

677. Самые ранние из таких текстов опубликованы в статье M. Birot. Les chroniques «assyriennes» de Mari. *MARI* 4 (1985): 219–242; см.: J.-M. Durand. La conscience du temps et sa commémoration en Mésopotamie: l'exemple de la documentation mariote. *Akkadica* 124 (2003): 1–12.

678. *MARI* 4: 229, № 8 (S.115, 26: 9'-12').

679. См. *RA* 100: 133, примеч. 14, и H. D. Galter. Assyrische Königsinschriften des 2. Jahrtausends v. Chr. Die Entwicklung einer Textgattung. *CRRAI* 39, стр. 53–59.

680. V. Scheil. *Au service de Clio*, стр. 37.

681. См., например, M. Liverani. Memorandum on the Approach to Historiographic Texts. *Orientalia* 42 (1973): 178–194. Автор выступает за подход к текстам, учитывающий достижения структурной лингвистики.

682. См. об Ашшурбанипале: J. Fincke. *AfO* 50 (2003–2004): 120b.

683. За последние четверть века вышли три исследования этого вопроса. Первое из них принадлежит М. Сивилу: M. Civil. Les limites de

l'information textuelle. M.-Th. Barrelet (éd.). *L'archéologie de l'Iraq*. Paris, 1980. Стр. 225–232. Десять лет спустя была опубликована работа W. Hallo. The Limits of Skepticism. *JAOS* 110 (1990): 187–199. Ответ Г. Бекмана на статью У. Хэлло (G. Beckman. The Limits of Credulity (Presidential Address). *JAOS* 125 (2005): 343–352) не оправдывает ожиданий, так как в нем проблема рассматривается с точки зрения достоверности – именно этого стремился избежать М. Ливерани.

684. Я имею в виду прежде всего знаменитую легенду «Восстание против Нарам-Сина» – ср. мои замечания в FM III, стр. 9–18.

685. См. D. Charpin. Les inscriptions royales suméro-akkadiennes d'époque paléobabylonienne. *RA* 100 (2006): 131–160 (особенно стр. 150). В пример можно привести рассказ о военной кампании против царства Кабра на стенах Шамши-Адада и царя Эшнунны Дадуши: текст надписей легко сравнить с данными писем из Мари и Шемшары (см.: D. Charpin. Données nouvelles sur la région du Petit Zab au XVIIIe siècle av. J.-C. *RA* 98 (2004): 151–178).

686. Подробнее см.: OBO 160/4, стр. 39–56 («Les sources et l'historien»).

687. J.-J. Glassner. *Chroniques mésopotamiennes*, Paris, 1993. Стр. 200. Аккадский текст в английском издании книги: *Mesopotamian Chronicles*. Atlanta, 2004. Стр. 230.

688. См. F. Malbran-Labat. *Les inscriptions royales de Suse*. Paris, 1995. Стр. 32–33, № 12. Ср. мой комментарий в статье: Le statut des «codes de lois» des souverains babyloniens. *Mél. Ruzé*, стр. 93–108 (стр. 104).

689. См.: Le statut des «codes de lois»... стр. 100. О связи между выражением *šalmiya šar mišarim* и изображением «царя справедливости» в верхней части стелы см.: K. E. Slanski. *The Babylonian Entitlement narûs* (kudurrus). Boston, 2003. Стр. 261.

690. См.: Le statut des «codes de lois»... стр. 101.

691. Например, K. Radner. *Die Macht des Namens*, стр. 130.

692. Не только под землей: например, кирпичи с надписями чаще всего скрывались под слоем штукатурки, которой покрывались стены (ср.: *RA* 100, стр. 154, примеч. 97). Сегодня мы можем их прочесть, потому что разбираем руины стен – именно в этом и состоял замысел древних!

693. BSt № 7 ii 11; см.: CAD T 336–337.

694. RIME 4, стр. 290 (Rim-Sin I № 13: 36–37).

695. RIMA 1, стр. 50 (Šamšī-Adad № 1: 88–98).

696. A. Parrot. *Syria* 31 (1954): 160–162; ср.: R. S. Ellis. *Foundation Deposits in Ancient Mesopotamia*. New Haven & London, 1968. Стр. 69–70.

697. RIMA 1, стр. 53 (Šamši-Adad I № 2 ii 21–iii 10). Нет никаких причин сомневаться в достоверности утверждений Шамши-Адада, как это делает Дж. Вестенхольц: The Old Akkadian Presence at Nineveh: Fact or Fiction? CRRAI 49, стр. 7–18.

698. См. таблицу: K. Radner. *Die Macht des Namens*, стр. 209–224.

699. См.: H. Schaudig. Nabonid, der "Archäologe auf dem Königsthron". Zum Geschichtsbild des ausgehenden neubabylonischen Reiches. *Mél. Kienast*, стр. 446–497.

700. H. Schaudig. *Die Inschriften Nabonids von Babylon und Kyros' des Grossen*. Münster, 2002. Стр. 397–409 (ii 10–iii 31).

701. J.-L. Huot (éd.). *Larsa, 10e campagne, 1983 et 'Oueili 4e campagne, 1983. Rapport préliminaire*. Paris, 1987. Тем не менее, работы Набонида оставили меньше археологических следов, нежели «раскопки» Навуходоносора (стр. 175).

702. J. G. Westenholz. Writing for Posterity: Naram-Sin and Enmerkar. *Mém. Kutscher*, стр. 205–218.

703. Последнее издание текста: J. G. Westenholz. *Legends of the Kings of Akkade*. Winona Lake, 1997. Стр. 300–307 (стк. 29–30).

704. J. G. Westenholz. *Legends of the Kings of Akkade*, стр. 326–327 (стк. 149–154).

705. См. обширную библиографию по этому вопросу в работе K. Radner. *Die Macht des Namens*. Стр. 155–161.

706. ARM XXVI/1 191; см.: FM V, стр. 202, примеч. 284.

707. Можно ли пойти дальше поверхностной аналогии между «надписями» на печени ягненка и текстами на глиняных табличках? Исходя из того, что чтение должно было предшествовать письму, Ж.-М. Дюран задается вопросом, не могла ли гадательная практика, состоящая в толковании знаков, стоять у истоков интеллектуальной революции, которая привела к изобретению письменности: см.: J.-M. Durand. Lecture d'un texte divinatoire babylonien. A.-M. Christin (éd.). *Espaces de la lecture*. Paris, 1988. Стр. 54–59.

708. ОЕСТ 6, пус. 30 (К 2824: 12). Текст цитируется в статье: F. Rochberg. Old Babylonian Celestial Divination. *Mél. Leichty*, стр. 337–348 (стр. 339, примеч. 14).

709. W. G. Lambert. *Babylonian Oracle Questions*. Winona Lake, 2007.

710. CTN IV 63: i 9–12.

711. ARM XXVI/1 1: 11–16.

712. ARM XXVI/1 104: 14–15.

713. Об этом выражении см.: K. Radner. *Die Macht des Namens*. Wiesbaden, 2005 (стр. 18) и F. Rochberg. Old Babylonian Celestial Divination (стр. 338–339). О месопотамской астрологии в целом см.: D. Brown. *Mesopotamian Planetary Astronomy-Astrology* (Groningen, 2000) и F. Rochberg. *The Heavenly Writing. Divination, Horoscopy, and Astronomy in Mesopotamian Culture* (Cambridge, 2004).

714. M. deJ. Ellis. The Goddess Kititum Speaks to King Ibalpiel: Oracle Texts from Ishchali. *MARI* 5 (1987): 235–266.

715. ARM XXVI/2 414. Об этом случае см. мою статью в FM VI, стр. 14–15.

716. ARM XXVI/1 194.

717. См.: M. Van De Mieroop. *Cuneiform Texts and the Writing of History*. London, 1999, а также мои размышления по поводу этой книги в RA 100 (2006): 108–111.

Заключение

718. См. C. Frake. Did Literacy Cause the Great Cognitive Divide? *The American Ethnologist* 10 (1983): 369–371.

719. M. B. Dick (ed.). *Born in the Heaven, Made on Earth. The Making of the Cult Image in the Ancient Near East*. Winona Lake, 1999.

720. Ссылки в *Le Clergé d'Ur*, стр. 488.

721. C. B. F. Walker & M. Dick. *The Induction of the Cult Image in Ancient Mesopotamia: the Mesopotamian mis pi Ritual*. Winona Lake, 2001.

722. См.: M. J. H. Linszen. *The Cults of Uruk and Babylon. The Temple Ritual Texts as Evidence for Hellenistic Cult*. Leiden, 2003. О ритуалах II тыс. до н. э. см.: J.-M. Durand & M. Guichard. Les rituels de Mari. FM III, стр. 19–78. Конечно, мы не застрахованы от сюрпризов: например в *Scherbenloch* в Уруке было найдено три обрядовых текста на шумерском языке времен Рим-Сина, к сожалению, в очень плохом состоянии (AUWE 23, № 122–124).

723. G. P. Verbrugghe & J. M. Wickersham. *Berosos and Manetho, Introduced and Translated. Native Traditions in Ancient Mesopotamia and Egypt*. Ann Arbor, 1996. Стр. 44.

724. W. G. Lambert. Enmeduranki and Related Matters. *JCS* 21 (1967): 126–138.

725. AMT 105 iv 21сл.; ср. E. Reiner, *Orientalia* 30: 10.

726. Erra IV 50.

727. G. P. Verbrugge & J. M. Wickersham. *Berosos and Manetho*, стр. 49–50.

728. E. Sollberger. The Cruciform Monument. *JEOL* 20 (1968): 50–70.

729. М. А. Пауэлл реконструировал хитроумный сценарий, согласно которому памятник должны были приписать Нарам-Сину, а не Маништушу (М. А. Powell. Narām-Sîn, Son of Sargon: Ancient History, Famous Names, and a Famous Babylonian Forgery. *ZA* 81 (1991): 20–30). Эта гипотеза была опровергнута вследствие находки рукописи текста в храмовой библиотеке Сиппара: F. N. H. Al-Rawi & A. R. George. Tablets from the Sippar Library III. Two Royal Counterfeits. *Iraq* 56 (1994): 135–148 (стр. 139–148).

730. P.-A. Beaulieu. The Historical Background of the Uruk Prophecy. *Mél. Hallo*, стр. 41–52.

731. TCL 6 38. Еще один псевдоисторический документ с похожим подтекстом, SpTU I 2, рассказывает о том, как Шульги «изменил недолжным образом обряды поклонения Ану, порядки Урука и тайное знание ученых». Этот текст был составлен в 251 г. до н. э., всего за пять лет до завершения строительства *Bīt rēš*.

732. Кстати, именно по слоговым записям старовавилонского периода было установлено чтение многих логограмм в поздних гадательных сводах. См. пример, приведенный выше (стр. 23).

733. См. E. Frahm. *Origins of Interpretation*, Münster.

734. См. гл. 2, стр. 94.

735. A. R. George. *The Babylonian Gilgamesh Epic*. Oxford, 2003. Стр. 538, I: 6–8.

736. См. G. Jonker. *The Topography of Remembrance. The Dead, Tradition & Collective Memory in Mesopotamia*. Leiden, New York & Köln, 1995; K. Radner. *Die Macht des Namens*. Wiesbaden, 2005.

737. H. L. J. Vanstiphout. Lipit-Eštar's Praise in Edubba. *JCS* 30 (1978): 33–61 (стр. 39).

738. A. R. George. *The Babylonian Gilgamesh Epic...* Стр. 538–539.

БИБЛИОГРАФИЯ

Общие работы

- F. Joannès (éd.). *Dictionnaire de la civilisation mésopotamienne*. Paris, 2001.
- J. M. Sasson et al. (eds.). *Civilizations of the Ancient Near East*. New York, 1995.
- G. Leick (ed.). *The Babylonian World*. New York–London, 2007.

Введение

- M. W. Green. Early Cuneiform. W. M. Senner (ed.). *The Origins of Writing*. Lincoln–London, 1989. Стр. 43–57.

Глава 1

Первый вариант этой главы был опубликован под заглавием «Lire et écrire en Mésopotamie: une affaire de spécialistes?». *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 2004: 481–508 (текст доступен на www.digitorient.com).

- H. Vanstiphout. Memory and Literacy in Ancient Western Asia. J. M. Sasson et al. (eds.). *Civilizations of the Ancient Near East*. Part 4. New York, 1995. Стр. 2181–2196.

Глава 2

- Библиография по состоянию на 1998 г. дается в работе:
- D. Charpin. Sumer. III. Écoles et éducation. *Supplément au Dictionnaire de la Bible* 72. Paris, 1999. Стр. 215–226.

Дополнения:

- H. L. J. Vanstiphout. On the Old Babylonian Edubba. J. W. Drijvers & A. A. MacDonald (eds.). *Centres of Learning. Learning and Location in Pre-Modern Europe and the Near East*. Leiden, 1995. Стр. 3–16.
- S. Tinney. Texts, Tablets and Teaching. Scribal Education in Nippur and Ur. *Expedition* 40/2 (1998): 40–50 (прекрасные иллюстрации).
- S. Tinney. On the Curricular Setting of Sumerian Literature. *Iraq* 61 (1999): 159–172.
- E. Robson. The Tablet House: a Scribal School in Old Babylonian Nippur. *RA* 95 (2001): 39–66.
- P. D. Gesche. *Schulunterricht in Babylonien im ersten Jahrtausend v. Chr.* (AOAT 275). Münster, 2001. Стр. 8–27. Дополнения: N. Veldhuis. On the Curriculum of the Neo-Babylonian School. *JAOS* 123 (2003): 627–633.
- H. L. J. Vanstiphout. The Old Babylonian Literary Canon: Structure, Function and Intention. G. Dorleijn & H. L. J. Vanstiphout (ed.). *Cultural Repertoires: Structure, Function, and Dynamics*. Leuven, 2003. Стр. 1–28.
- A. George. In Search of the é.dub.ba.a: The Ancient Mesopotamian School in Literature and Reality. *Mél. Klein*, 127–137.

Глава 3

Первый вариант этой главы был опубликован под заглавием «Esquisse d'une diplomatie des documents mésopotamiens». *Bibliothèque de l'École des chartes* 160 (2002): 487–511. Для книги я убрал из статьи ряд слишком технических примечаний и некоторые фрагменты текста и, наоборот, включил ряд дополнений.

- M. Brosius (ed.). *Ancient Archives and Archival Traditions. Concepts of Record Keeping in the Ancient World*. Oxford, 2003.

Глава 4

В этой главе обобщаются результаты целого ряда моих работ, в которых можно найти более подробное изложение ряда проблем:

- Le geste, la parole et l'écrit dans la vie juridique en Babylonie ancienne. A.-M. Christin (éd.). *Écritures. Systèmes idéographiques et pratiques expressives*. Paris, 1982. Стр. 65–73.
- «Manger un serment». S. Lafont (éd.). *Jurer et maudire: pratiques politiques et usages juridiques du serment dans le Proche-Orient ancien. Méditerranées* 10–11 (1997): 85–96 (текст доступен на www.digitorient.com).
- Noms de personnes et légendes des sceaux en Babylonie ancienne. A.-M. Christin (éd.). *L'écriture du nom propre*. Paris, 1998. Стр. 43–55.
- Lettres et procès paléo-babyloniens. F. Joannès (éd.). *Rendre la justice en Mésopotamie*. Paris, 2000. Стр. 69–111 (текст доступен на www.digitorient.com).
- Les formulaires juridiques des contrats de Mari à l'époque amorrite: entre tradition babylonienne et innovation. S. Démare-Lafont & A. Lemaire (éds.). *Les formulaires juridiques ouest-sémitiques. Table ronde de l'EPHE, Paris, 28–29 septembre 2006*. В печати.
- Guerre et paix dans le monde amorrite et post-amorrite. *CRRAI* 52, в печати.

Глава 5

Первый вариант этой главы был опубликован по-английски под заглавием: «The Writing, Sending and Reading of Letters in the Amorite World». G. Leick (ed.). *Babylonian World*. New York–London, 2007. Стр. 396–413. Подробнее см.: мою книгу *La correspondance à l'époque amorrite. Écriture, acheminement et lecture des lettres d'après les archives royales de Mari* (в печати), где будут опубликованы ранее не издававшиеся тексты, которые цитируются в этой главе.

Сборники писем в переводах:

- P. Michalowski. *Letters from Early Mesopotamia*. Atlanta, 1993 (письма III тыс. до н. э.). Id. *The Royal Correspondance of Ur* (готовится к печати).

- J.-M. Durand. *Les Documents épistolaires du palais de Mari*. Т. I-III. Paris, 1997–2000. Также серии Archives Royales de Mari и Florilegium Marianum.
- Старовавилонские письма основного месопотамского ареала публикуются в серии под редакцией Ф. Крауса, затем К. Р. Вееenhoфа *Altbabylonische Briefe* (Leiden, 1964–). В настоящее время издано 14 томов, из них 9 с немецким переводом и 5 с английским.
- С. Michel. *Correspondance des marchands de Kanish*. Paris, 2001.
- О переписке Новоассирийского периода см. тома 1, 5, 10, 13, 15–18 в серии *State Archives of Assyria* (Helsinki, 1987–) под редакцией С. Парполы.

Глава 6

- К. R. Veenhof (ed.). *Cuneiform Archives and Libraries. Papers read at the 30e Rencontre Assyriologique Internationale, Leiden, 4–8 July 1983*. Leiden, 1986.
- O. Pedersén. *Archives and Libraries in the Ancient Near East 1500–300 B. C.* Bethesda, 1998.
- O. Pedersén. *Archives and Libraries in the City of Assur. A Survey of the Material from the German Excavations 1–2*. Uppsala, 1985–1986.
- O. Pedersén. *Archive und Bibliothek in Babylon. Die Tontafeln der Grabung Robert Koldeweys 1899–1917*. Saarwellingen, 2005.
- G. Frame & A. R. George. The Royal Libraries of Nineveh: New Evidence for King Ashurbanipal's Tablet Collecting. *CRRAI* 49, 265–284.
- J. Fincke. The Babylonian Texts of Nineveh. Report on the British Museum's Ashurbanipal Library Project. *AfO* 50 (2003–2004): 111–149.
- B. R. Foster. *Akkadian Literature of the Late Period*. Münster, 2007. Эта работа дополняет переводы того же автора в книге *Before the Muses. An Anthology of Akkadian Literature. Third edition*. Bethesda, 2005.

Глава 7

Хорошее введение и переводы некоторых надписей III и первой половины II тыс. до н. э. см.: в издании E. Sollberger & J.-R. Kupper. *Inscriptions royales sumériennes et akkadiennes*. Paris, 1971. Весь корпус месопотамских царских надписей издается университетом Торонто в серии *Royal Inscriptions of Mesopotamia*, к настоящему времени опубликовано 8 томов.

Исследование М. Ливерани *Memorandum on the Approach to Historiographic Texts, Or* 42 (1973): 178–194 ознаменовало новый этап в изучении текстов этого жанра. Из более поздних работ см.: обобщающую статью А. К. Grayson. *Histories and Historians of the Ancient Near East: Assyria and Babylonia. Or* 49 (1980): 140–194, а также два важных сборника статей: F. M. Fales (ed.). *Assyrian Royal Inscriptions: New Horizons in Literary, Ideological and Historical Analysis*. Rome, 1981; T. Abusch et al. (eds.). *Historiography in the Cuneiform World. Proceedings of the XLVe Rencontre Assyriologique Internationale*. Part I. Bethesda, 2001. Ср. также P. Michalowski. *Commemoration, Writing, and Genre in Ancient Mesopotamia*. C. Shuttleworth Kraus (ed.). *The Limits of Historiography: Genre and Narrative in Ancient Historical Texts*. Leiden, 1999. Стр. 69–90.

Взаимосвязь между текстом и изображением в Новоассирийский период изучается в статье: B. N. Porter. *Language, Audience and Impact in Imperial Assyria. IOS* 15 (1995): 51–72, а также в работе той же исследовательницы *Images, Power, and Politics. Figurative Aspects of Esarhaddon's Babylonian Policy*. Philadelphia, 1993. См. также: J. M. Russell. *The Writing on the Wall. Studies in the Architectural Context of Late Assyrian Palace Inscriptions*. Winona Lake, 1999; о закладных надписях см.: S. Lackenbacher. *Le palais sans rival. Le récit de construction en Assyrie*. Paris, 1990.

22. Музей Лувра (АО 1648 = TCL 1 98), Объединение национальных музеев.
23. Клише Царских архивов Мари (M.11520; D. Charpin. *Mél. Veenhof*, стр. 17).
24. P. Matthiae. *CRRAI* 30, стр. 62, рис. 11.
25. J. Quick (ed.). *Magnificent Objects from the University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology*. Philadelphia, 2004. Стр. 141, № 128.
26. D. Collon. *Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Cylinder Seals III. Isin-Larsa and Old-Babylonian Period*. London, 1986. Рис. XX, № 246.
27. Клише Царских архивов Мари (M.6435+8987, текст опубликован Ж.-М. Дюраном. *Mél. Steve*, стр. 113).
28. P. Neve. *Hattuša: Stadt der Götter und Tempel. Neue Ausgrabungen in der Hauptstadt der Hethiter*, Mainz, 1993. Стр. 21, рис. 38.
29. D. Collon. *First Impressions. Cylinder Seals in the Ancient Near East*. London, 1987. Титул.
30. H. Klengel. *Mél. De Meyer*, стр. 171.
31. A. Røbech. BE VI/2, рис. VII, № 8 (текст № 33).
32. Клише Царских архивов Мари (A.3209, 23–25; текст опубликован Ф. Жоаннесом. *Mél. Birot*, стр. 108–109).
33. Клише Царских архивов Мари (A.486+; текст опубликован П. Вилларом. FM I, стр. 141).
34. Клише Царских архивов Мари (D. Charpin et J.-M. Durand. *MARI* 4: 337).
35. Клише Царских архивов Мари (M.8762, текст опубликован Д. Шарпеном. *Mél. Veenhof*, стр. 21).
36. Клише Царских архивов Мари (J.-M. Durand. *Mél. Garelli*, стр. 25 и 29).
37. C. Walker. *Cuneiform*, стр. 25, рис. 11 (DT 1).
38. J. Reade. RIA IX, стр. 391.
39. *Iraq* 17: 17.
40. B. Hrouda (Hrsg.). *Der alte Orient. Geschichte und Kultur des alten Vorderasien*, München, 1991. Стр. 280.
41. C. Walker. *Cuneiform*, стр. 25, рис. 10 (BM 46543 = RIME 4, стр. 336–337, № 3).

42. G. Loud & C. B. Altman. *Khorsabad. Part II. The Citadel and the Town* (OIP 40). Chicago, 1938. Рис. 19C.
43. Клише Д. Шарпена.
44. Музей Лувра (АО 9504), Объединение национальных музеев.
45. Музей Лувра (АО 4349), Объединение национальных музеев.
46. Музей Лувра (АО 15704), Объединение национальных музеев.
47. B. André-Leicknam & C. Ziegler (éd.). *Naissance de l'écriture. Cuneiformes et hiéroglyphes*. Paris, 1982. Стр. 327, № 271.
48. Клише Д. Шарпена.
49. Музей Лувра (АО 19939), Объединение национальных музеев.
50. Музей Лувра, Объединение национальных музеев.
51. J. Quick (ed.). *Magnificent Objects from the University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology*. Philadelphia, 2004. Стр. 139, № 126.

[Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page]

Шарпен Д.
Ш 25 Чтение и письмо в Вавилонии / Пер. с фр. И.С. Архипов; отв. ред. Л.Е. Коган. М.: РГГУ, 2009. 324 с.
ISBN 978-5-7281-1108-5

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)31-7